

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАМЯТОНИЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. Песочкумъ

и книгопродавецъ В. Поляковъ.

XXIV.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 17-го Декабря, 1842 года.

Ценсоръ: П. Корсаковъ.

XIV.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

І. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЖЕНАТЫЙ ПРОКАЗНИКЪ,

или

РИСКНУЛЬ, ДА И ЗАКАЯЛСЯ.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СОЧ. СКРИБА И ДЮВЕРЬЕ.

Переводъ съ Французскаго Н. Б.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Оскаръ Бониве, главный сборщикъ податей.

Жульетта, жена его.

Симонъ Бониве, дядя его.

Миннетта, горничная Жульетты.

Териньи, нотариусъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ богато убранный кабинетъ.

ЯВЛЕНІЕ І.

Жульетта и Териньи.

Жульетта.

Г. де Териньи,—нашъ молодой Нотариусъ!... И такъ рано!.. Это очень пріятно,

но, но и опасно!.. Въ провинціи болтавы, и такое раннее посѣщеніе можетъ повредить...

Териньи.

Только не вамъ, сударыня!.. Злословіе къ вамъ недоступно, и вы смѣло можете

Кд. XXIV—1.

быть прекраснѣйшею и любезнѣйшею изъ всѣхъ нашихъ дамъ.

Жульетта.

Какъ вы неосторожны!... Берегитесь! Если бѣ онѣ это слышали!..

Териньи.

Для меня совершенно все равно. При томъ я пришелъ къ вамъ по дѣлу, и весьма важному.

Жульетта (*улыбаясь*).

Весьма важному?

Териньи.

Да, сударыня, къ несчастію.

Жульетта.

Что жъ это такое?

Териньи (*съ замѣшательствомъ*).

Я пришелъ... Я хотѣлъ сказать вамъ... что... что та дача, которую вы желали имѣть... за двѣ миліи отсюда...

Жульетта.

Дача Г. Префекта Полиціи?

Териньи.

Онъ продаетъ ее.

Жульетта.

Неужели?

Териньи.

Онъ самъ мнѣ объ этомъ говорилъ, и такъ какъ я слышала нѣсколько разъ о вашемъ намѣреніи купить ее...

Жульетта.

Это было всегдашнее мое желаніе... Я совершенно была бы счастлива, если бѣ оно исполнилось... Но я не знаю, согласится ли на эту покупку мой мужъ.

Териньи.

Вашъ мужъ?.. Сынъ богатаго банкира и главный сборщикъ податей можетъ ли не сдѣлать этого, когда есть возможность, не касаясь капитала, приобрести эту ничтожную для него покупку изъ однихъ остатковъ.

Жульетта.

У него ихъ не бываетъ.

Териньи.

Согласенъ... Но онъ васъ любитъ... такъ повинуются вамъ...

Жульетта.

Не всегда!.. Конечно, бываютъ дни, въ которые я могу располагать имъ, но зато бываютъ и такіе, въ которые я должна...

Териньи.

Уступать ему?

Жульетта.

Уступать? О нѣтъ! Я никогда не уступаю.

Териньи.

Что жъ вы дѣлаете?

Жульетта.

Жду, и этого для меня много. Ждать—это такъ мучительно!..

Териньи.

Ужасно!.. Я это очень хорошо знаю, сударыня: я испытываю это даже теперь... въ сію минуту... потому что та, о которой я хотѣлъ говорить съ вами... которую едва смѣю назвать вамъ... сестрица ваша... Агнеса...

Жульетта.

Возможно ли? Такъ вотъ о какихъ важныхъ дѣлахъ вы пришли говорить со мною!..

Териньи.

О любви моей, самой чистой, самой страстной!..

Жульетта.

Вѣрю, вѣрю; но скажите, когда вы успѣли влюбиться?

Териньи.

Съ тѣхъ поръ, какъ сестрица ваша привѣзжала сюда изъ пансіона и гостила у васъ три мѣсяца.

Жульетта.

И вы влюблены въ нее даже и теперь, не смотря на то, что ее здѣсь нѣтъ и что она уѣхала въ Парижъ?

Териньи.

Не видя ее, мнѣ осталось утѣшеніемъ ежеминутно думать о ней.

Жульетта.

Такое постоянство очень похвально. Но, можетъ быть, вамъ неизвѣстно, что сестра моя очень небогата, у нее только двадцать тысячъ приданого.

Териньи.

Напротивъ, я полагалъ, что она ничего не имѣетъ.

Жульетта.

И не смотря на это, вы рѣшаетесь просить у меня руки ея?

Териньи.

Отъ вашего согласія зависить все мое счастье.

Жульетта.

Такое безкорыстіе меня очень радуетъ, и повѣрьте, что я съ радостью назвала бы васъ моимъ братомъ, если бъ это зависѣло отъ меня одной.

Териньи.

Вы сестра Агнесы, единственная ея родственница, кто же можетъ оспаривать ваши права?

Жульетта.

Мой мужъ!.. Уже три мѣсяца, какъ онъ назначенъ опекуномъ Агнесы, по завѣщанію ея дяди, негоціанта въ Нью-Йоркѣ. Теперь вы видите, что вамъ необходимо также и его согласіе.

Териньи.

Но, во всякомъ случаѣ, могу ли я надѣяться на ваше покровительство?

Жульетта.

Вы исполнѣ его заслуживаете, и я обещаю вамъ также постараться, чтобъ мужъ мой увеличилъ ея приданое: какъ опекунъ, онъ имѣетъ право...

Териньи.

Какъ, сударыня?..

Жульетта.

О, будьте покойны! Мой мужъ не от-

кажетъ. Но прежде чѣмъ я примусь хлопотать о вашемъ дѣлѣ, надѣюсь, что вы мнѣ позволите заняться моимъ?

Териньи.

О, помилуйте!..

Жульетта.

Теперь мнѣ нужно уговорить его на покупку дачи, со всѣми ея угодьями и принадлежностями, а потомъ я приготовлю новыя нападенія... Дача за двѣ мили отсюда... невозможно же ходить туда пѣшкомъ; необходимо нужно имѣть коляску и лошадей, а мнѣ такъ давно хочется имѣть свой экипажъ... И такъ, сударь, когда я успѣю окончить эти два дѣла, тогда примусь устроить и третье, то есть, вашу свадьбу.

Териньи.

И вы общаете мнѣ?..

Жульетта.

Сдѣлать все какъ нельзя лучше. Но замолчите, вотъ мой мужъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Оскаръ (входитъ очень скоро).

Оскаръ (съ стороны).

Жена!... Я думалъ, что она уѣхала!...

Жульетта.

Что съ тобою, мой другъ?..

Оскаръ.

Ничего. Я полагалъ, что ты уже отправилась на встрѣчу къ нашему дядюшкѣ.

Жульетта.

Къ Г. Симону Бониве, который ѣдетъ сюда на почтовыхъ? Я совсѣмъ было собралась идти къ нему, но встрѣтилась съ Г. Териньи: онъ спѣшилъ поговорить съ нами объ одномъ дѣлѣ.

Оскаръ (съ замѣшательствомъ).

Я очень ему благодаренъ. (въ сторону.) Чортъ бы его взял! (женъ) Но мы поговоримъ объ этомъ послѣ, въ другое время, а теперь нужно подумать о дядюшкѣ. Ты знаешь, какъ я ему обязанъ: онъ доставилъ мнѣ мѣсто главнаго сборщика податей, и, какъ контролеръ финансовъ, ѣдетъ ревизовать здѣшнія кассы.

Жульетта.

Что жъ? Неужели это тебя такъ беспокоитъ?

Оскаръ.

О, конечно нѣтъ!

Жульетта.

Такъ стало быть чтонибудь другое?

Оскаръ (въ сторону).

Боже мой! Ужъ не догадывается ли она? (ей) Ни сколько! Я совершенно спокоенъ... Но, бываютъ такія минуты, когда невольно... расположеніе духа...

Жульетта.

Но, мой другъ, старайся развеселить себя, развѣчься прогулкою за городомъ... Ты помнишь ту хорошенькую дачу нашего Префекта Полиции, которая такъ мнѣ нравилась и которую ты обѣщался купить мнѣ?..

Оскаръ (въ волненіи, смотря на дверь, направо).

Какъ же, очень помню... и желалъ бы доставить тебѣ это удовольствіе, но Префектъ не согласится ее продать... онъ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ.

Жульетта.

Напротивъ, онъ теперь соглашается.

Оскаръ.

Не можетъ быть!

Жульетта.

Увѣряю тебя!.. И если ты, мой другъ...

Оскаръ (въ затрудненіи).

Что такое я?.. Разумѣется, я не скажу нѣтъ, но также не скажу и да.

Жульетта.

Что же ты думаешь объ этомъ, по крайнѣй мѣрѣ?

Оскаръ.

Я думаю, что надобно еще посмотрѣть.

Жульетта.

Разумѣется, надобно посмотрѣть, и мы можемъ поручить это Г. Териньи.

Териньи.

И я сегодня же это сдѣлаю... Вамъ известна цѣна, которую онъ проситъ?..

Жульетта.

Ахъ, нѣтъ еще!.. Я объ этомъ и не подумала.

Териньи.

50,000 франковъ.

Жульетта.

Это очень дорого! Неправда ли, мой другъ?..

Оскаръ (съ нетерпѣніемъ).

Дорого, дорого!.. Развѣ это можетъ удерживать, когда я рѣшусь... (въ сторону) не покупать. (женъ) Я тебѣ говорю не о деньгахъ, но о дядюшкѣ, который вѣрно давно пріѣхалъ.

Жульетта.

Въ самомъ дѣлѣ! Сейчасъ иду. (Звонитъ, Минетта входитъ.) Минетта, зонтикъ и шляпку!

(Минетта уходитъ и вскорѣ возвращается съ зонтикомъ и шляпкой).

Оскаръ.

Отсюда не близко въ почтовую контору.

Жульетта.

Очень неблизко, особливо пѣшкомъ. Ахъ, если бъ у насъ была своя карета!.. (Оскаръ дѣлаетъ движеніе) Конечно, не теперь... но послѣ... когда мы купимъ дачу... тогда... я надѣюсь, мой другъ...

(Оскаръ показываетъ нетерпѣніе) Ну, ра, а теперь отпустили одну, такъ ужъ вѣрно затѣмъ, чтобъ вамъ не мѣшали!...

Оскаръ.

Слава Богу!

Жульетта.

Мы вмѣстѣ отправимся?

Оскаръ.

Какъ это можно! Сегодня почтовый день... у меня столько дѣла!.. Нужно по-вѣрить кассу, книги...

Жульетта.

Вѣрю, вѣрю! Оставайся!.. Г. Териньи, вашу руку. (Оскаръ дѣлаетъ движеніе.) А, что жъ дѣлать, мой другъ?.. Нельзя же мнѣ остаться безъ кавалера, когда мужъ занятъ и я безъ кареты.

(Уходитъ съ Териньи).

ЯВЛЕНІЕ III.

Оскаръ и Минетта (стоитъ въ отдаленіи).

Оскаръ.

Слава Богу! Наконецъ я остался одинъ! (Оборачивается и видитъ Минетту.) Что ты здѣсь дѣлаешь?

Минетта.

Я-съ?

Оскаръ.

Да, ты?

Минетта (беретъ метелку и обметаетъ метель).

Видите, прибираю вашу комнату.... Я всегда это дѣлаю поутру.... Но, можетъ быть, я теперь вамъ мѣшаю.... Можетъ быть, вамъ нужно остаться одному....

Оскаръ.

Одному?... затѣмъ одному?...

Минетта.

Я не знаю-съ.... вѣдь вы хозяинъ здѣсь.... Мало ли найдется какого дѣла!... Прежде вы никогда не отпускали барыню со дво-

ра, а теперь отпустили одну, такъ ужъ вѣрно затѣмъ, чтобъ вамъ не мѣшали!...

Оскаръ (въ сторону).

Прошу покорно! Какова плутовка! (Ей.) Ты съ ума сошла!... И если бъ въ твоихъ догадкахъ было хоть сколько нибудь правды, такъ тебя стоило бы за это выгнать, но такъ какъ все это вздоръ....

Минетта (возвращаясь въ глубину театра, гдѣ она оставила метелку).

Такъ это вздоръ? Я очень рада, можно опять приняться за работу.... И такъ какъ вы никого не ждете и ничѣмъ теперь не заняты....

Оскаръ.

Совершенно ничѣмъ!

Минетта.

Такъ осмѣлюсь я васъ попросить объ одномъ дѣлѣ....

Оскаръ.

О чемъ? Говорите скорѣе.

Минетта.

Вотъ о чемъ. Вы читаете всѣ газеты, такъ вѣрно знаете, правду ли мнѣ говорили, будто бы 17-й пѣхотный полкъ долженъ скоро прійти сюда изъ Африки?

Оскаръ (съ удивленіемъ).

Зачѣмъ тебѣ нужно это знать?

Минетта.

Затѣмъ, сударь, что Шарло, сынъ здѣшняго лавочника, который уже пять лѣтъ тому назадъ пошелъ въ солдаты за вашего нотаріуса, Г. Териньи, общался, возвратясь изъ Африки, жениться на мнѣ, если только Египетскій Паша и вы ему это позволите.

Оскаръ.

Тебя не обманули: полкъ ихъ уже въ Тулонѣ, и дня черезъ четыре будетъ здѣсь.... и если ты будешь служить намъ вѣрно и усердно, и не будешь такъ любопытна....

Минетта (живо).

А развѣ есть что нибудь?

Оскаръ (строго).

Опять!

Минетта.

Извините, сударь. Ей Богу, я не виновата, ужъ это страсть все узнавать! Вѣдь я не изъ любопытства, повѣрьте, а такъ, сама не знаю, никакъ не могу удержаться. Впрочемъ, сударь, если у васъ есть какіе нибудь секреты, увѣрю васъ, вы смѣло можете мнѣ все довѣрить безъ опасенія.... Вѣдь я только тогда любопытна, когда ничего не знаю, но ужъ за то, если мнѣ что сказали, о! тогда я ни за что не проболтаюсь... изъ меня не скоро выпытаешь!...

Оскаръ (въ сторону).

Ей хочется денегъ, это ясно! (Кладетъ руку въ карманъ.) Но если я ей подарю что нибудь, это все равно, что признаться ей во всемъ и потомъ быть въ ея распоряженіи. (Ей.) Поди вонъ!

Минетта.

Только-то? (Въ сторону.) Онъ, однако жъ, собирался мнѣ что-то рассказать.... Тутъ что нибудь да есть, это не даромъ! Надо непременно узнать!...

Оскаръ.

Что жъ ты стоишь? Развѣ ты не слышала, что я сказалъ?... Ступай!

Минетта.

Очень хорошо слышала, и пду!

Оскаръ.

Ну?

Минетта.

Ну, надо взять метелку!... (Уходитъ въ среднюю дверь, Оскаръ бѣжитъ къ левой двери и запираетъ ее на задвижку; Минетта въ это время выглядываетъ изъ среднихъ дверей.) Онъ запираетъ на задвижку!... (Оскаръ возвращается къ

среднимъ дверямъ, Минетта проворно уходитъ, и онъ запираетъ ихъ также на задвижку).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оскаръ (одинокъ).

О! какого труда стоитъ остаться одному и освободиться отъ надзора домашней полиціи, особливо, если еще по несчастію должно что нибудь отъ нихъ скрыть. Бѣда! Любопытство мнѣ пристанетъ къ нимъ, какъ зараза. Такъ и хлопчатъ всѣ, чтобъ что нибудь развѣдать и разболтать! Еще одна минута, и я бы попался навѣрное! (Стукаетъ въ дверь.) А, наконецъ!... Слава Богу, что во время.... (Съ таинственностью отпираетъ дверь направо.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Оскаръ и Симонъ (входитъ очень осторожно, оглядываясь).

Оскаръ (обнимая его).

Любезный дядюшка!

Симонъ (съ удивленіемъ).

Мой племянникъ!... Какъ? Такъ это ты? Чортъ возьми! Я думалъ встрѣтить что нибудь получше! Такое таинственное приглашеніе.... съ такими предосторожностями.... Я полагалъ, что отправляюсь на какое нибудь любовное свиданіе.

Оскаръ.

Но развѣ вы не получили моей записки?

Симонъ.

Какъ же, получилъ.

Оскаръ.

И вы не узнали моей руки?

Симонъ.

Мнѣ и въ голову не пришло, чтобъ это

было отъ тебя. «Оставьте вашу карету на углу Антенской Улицы, ступайте пѣшкомъ до садовой калитки, она будетъ отперта, черезъ садъ войдите въ нижнюю залу...» И вотъ я отправляюсь, со всевозможною осторожностью, потихоньку, чтобъ не замѣтили, и что жъ? Являюсь на родственное свиданіе!... Нѣтъ, любезный племянникъ, я не ожидалъ такого свиданія!

Оскаръ.

Что жъ вы ожидали здѣсь встрѣтить?

Симонъ.

Что нибудь получше тебя!... Что нибудь въ родѣ моихъ прежнихъ проказъ съ Графиней де Роканкуръ. Это была моя первая любовь.

Оскаръ.

Но за то не послѣдняя. Я знаю, что у васъ, дядюшка, ихъ было очень много.

Симонъ.

Грѣшный человекъ! Особливо во времена Консульства, вотъ было золотое время! Время любви и побѣдъ! И тогда ужъ мы пожили! Конечно, это не дешево мнѣ и стоило: я истратилъ половину моего имѣнія, но за то и не остался въ убыткѣ. Я сдѣлался философомъ, это почти то же, что вторая молодость; я приобрѣлъ опытность, а это также стоитъ чего нибудь!

Оскаръ.

Зная вашу опытность, я и рѣшился просить вашего совѣта, любезный дядюшка, помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ, о которомъ никогда не должна знать жена моя.

Симонъ.

Понимаю, дѣло идетъ о чести, и ты пригласилъ меня быть твоимъ секундантомъ?

Оскаръ.

О, нѣтъ! Хотя я очень увѣренъ въ вашей храбрости...

Симонъ.

И въ этомъ никто не смѣлъ сомнѣвать-

ся. Чортъ возьми!... Говори, говори, что такое?

Оскаръ.

Вамъ извѣстно, дядюшка, что я женатъ.... Жена моя мила, добра, она любить, обожаетъ меня....

Симонъ.

А ты?

Оскаръ.

О! я люблю ее до безумія! Я самый счастливѣйшій изъ людей!...

Симонъ.

Ну, такъ что жъ? Я не вижу тутъ ничего ужаснаго.

Оскаръ.

Посвятивъ себя торговлѣ, я проводилъ мою молодость за книгами и счетами.... Жена моя была первая моя любовь...

Симонъ.

Понимаю, какъ у меня Графиня де Роканкуръ.

Оскаръ.

Послѣ нашей свадьбы, я наслаждался совершеннымъ блаженствомъ цѣлые два года съ половиною; слылъ образцовымъ сборщикомъ податей и примѣрнымъ мужемъ; нигдѣ я не оставлялъ ее ни на минуту.... По вечерамъ же, возвращаясь домой, мы занимались чтеніемъ, и въ это время я познакомился съ нашей новѣйшей литературой. Всякій вечеръ я прочитывалъ все, что только было новаго, занимательнаго, или лучше сказать, самаго отвратительнаго... И что жъ?... мнѣ, сборщику податей, классику, понравившись неистовыя, безумныя страсти и ужасныя преступленія героевъ новѣйшей драмы!...

Симонъ.

Несчастный!

Оскаръ.

Погодите, погодите! По истинкѣ ли, или по остатку нравственности, я избралъ изъ всѣхъ преступленій самое пріятное, самое соблазнительное....

Симонъ.

Невѣрность?

Оскаръ.

Вы угадали, дядюшка! Г-жа Бониве прелестна, но она жена моя. Это рай, но рай земной, открытый, между тѣмъ какъ другія... другія женщины—это былъ для меня новый свѣтъ, новый рай, адскій рай!... При одной мысли объ этомъ, сердце мое забилося, и я сказалъ: я также буду героемъ какой нибудь изступленной, отчаянной драмы!... И первая героиня, которая мнѣ попалась....

Симонъ.

Была женщина замужня?

Оскаръ.

О нѣтъ!

Симонъ.

Такъ вдова? О! вдовушки есть прехорошенькія.

Оскаръ.

Можетъ быть! Но ради Бога, любезный дядюшка, не спрашивайте меня о ней: она должна оставаться навсегда тайной, глубокою тайной.

Симонъ.

О, конечно! Не столько для меня, какъ для другихъ.

Оскаръ.

Я могу сказать вамъ только, что не смѣя объясниться на словахъ, я рѣшился написать къ ней роковую записку, которая оканчивалась словами: «сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, въ гротъ парка, одну минуту свиданія, одну минуту счастья, или я умру!» Она же отвѣчала мнѣ: «о, Оскаръ! я жду тебя!»

Симонъ.

О, Оскаръ!..

Оскаръ (продолжая).

Я жду тебя!... Что бы вы сдѣлали, дядюшка, если бъ къ вамъ написали: о, Оскаръ?...

Симонъ.

Чортъ возьми! Тутъ нечего и спрашивать!

Оскаръ.

Но я такъ любилъ жену мою, что это неожиданное счастье ввело меня въ самое затруднительное положеніе, и за часъ до этого роковаго свиданія....

Симонъ.

Ты отказался?

Оскаръ.

Нѣтъ; но чтобъ быть посмѣлѣе, я хорошенько поужиналъ, выпилъ шампанскаго, и отправился. На бѣду мою, дождь лилъ ливнемъ: меня промочило до костей, и я далъ клятву, что это первое свиданіе будетъ послѣднимъ.... Небо услышало мою молитву, потому что на другой же день она уѣхала.

Симонъ.

И этимъ все кончилось.

Оскаръ.

Напротивъ, съ этого только начинается. Не знаю отчего это сдѣлалось, только съ того самаго времени жена моя начала подозрѣвать....

Симонъ.

Неужели?

Оскаръ.

И чтобъ отвлечь ее отъ подозрѣнія, я долженъ исполнять всѣ ея прихоти, всѣ капризы, долженъ давать обѣды, дѣлать вечера и даже балы!...

Симонъ.

Ну, такъ что жъ? Если ты въ состояніи это дѣлать?

Оскаръ.

Конечно въ состояніи!... Но капризы, я хочу сказать, подозрѣнія моей жены, съ каждымъ днемъ все увеличиваются.... Теперь ужъ она захотѣла имѣть свою дачу, свой экипажъ....

Симонъ.

Но тутъ я еще не вижу ничего худого.

Оскаръ.

Она еще такъ молода и хороша; у нее столько обожателей, даже самъ Г. Префектъ Полиции за нею ухаживаетъ... будто нѣтъ ему другаго дѣла! Я очень знаю, что Жульетта скромна и самыхъ строгихъ правилъ; но если она узнаетъ?... Ахъ, любезный дядюшка, если бъ не вы, это случилось бы навѣрное.

Симонъ.

Что такое? говори скорѣе.

Оскаръ *(задыхающимъ
ся голосомъ)*.

Ахъ, Боже мой! Молчите!

Симонъ.

Что случилось?

Оскаръ *(прислушиваясь)*.

Горничная жены моей такъ любопытна... мнѣ кажется, она насъ подслушиваетъ!... *(Крадется къ дверямъ направо и скоро отворяетъ ихъ)*. Нѣтъ! никого нѣтъ!... Но для безопасности.... *(Запираетъ на задвижку)*. Теперь вы видите, любезный дядюшка, въ какомъ я положеніи.... Безпокойство, страхъ преслѣдуютъ меня съ утра до вечера!... Вотъ каково обмануть жену!

Симонъ.

Но ты сказалъ, что она едва не узнала....

Оскаръ.

Третьяго дня, ужасный случай! Безъ васъ я бы погибъ непременно.... Слушайте. Въ роковое свиданіе, въ гротъ....

Симонъ.

Во время дождя?

Оскаръ.

Да; вырываясь и убѣгая отъ меня, несчастная оставила въ моихъ рукахъ бантикъ изъ лентъ. Я спряталъ этотъ драгоценный залогъ, вмѣстѣ съ ея письмомъ, въ моемъ комодѣ. Третьяго дня, мы со-

бিরались къ Префекту; жена моя была уже готова и дожидалась меня; я спѣшилъ одѣваться; ищу галстуха, нѣтъ, и она, чтобъ помочь мнѣ отыскать его, отпираетъ комодъ, перерываетъ все въ ящикахъ, и....

Симонъ.

И находить таинственный подарокъ?

Оскаръ.

Вы угадали! Съ видомъ недовѣрчивости и любопытства подходитъ она ко мнѣ, и съ насмѣшкою спрашиваетъ: что можетъ храниться въ пакетѣ такъ искусно запечатанномъ? Право не знаю, отвѣчалъ я. Въ такомъ случаѣ, можно посмотреть, сказала она, и уже хотѣла разломить печать, какъ вдругъ спасительная мысль пришла мнѣ въ голову.... Я вспомнилъ о вашихъ волокитствахъ, о вашихъ побѣдахъ... Постою, закричалъ я, это отъ дядюшки; передъ отъездомъ, онъ оставилъ у меня этотъ пакетъ, и просилъ сберечь его, никому не показывая.

Симонъ.

Браво! очень недурно для новичка!

Оскаръ.

Но знаете ли, что она на это отвѣчала? Такъ какъ дядюшка послѣ завтра долженъ къ намъ пріѣхать, то я сама доставлю ему это таинственное сокровище, съ условіемъ, чтобъ онъ разсказалъ, что въ немъ находится.

Симонъ.

Вотъ ужъ это худо, чортъ возьми!

Оскаръ.

И теперь нарочно отпиралась къ вамъ на встрѣчу, чтобъ распросить обо всемъ. Но я постарался предупредить ее, писалъ къ вамъ, и теперь вы догадываетесь, любезный дядюшка, сколько нужна для меня ваша помощь.

Симонъ.

Будь спокоенъ! Я постараюсь это уладить.

Оскаръ (обнимая его).

О, добрый дядюшка! Избавитель мой!

Симонъ.

Кстати... я привезъ тебѣ 10,000 франковъ, за наемъ твоего дома въ Парижѣ; они здѣсь, со мною, въ бумажникѣ....

Оскаръ (въ полголоса).

Молчите, сюда идутъ!

Симонъ.

У тебя славный слухъ!

Оскаръ.

Отъ привычки. Это жена!

Жульетта (за дверью).

Зачѣмъ ты заперся, мой другъ?

Оскаръ.

Зачѣмъ, что.... (Симону). Ступайте скорее.... тихо.... (Останавливая его). Ахъ, я и забыла... бантикъ изъ зеленыхъ и голубыхъ лентъ.... пожалуйста, не перемѣшайте!

Симонъ (въ полголоса).

О, будь спокоенъ, я не забуду; я знаю въ цвѣтахъ.... Зеленый съ голубымъ?

Жульетта (за дверью).

Да отвори же! Что жъ ты не откроешь?

Оскаръ.

Проворнѣе, дядюшка! пройдите садомъ... Сядьте въ карету и поскорѣе приѣзжайте сюда съ шумомъ, будто съ дороги!...

Симонъ.

Знаю, знаю!... Черезъ двѣ минуты я буду здѣсь. (Симонъ уходитъ. Жульетта стучитъ).

Оскаръ (отворяя).

Извини, моя милая.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Оскаръ и Жульетта.

Жульетта.

Я уже думала, что ты не хочешь впустить меня.

Оскаръ.

Извини, пожалуйста! Я повѣрялъ очень запутанный счетъ, а ты знаешь, когда я примусь считать....

Жульетта.

Такъ вы занимались счетами? Это ново!...

Оскаръ.

Что такое?

Жульетта.

А я думала, что вы здѣсь заперлись съ кѣмъ нибудь.

Оскаръ (въ сторону).

Не догадалась ли она?

Жульетта.

И въ то время, какъ я пришла, мнѣ слышалось, что кто-то вышелъ отсюда.

Оскаръ.

Какой вздоръ! Кому отсюда выйти?

Жульетта (смотря на него съ недоверчивостью).

Такъ это вздоръ? Не правда ли?

Оскаръ (въ сторону).

Ее не переувѣришь!

Жульетта.

Впрочемъ, ужъ сегодня день такой! Во всемъ неудача! Ходила въ Почтовую Контору, встрѣтить дядюшку....

Оскаръ (съ притворнымъ удивленіемъ).

И что жъ? Онъ еще не приѣзжалъ?

Жульетта (смотря на него).

Ты почему знаешь?

Оскаръ.

Я не знаю.... я спрашиваю.... Ты при...

дираешься къ каждому слову!... Его медленность меня удивляетъ, а тебя сердить, какъ я замѣчаю.

Жульетта.

И очень! Потому, что не смотря на всѣ его смѣшныя странности....

Оскаръ.

Перестань, пожалуйста!

Жульетта (*продолжая*).

Онъ все таки твой дядя, и мнѣ хотѣлось бы первой его встрѣтить.

Оскаръ (*въ сторону*).

И пораспросить.

Жульетта.

Придумать не могу, что бы могло его задержать?

Оскаръ.

Мало ли что можетъ случиться въ дорогѣ!... Какойнибудь случай, препятствіе....

Жульетта.

И ты говоришь объ этомъ такъ хладнокровно; тебя это не тревожитъ?

Оскаръ.

Какъ, не тревожитъ?... Напротивъ, я ужасно встревоженъ... (*Въ сторону*). О, какъ тяжело съ непривычки обманывать жену!

Минетта (*за кулисами*).

Пріѣхалъ, пріѣхалъ!

Оскаръ.

Ну, вотъ и онъ! Успокойся, моя милая, дядюшка пріѣхалъ.... Слышишь, подъѣхала карета.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Минетта (*вбѣгая*).

Минетта.

Пріѣхалъ, пріѣхалъ!... вашъ дядюшка пріѣхалъ!... Почтовая его карета остановилась у насъ на дворѣ... Вотъ ужъ онъ

нисколько не перемѣнился! Такъ же веселъ, такъ же здоровъ, слава Богу, и такъ же поцѣловалъ меня, выходя изъ кареты!... И все это съ такимъ шумомъ, стукомъ, чтобъ всѣ слышали!... У него, кажется, нѣтъ ничего секретнаго!...

Оскаръ (*въ сторону*).

Болтуня!

Жульетта.

А развѣ у когонибудь есть секреты?

Минетта.

Нѣтъ, сударыня, я только такъ сказала.... Да вотъ и дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Симонъ (*скоро входитъ напѣвая*).

Здравствуйте мои родные,
Милая моя семья!
Вы супруги дорогие,
Безкорыстные друзья!

Здравствуйте, здравствуйте, мои милые! Здорово племянникъ!... Здравствуй-те, моя добрая, милая племянница!... Я такъ люблю племянницъ!...

Жульетта.

И они васъ также, любезный дядюшка.

Оскаръ.

Добрый дядюшка!

Симонъ.

Да, добрый дядюшка по наслѣдству?

Жульетта (*улыбаясь*).

Въ этомъ мы не виноваты.

Симонъ.

Разумѣется! Но погодите, скоро я проживу все, и тогда вамъ придется любить единственно меня одного.

Жульетта.

И я ничего лучшаго не желаю. Полная довѣренность и откровенность во

всемъ, только съ условіемъ, что вы, дядюшка, первый подадите намъ примѣръ.

Симонъ.

Очень радъ, очень радъ! Только разскажите мнѣ, чего вы хотите?

Жульетта.

Мнѣ нужно узнать отъ васъ нѣкоторыя объясненія.... Минетта, оставь насъ!

Минетта.

Сейчасъ, сударыня. *(Идетъ и хочетъ отворить дверь налево).*

Жульетта.

Ну, что жъ? Что ты тамъ дѣлаешь?

Минетта *(отодвигая задвижку).*

Сейчасъ, сударыня! Здѣсь заперто на задвижку!... Кто это всегда здѣсь запираетъ на задвижку?...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, кромѣ Минетты.

Симонъ.

И такъ, вы говорили о какихъ-то объясненіяхъ.

Жульетта.

Я хотѣла спросить васъ....

Симонъ.

Наединѣ?

Жульетта.

Нѣтъ, при свидѣлѣ.

Симонъ.

Я совершенно къ вашимъ услугамъ!
(Поетъ).

Для рыцарей моей отчизны,

Всего дороже въ свѣтѣ чести!

(Жульетта въ это время открываетъ шкатулку на столѣ и вынимаетъ оттуда запечатанный пакетъ).

Оскаръ *(тихо Симону).*

Зеленый съ голубымъ!...

Симонъ *(ему такъ же).*

Не бойся, не забуду.

Жульетта.

Знаете ли вы, любезный дядюшка, что это такое?

Симонъ *(съ притворнымъ удивленіемъ).*

Знаю ли я? *(Оскаръ съ упрекомъ).* И тебѣ не стыдно, любезный племянникъ? А еще обѣщался сохранить въ тайнѣ этотъ драгоценный для меня подарокъ.

Оскаръ *(жестъ).*

Ты слышишь, кому это принадлежитъ. Теперь смѣло можемъ возвратить его дядюшкѣ.

Жульетта.

Погодите, я еще не увѣрилась. *(Симону.)* Скажите, пожалуйста, что же такое скрывается въ этой бумагѣ?...

Симонъ.

Но, послушай, моя милая....

Жульетта.

Вы не рѣшаетесь признаться?

Симонъ.

Ни сколько! Но есть вещи, о которыхъ нельзя же всѣмъ рассказывать!...

Жульетта.

Если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, можно рассказать своей племянницѣ.

Симонъ.

Пожалуй, если тебѣ непременно хочется узнать, я скажу.... Въ этой бумагѣ хранится ленточный бантикъ.... и сколько я могу припомнить, изъ зеленыхъ и голубыхъ лентъ.

Жульетта *(распечатываетъ пакетъ).*

Точно!

Оскаръ *(тихо жести).*

Теперь ты увѣрилась?

Жульетта *(возвращая ленту Симону).*

И больше ничего здѣсь нѣтъ?

Симонъ (смотря на Оскара).

Кажется, больше ничего нѣтъ?

Жульетта.

Вспомните хорошенько.

Оскаръ (въ сторону).

Ахъ, Боже мой! Я и забылъ....

Симонъ.

Никакъ не могу ничего припомнить.

Жульетта.

Посмотримъ, что вы на это скажете. Потрудитесь, любезный дядюшка, объяснить мнѣ, что тутъ написано: «О, Оскаръ! Я жду тебя!»

Симонъ (въ сторону).

О, дуракъ!

Оскаръ (въ сторону).

Проклятая записка! Я и забылъ, что завернулъ въ нее.

Жульетта.

Мнѣ кажется, что Оскаръ

го

мужа?

Симонъ.

Такъ точно; но это еще ничего не значить, оно очень можетъ быть также мое имя.

Жульетта.

Ваше?

Симонъ.

Да, романическое имя, которымъ я нѣкогда назывался, и потому, какъ крестный отецъ, я далъ это имя моему племяннику.

Оскаръ (въ сторону).

Благодѣтель!

Жульетта (Оскаръ).

А! такъ ты дядюшкинъ крестникъ?

Оскаръ.

Да, моя милая, потому-то онъ и называлъ меня....

Симонъ.

Оскаръ Бониве.... Весь городъ Монпелье вамъ это подтвердитъ,

Жульетта (съ улыбкой, возвращая ему письмо).

Монпелье далеко, и мнѣ гораздо пріятнѣе вѣрить вашему слову. (Подавая руку мужу.) Теперь я вѣрю!

Оскаръ (цѣлуя ея руку).

Я очень радъ, моя милая! (Въ сторону.) Бѣдная жена! Какъ я ее обманываю!

Жульетта.

Простите меня, любезный дядюшка, что я тотчасъ по приѣздѣ вашемъ безпокоила васъ моими вопросами.... Но я постараюсь не быть у васъ въ долгу.... Вѣдь вы останетесь у насъ на нѣсколько дней?...

Симонъ.

Постараюсь пробыть съ вами какъ можно долѣе.

Жульетта.

Я очень рада, и тѣмъ болѣе, что готовлю сюрпризъ вамъ и моему мужу.

Оскаръ.

Сюрпризъ? Какой сюрпризъ?

Жульетта.

Отгадайте!

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Миннетта.

Миннетта.

Кушанье подано.

Оскаръ (съ безпокойствомъ, въ сторону).

Что бы это значило?

Жульетта.

Одна молодая особа, съ которою мы шесть мѣсяцевъ не видались...

Оскаръ (въ сторону).

Боже мой! (Ей.) Агнеса?

Жульетта.

Агнеса де Борегаръ, моя двоюродная сестра, которую вы всегда такъ расхваливали, когда она еще не была у васъ подъ опекой....

Оскаръ.

Я расхваливалъ.... потому что.... она очень недурна.

Жульетта.

Не дурна? Не болѣе?... Какая слабая похвала! Что вы скажете, дядюшка, вы такъ часто видѣлись съ ней въ Парижѣ.

Симонъ.

Я скажу, что она прелестна, обворожительна!

Оскаръ *(въ сторону)*.

Мнѣ кажется, я покраснѣлъ!

Жульетта *(весело)*.

И такъ, я дожидаясь ея пріѣзда.

Оскаръ *(внѣ себя)*.

Сюда? Она будетъ здѣсь?

Симонъ.

Я чрезвычайно радъ!... Мнѣ еще въ Парижѣ говорили, что я съ ней здѣсь увижусь.

Жульетта.

Сейчасъ на почтѣ я получила отъ нее письмо, въ которомъ она пишетъ, что пріѣдетъ къ намъ сегодня.

Оскаръ.

Сегодня?

Жульетта.

Что съ тобою, мой другъ?

Оскаръ.

Ничего, ничего. *(Въ сторону.)* Какъ встрѣтятся съ нею при женѣ?... Я увѣренъ, что не выдержу этой встрѣчи.... растеряюсь.... и тогда, конечно: жена все узнаетъ!

Минетта *(стоитъ въ отдаленіи)*.

Сударыня! Кушанье ужъ давно поставлено.

Жульетта.

Сейчасъ идемъ. Вашу руку, дядюшка. *(Уходятъ)*.

Оскаръ *(въ сторону, на авансценѣ)*.

Желалъ бы провалиться сквозь землю! Что я буду дѣлать? О чемъ буду говорить съ нею?... Особенно теперь, когда я назначенъ ея опекуномъ!... Не знаю на что рѣшиться!... Какая досада, что я не посоветовался съ дядюшкой!...

Минетта *(подходя къ нему)*.

Пожалуйте кушать, сударь.

Оскаръ *(съ нетерпѣніемъ)*.

Убирайся! Я не хочу!

Минетта.

Отчего жъ вы не хотите?

Оскаръ *(скоро)*.

Оттого.... оттого.... *(Въ сторону.)* Проклятая болтуня!... Мочи нѣтъ ѣсть хочется!... Пойду, заѣмъ мое горе! *(Уходитъ.)*

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорація перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Минетта и Териньи.

Минетта.

Да, сударь, это онъ.... Я сейчасъ его видѣла.

Териньи.

Шарло, того самого, который пошелъ за меня въ солдаты?

Минетта.

Да, да, Шарло, тотъ самый Шарло. Только что господа сѣли обѣдать съ пріѣзжимъ дядюшкой, вдругъ я слышу шумъ, крикъ и музыку на улицѣ; подбѣгаю къ окну, и что жъ, сударь? Вообразите мою радость! Это возвращался изъ Африки 17-й пѣхотный полкъ, полкъ моего милаго Шарло. Я не вспомнилась отъ радости, бросила салфетку и побѣжала къ нему на встрѣчу.

Териньи.

И ты тотчасъ его узнала?

Минетта.

Онъ первый бросился ко мнѣ на шею. Сначала, я было не узнала его, да и не мудрено, онъ такъ перемѣнился, возмужалъ, загорѣлъ, но все таки молодецъ!... А ужъ какъ онъ мнѣ обрадовался, съ какимъ жаромъ поцѣловалъ меня... сейчасъ видно, что пришелъ изъ Африки!... Вѣдь онъ былъ тамъ раненъ!...

Териньи.

Бѣдняжка!

Минетта.

Это должно быть вамъ больно, сударь,

потому что онъ за васъ все это переносилъ.

Териньи.

И повѣрь, что я никогда этого не забуду. Въ его отсутствіе я заботился улучшить его состояніе. Взятые имъ за рекрутство двѣ тысячи франковъ отданы подъ хорошіе залоги въ вѣрныя руки, и теперь, съ капиталомъ и процентами за пять лѣтъ....

Минетта.

Онъ будетъ миллионеръ?... Ахъ, Боже мой! а у меня ничего нѣтъ, кромѣ десяти франковъ въ мѣсяцъ жалованья!... Это будетъ очень невыгодная для него партія!

Териньи.

Я надѣюсь, что твои господа тебя не оставятъ.

Минетта.

Барыня еще можетъ быть.... а ужъ на барина нечего надѣяться.... развѣ вы, сударь, за меня попросите.

Териньи.

Это не такъ легко сдѣлать. Мнѣ самому нужно просить его.

Минетта.

О чемъ?

Териньи (улыбаясь).

Погоди немного, послѣ узнаешь.

Минетта.

Постараюсь! Впрочемъ здѣсь такой домъ! Все тайны! Сейчасъ, напримѣръ, за обѣдомъ, баринъ былъ точно помѣшанный!...

То краснѣлъ, то блѣднѣлъ!... Спрашиваетъ пить, а стаканъ полнехонекъ стоитъ передъ нимъ.... Дядюшку называлъ женой, а жену дядюшкой!... Ужъ Богъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось!... Отчего бы это, сударь? А, да вотъ и они.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Оскаръ, Жульетта и Симонъ.

Симонъ.

Да здравствуютъ сборщики податей! У нихъ обѣды такъ же хороши, какъ и у министровъ!

Жульетта.

А! Г. Териньи! Честъ имѣю представить вамъ, дядюшка, нашего молодого нотариуса.

Симонъ.

Нотариуса? Bravo! Я очень люблю нотариусовъ.

Жульетта (улыбалась).

Вы любите всѣхъ послѣ обѣда.

Симонъ.

Всѣхъ вообще, но кофе въ особенности!

Жульетта.

Минетта! поскорѣ кофе.

Симонъ (Минеттѣ).

И пожалуйста самый горячій, потому что кофе.... (Беретъ за руку Оскара) какъ другъ, долженъ быть всегда горячъ!... А ты.... что съ тобой? Ты точно мороженое! Это нездорово послѣ обѣда.

Оскаръ.

Нисколько, любезный дядюшка, я всегда таковъ.

Симонъ.

Всегда такъ холоденъ?... Въ такомъ случаѣ мнѣ очень жаль моей племянницы.

Оскаръ.

Я хотѣлъ поговорить съ вами, дядюшка; мнѣ должно посоветоваться съ вами.

Жульетта (скоро).

О покупкѣ дачи?

Териньи.

Я принесъ планъ и купчую.

Оскаръ (съ замѣшательствомъ).

Хорошо, хорошо.... объ этомъ послѣ....

Симонъ.

Послѣ кофе!... (Слуга приноситъ подносъ съ кофе.) Мнѣ также нужно поговорить съ вами о дѣлахъ весьма важныхъ, касающихся собственно до меня.... И такъ какъ мы теперь всѣ вмѣстѣ, въ семейномъ кругу.... (Териньи дѣлаетъ движеніе.) Останьтесь, Г. нотариусъ, останьтесь, вы не будете лишнимъ; напротивъ, еще можете быть очень полезны.

Жульетта.

Развѣ вы также покупаете дачу?

Териньи.

И можетъ быть, ту же самую!..

Оскаръ (скоро).

Въ такомъ случаѣ, я отъ нее отказываюсь.

Симонъ.

О, нѣтъ!... Это дѣло гораздо важнѣе!... (Садятся.) И такъ, друзья мои, я долженъ признаться вамъ, что проведя бесполезно всю молодость, я наконецъ вижу необходимую надобность отказаться и подать въ отставку....

Оскаръ.

Изъ Министерства Финансовъ?

Симонъ.

Нѣтъ, отъ должности холостяка-волонтеры! Подаю проектъ новаго преобразования — и женюсь!

Оскаръ и Жульетта.

Какъ, дядюшка! Вы? вы женитесь?

Симонъ.

Женюсь, какъ философъ, какъ мудрецъ! Я не ищу богатства....

Оскаръ.

Однако жъ, вы всегда его искали.

Симонъ.

Да, только не для себя, а для моихъ любезныхъ. А такъ какъ я теперь отъ нихъ отказываюсь, то отказываюсь и отъ богатства. Я имѣлъ тридцать тысячъ годового дохода, но опера и балетъ едва оставили мнѣ половину; другою же, изъ любви къ искусству; я надѣлилъ пѣніе и танцы. Но то, что осталось теперь у меня, я хочу предложить бѣдной и прелестной дѣвушкѣ.

Жульетта (*беретъ его за руку*).

Прекрасно! Поздравляю васъ, любезный дядюшка. Это неподобно; признаюсь, я не ожидала этого.

Оскаръ.

Я бы никогда этому не повѣрилъ!... Какъ? даже безъ приданого?

Симонъ.

Даже безъ приданого! Я не хочу приданого. Да и что такое золото, серебро, векселя, банковые билеты? Все это можно видѣть въ Министерствѣ Финансовъ; но скромность, невинность, это такая рѣдкость, которую не встрѣтишь ни въ одномъ департаментѣ!... Что вы на это скажете?

Оскаръ.

Я совершенно съ вами согласенъ.

Жульетта.

А я желала бы поскорѣ увидѣть мою новую тетюшку.

Симонъ.

И сегодня вы ее увидите. Короче сказать, вы ее ужъ знаете.

Оскаръ и Жульетта.

Неужели?

Симонъ.

Да, и какъ нельзя лучше!... Она даже зависитъ отъ васъ.... а больше отъ вашего мужа.... она его питомица.

Оскаръ, Жульетта, Териньи.

Агнеса!!

(*Всѣ встаютъ, кромѣ Симона*).

Симонъ (*смотря на нихъ*).

Что съ вами? Что васъ всѣхъ такъ изумило?

Териньи.

Государь мой!...

Жульетта (*съ похлопоса, удерживая его*).

Молчите!

Оскаръ.

Какъ, дядюшка, Агнеса де Борегаръ?

Симонъ.

Да, Агнеса де Борегаръ! Она такъ мила, я такъ часто видѣлся съ нею въ Парижѣ....

Оскаръ.

И вы хотите?...

Симонъ.

Хочу на ней жениться, и прошу на это позволенія....

Оскаръ.

У меня? (*Въ сторону*.) Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Послѣ всего того, что со мною случилось.... Позволить моему дядѣ!... (*Громко*.) Нѣтъ, это невозможно! Я не могу на это согласиться!

Симонъ.

Не можешь? Почему не можешь?

Оскаръ (*съ замѣшательствомъ*).

Потому.... потому что....

Симонъ.

Ну, что жъ? Почему? Продолжай.

Оскаръ (*въ сторону*).

Онъ не понимаетъ.... не догадывается.... я не знаю, какъ бы хоть знаками показать ему.... (*Громко*.) Потому.... что разность лѣтъ и характеровъ....

Симонъ.

Вотъ еще что выдумалъ! Разность лѣтъ! Ужъ это не твое дѣло.

Оскаръ.

Конечно.... но очень можетъ быть....

Кн. XXIV—3.

что въ послѣдствіи... можетъ случиться несчастье...

Симонъ.

Это также не твое дѣло! И если ты не согласишься, послѣ всего того, что я для тебя сдѣлалъ...

Жульетта.

Что такое?

Оскаръ (*женъ*).

Такъ, ничего!... (*Симону.*) Я хотѣлъ только, единственно для вашей же пользы... сказать вамъ... растолковать... что это... (*Шепчетъ ему.*) была она!...

Симонъ.

Какъ? Гдѣ?

Оскаръ (*тихо*).

Въ таинственномъ гротѣ... бантикъ... зеленый съ...

Симонъ (*съ изумленіемъ*).

Съ голубымъ?... О Боже!

Жульетта.

Что такое? О чемъ вы говорите?

Симонъ.

Такъ, ничего! Вашъ мужъ увѣряетъ, или лучше сказать, старается увѣрить меня, будто...

Оскаръ (*дѣлая ему знаки молчать*).

Дядюшка!

Симонъ.

Что будто обвиняютъ эту молодую дѣвушку въ какой-то шалости, вѣтряности...

Териньи (*подходя къ Оскару*).

Это клевета! Я потребую удовлетворенія отъ васъ, Г. Бониве, и отъ всякаго другаго, кто осмѣлится...

Оскаръ (*въ сторону*).

Вотъ еще другой! (*Громко.*) Позвольте, позвольте, я сказалъ только, что я полагаю...

Симонъ.

Стало быть, ты еще не увѣренъ?

Оскаръ.

Напротивъ, какъ нельзя лучше!

Териньи.

Если такъ, я требую сію же минуту доказательства...

Оскаръ.

Не могу, ей Богу, не могу! Выслушайте только...

Териньи.

Тутъ нечего слушать, вы должны сказать.

Жульетта.

Конечно, ты долженъ сказать.

Всѣ.

Говорите, говори же!

Оскаръ (*въ сторону*).

Боже мой! какое положеніе! (*Громко.*) И такъ... я не знаю ничего!... Женитесь, любезный дядюшка, женитесь! Будьте счастливы!

Симонъ.

Нѣтъ, братецъ, вздоръ! Ты долженъ рассказать.

Оскаръ.

Но я самъ ничего не знаю. Мнѣ говорили, и говорили такъ сбивчиво, неопредѣленно, что будто бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ... въ паркѣ, въ саду, была одна печальная встрѣча... такъ... случай... неожиданный случай...

Жульетта (*смѣясь*).

Такъ только это?... Успокойтесь, я знаю, что это такое.

Оскаръ (*съ ужасомъ, въ сторону*).

Ахъ, Боже мой!

Жульетта.

Но, признаюсь, я никакъ не ожидала, чтобъ могли узнать объ этой шалости.

Оскаръ (*съ удивленіемъ*).

Шалость?

Жульетта.

Разумѣется, шалость! Но, чтобъ прекратить ея дурныя послѣдствія, я расскажу вамъ этотъ анекдотъ.

Оскаръ (съ сторону).

Про меня, это очень любопытно!

Жульетта.

Агнеса была всегда со мною откровенна; однажды она призналась мнѣ, что нашла въ своемъ рабочемъ ящикѣ любовную записку, въ которой осмѣливался просить съ нею свиданія....

Симонъ.

И эта записка?

Жульетта.

Я не читала ее.... Въ первую минуту негодованія, Агнеса сожгла ее....

Оскаръ (съ сторону).

Я спасенъ!

Жульетта.

И изъ скромности, или изъ осторожности, она никакъ не хотѣла открыть мнѣ имя виновнаго....

Оскаръ (съ сторону).

Добрая дѣвушка!

Жульетта.

Но я рѣшилась непременно узнать и пристыдить этого дерзкаго, и не сказавъ ни слова Агнесѣ о моемъ намѣреніи, вечеромъ, потому что это свиданіе было назначено вечеромъ..... въ проливной дождь, я отправила на свиданіе одну вѣрную мнѣ женщину.

Симонъ.

Кого же?

Жульетта.

Минетту.... мою горничную!

Оскаръ (съ ужасомъ, съ сторону).

Что?... Горничная?... Такъ это была она?... О, срамъ!...

Симонъ (хохочетъ).

Горничную! Ха, ха, ха, ха! Это безподобно!

Жульетта.

Но такъ какъ погода была ужасная, обожатель не явился, и Минетта принуждена была возвратиться, никого не встрѣтивъ, какъ она сама рассказывала.

Оскаръ (съ сторону).

Какъ бы не такъ!

Симонъ (продолжая хохотать).

Горничную! Это уморительно! Ха, ха, ха! Это превосходно! Ха, ха, ха! А мой любезный племянникъ думалъ.... Ха, ха, ха, ха!....

Жульетта.

Что такое?

(Оскаръ дѣлаетъ Симону знаки молчать).

Симонъ (одумавшись, продолжаетъ смѣяться).

Думалъ... не позволить мнѣ жениться.... мнѣ.... своему дядѣ.... для чести семейства.... Это безподобно! Ха, ха, ха, ха! Это уморительно!... Спасибо, добрый племянничекъ! Ха, ха, ха, ха! Но такъ какъ теперь все объяснилось.... и буря, и таинственный гротъ.... гротъ Энея и Дидоны, и нѣтъ болѣе препятствій и затрудненій, я надѣюсь, что ты не будешь противиться, и дашь мнѣ свое опекунское благословеніе?

Оскаръ (съ нетерпѣніемъ).

О, разумѣется, любезный дядюшка!

Тернъ (тихо Жульеттѣ).

Вы слышали?

Жульетта (также).

Будьте спокойны!

Симонъ.

Пойдемъ же поскорѣ въ твой каби...

нетъ, сдѣлаемъ проектъ новаго контракта, а г. нотариусъ напишетъ его по формѣ.... Я богатъ и хочу раздѣлить все съ моею женой.

Жульетта.

Это очень великодушно!

Симонъ.

И такъ, г. нотариусъ... Права одинаковыя съ обѣихъ сторонъ; общее владѣніе всѣмъ движимымъ и недвижимымъ, родовымъ и благопріобрѣтеннымъ; обязуемся сохранять свято и ненарушимо и прочее и прочее, — однимъ словомъ, все то, въ чемъ я не знаю толку, постарайтесь, пожалуйста, написать все это какъ слѣдуетъ.

Оскаръ *(въ сторону)*.

Такъ это была Миннетта!.. Горничная!..

Симонъ *(подходя къ дверямъ кабинета)*.

Ну, что жъ ты нейдешь?

Оскаръ *(также въ размышленіи)*.

Иду, иду!.. А я думалъ!..

Симонъ.

О, Оскаръ! Я жду тебя!

Оскаръ *(вздрагиваетъ)*.

Что? *(въ сторону)* Что за глупыя шутки!

(Уходитъ за Симономъ въ кабинетъ направо).

ЯВЛЕНІЕ III.

Териньи и Жульетта.

Териньи.

И такъ, сударыня?

Жульетта.

И такъ, сударь?

Териньи.

Вашъ мужъ согласенъ.

Жульетта.

И кто же въ этомъ виноватъ, какъ не вы сами? Онъ не соглашался, но когда вы пристали къ нему съ объясненіями...

Териньи.

Могъ ли я не требовать ихъ? Могъ ли я оставить хоть тѣнь подозрѣнія къ той, которую я такъ люблю?..

Жульетта.

Конечно, нѣтъ! Вашъ поступокъ очень похваленъ и благороденъ, но въ нынѣшнемъ свѣтѣ подобный героизмъ можетъ только вредить намъ.

Териньи.

Такъ я виноватъ?

Жульетта.

Виноваты столько, сколько нужно, чтобы заслужить мое уваженіе и покровительство.

Териньи.

Ахъ, сударыня, вы слишкомъ добры ко мнѣ! Но, соперникъ мой...

Жульетта.

Соперникъ въ 50 лѣтъ!

Териньи.

Но съ 15-ю тысячами въ придачу, съ хорошимъ званіемъ и примѣрнымъ безкорыстіемъ!

Жульетта.

Котораго онъ прежде не имѣлъ, это-то меня и удивляетъ!

Териньи.

Однако же, вашъ мужъ рѣшительно обѣщалъ ему отдать руку вашей сестрицы.

Жульетта.

Это еще ничего не значитъ; онъ можетъ также рѣшительно и отказать ему.

Териньи.

Но что же можетъ его къ этому принудить, что же можетъ спасти насъ?..

Жульетта *(улыбаясь)*.

Новыя проказы! *(звонитъ)*.

Териньи.

Что вы хотите дѣлать?

Жульетта.

Позвать Миннетту, мою горничную.

Териньи.

Ту, которую вы посылали на свиданіе?

Жульетта.

Не вѣрьте ни одному слову. Минетта честная дѣвушка, и даже при полной довѣренности, никогда не рѣшится идти ни на какое бы то ни было свиданіе.

Териньи.

Отчего же вы давеча указали на нее?

Жульетта.

Оттого, что добрая ложь лучше худой правды.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Минетта.

Минетта.

Вамъ привезли кардонки съ шляпками, которыхъ вы ждали изъ Парижа.

Жульетта.

Хорошо, хорошо; я послѣ посмотрю, теперь некогда.

Териньи.

Ахъ, сударыня, такое пожертвованіе!..

Жульетта (*улыбаясь*).

Неправда ли, это геройскій поступокъ, особливо для дружбы? (*Минеттъ*.) Подойди, Минетта. Нравится ли тебѣ служить у меня? Желала ли бы ты остаться здѣсь подолѣе?

Минетта.

Да какъ же не желать этого, сударыня? Вашъ домъ лучшій во всемъ городѣ.... Вы такія добрыя, обходительныя... никогда не сердитесь, не капризничаете... а ужъ коли сказать правду, такъ больше всѣхъ имѣете на это права... Вотъ ужъ о баринѣ нельзя этого сказать!..

Жульетта.

Почему же?

Минетта.

Да такъ!.. Онъ всегда такой строгій, сердитый, а все таки, коли сказать правду, хоть полный хозяинъ въ домѣ, все можетъ дѣлать, а посмотришь, дѣлаетъ только то, что баринѣ захочется.

Жульетта.

И тебѣ это нравится?

Минетта.

А какъ же, сударыня?.. Такъ нравится, что я хотѣла бы, чтобъ и у меня былъ такой же порядокъ въ домѣ, когда я выйду за мужъ за Шарло.

Жульетта.

Но, послушай, Минетта. Если ты хочешь выйти за мужъ за Шарло, такъ прежде должна повиноваться мнѣ во всемъ.

Минетта.

Это не мудрено.

Жульетта.

Должна дѣлать все, что я ни прикажу, безъ возраженій, безъ разсужденій, а главное,—ничего не спрашивая.

Минетта.

Вотъ это такъ мудрено, потому что я очень любопытна. Ну, ужъ такъ и быть! И на это соглашаюсь.

Жульетта.

Ступай теперь къ моему мужу: онъ сидитъ съ дядюшкой въ своемъ кабинетѣ и пишетъ свадебный контрактъ... подойди къ нему, и тихонько скажи: «Я не хочу, чтобъ была эта свадьба, я вамъ запрещаю!»

Минетта.

Я?

Жульетта.

Да, ты.

Минетта.

Какъ? Мнѣ сказать это барину, котораго я почитаю и уважаю?

Жульетта (*строго*).

Ты должна ему это сказать, если же нѣтъ!..

Минетта.

Но если я осмѣлюсь ему это сказать, онъ услышитъ и вытолкаетъ меня вонъ.

Жульетта.

Напротивъ, онъ выслушаетъ тебя со вниманіемъ.

Минетта.

Выслушаетъ меня со вниманіемъ?..

Жульетта.

Да; но если онъ будетъ противиться, то ты еще прибавишь: «Я вамъ запрещаю, или я скажу все!»

Минетта *(соро)*.

Стало быть, тутъ есть тайна?

Жульетта *(строга)*.

Опять? Ты забыла наши условія!

Минетта.

О нѣтъ, сударыня! Повѣрьте, это не изъ любопытства, но собственно для вашей же пользы, такъ какъ вы приказываете мнѣ сказать...

Жульетта.

Это очень не мудроно запомнить... «Я вамъ запрещаю...»

Минетта.

«Или я скажу все!» Это значить, что я знаю что нибудь... да вѣдь я ничего не знаю? ...

Жульетта.

Все равно, знаешь или знаешь, выйдешь на одно!.. Ступай же, поскорѣе!

Минетта.

Сейчасъ иду, сударыня!.. Все равно, знаешь, или не знаешь!.. Какое странное порученіе!.. *(Идетъ къ кабинету, но отворивъ дверь, возвращается къ Жульеттѣ.)* Онъ идетъ сюда!

Жульетта.

Тѣмъ лучше! Смотри же, скажи все, что я тебѣ приказывала... Ни слова ни больше, ни меньше, и не уходи отсюда! *(Теринь)* А мы между тѣмъ будемъ здѣсь на стражѣ, и займемся чѣмъ нибудь, хоть разсматриваніемъ плановъ для покупки дачи.

ЯВЛЕНІЕ V.

Теринь и Жульетта *(сидятъ на левой сторонѣ за столомъ и разсматриваютъ планы и бумаги.)* Минетта

(стоитъ поодаль.) Оскаръ *(выходитъ изъ кабинета направо).*

Оскаръ *(говоритъ за кулисы).*

Не безпокойтесь, дядюшка, все будетъ составлено и написано, какъ слѣдуетъ. *(въ сторону)* Какъ онъ торопится!.. *(уви- для Минетты)* Ахъ, Боже мой! Здѣсь Минетта!.. Въ первый разъ еще мнѣ приходится быть съ нею вмѣстѣ, послѣ того, какъ я узналъ, что это она была на проклятомъ свиданіи.

Минетта.

Послушайте!

Оскаръ *(въ сторону)*.

Ахъ, Боже мой!.. Она подходитъ ко мнѣ, и при женѣ!

Минетта *(робѣя)*.

Послушайте, сударь!

Оскаръ *(въ сторону)*.

Она хочетъ говорить со мною! *(смотритъ на нее)* И въ какомъ она замѣшательствѣ, въ какомъ волненіи!.. Что бы это значило?.. Я никогда въ ней этого не замѣчалъ... *(громко Минеттѣ.)* Теперь некогда, я занятъ.

Минетта.

Мнѣ нужно сказать вамъ только одно слово, сударь.

Оскаръ *(въ сторону)*.

Если я не соглашусь, она, пожалуй, въ состояніи надѣлать неприяностей, отъ нее это станется. *(Дѣлаетъ ей знакъ подойти къ нему направо, на уголъ сцены.)* Ну, что тебѣ? Вотъ я здѣсь.

Минетта *(въ сторону)*.

Вотъ ужъ теперь-то я и не знаю какъ за это приняться!

Оскаръ *(въ полголоса, потупя глаза).*

Что тебѣ нужно, Минетта?

Минетта.

Вотъ что... *(въ сторону)* Никакъ не могу рѣшиться выговорить!.. *(ему.)* Вотъ что... я... я пришла сказать вамъ... что вашъ повѣренный дожидается въ саду...

Оскаръ.

Хорошо, хорошо!.. *(въ сторону)* Отдыхаю! *(ей)* Я сейчасъ иду къ нему...
(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ).

Минетта.

Послушайте!

Оскаръ.

Еще?.. Развѣ тебѣ нужно еще что нибудь, Минетта?

Минетта.

Такъ точно, сударь!.. Вы не подумайте, чтобъ я осмѣлилась неуважать васъ... вы знаете, говорила ли я когда нибудь...

Оскаръ *(съ помолоса и скоро)*.

Знаю, знаю, Минетта, я долженъ отдать тебѣ справедливость, и до сегодняшняго дня я цѣнилъ твоё молчаніе... но теперь, ты видишь, что я занятъ, мнѣ надобно переговорить съ Г. Териньи о свадебномъ контрактѣ.

Минетта.

Мнѣ также нужно объ этомъ переговорить съ вами.

Оскаръ *(съ изумленіемъ)*.

Со мною? О свадебномъ контрактѣ?

Минетта.

Да, сударь!.. *(Въ сторону)*. Смѣлѣе, чѣмъ робѣть; все равно!.. *(Въ помолоса)*. Я не хочу, чтобъ была эта свадьба, я вамъ запрещаю!...

Оскаръ *(встревоженный)*.

Какъ! что это значить?...

Минетта *(въ сторону)*.

Ну, теперь все кончено: онъ сію минуту взбѣсится!

Оскаръ *(тихо ей)*.

Ты мнѣ запрещаешь, Минетта? Что значать эти требованія?... Такое обращеніе?... И съ какою цѣлю, съ какимъ намереніемъ.... Какъ ты могла?...

Минетта *(также тихо)*.

Какъ я могла?... какъ я могла.... Я вамъ запрещаю!... Вотъ и все тутъ.

Оскаръ.

Но, послушай....

Минетта.

Или я скажу все.

Оскаръ.

Тише, тише, несчастная!

Минетта *(въ сторону)*.

Вотъ чудеса! Мнѣ кажется, онъ также струсилъ, какъ и я.

Оскаръ *(ей)*.

Конечно, я бы ни слова не сказалъ... но дядюшка, онъ пошелъ къ префекту... и я обѣщалъ ему...

Минетта.

Ну, берегитесь!... Я скажу все!... я скажу....

Оскаръ.

Хорошо, хорошо, я согласенъ, замолчи только! *(Въ сторону)*. И я не смѣю вытолкать ее вонъ! Долженъ ее слушаться!...

Жульетта *(вставая)*.

Что тамъ такое?

Оскаръ.

Ничего.... такъ... я принесъ проектъ контракта нашему нотариусу.

Жульетта.

Но ты разстроены.... Неужели это отъ контракта?...

Оскаръ *(смотря на Минетту)*.

Конечно, потому что.... давъ слово дядюшкѣ, я теперь обдумалъ.... я разсудилъ, что, не смотря на его богатство... онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что не можетъ составить счастья Агнесы.

Териньи *(въ сторону, съ радостью)*.

О Боже!

Жульетта.

Я то же думаю.

ОСКАРЪ.

И если бъ ты взялась помочь мнѣ уговорить дядюшку, вразумить его... отказаться отъ этой свадьбы.... (Смотря на Минетту). Кончить это безъ шума и огласки.... такъ, чтобъ всѣ были довольны....

ЖУЛЬЕТТА.

Съ радостію, и примусь за это въ ту же минуту, какъ онъ возвратится... Но, тебя дожидается въ саду твой повѣренный.

ОСКАРЪ.

Иду, иду! (Подходя къ Минеттѣ, въ то время, какъ Жульетта и Териньи оборачиваются и укладываютъ на столъ бумаги). Довольна ли ты теперь, чудовище?

МИНЕТТА (въ сторону).

Ахъ, какая мысль! (Тихо ему). Нѣтъ! не совсѣмъ еще!.. Вотъ, если бъ вы сдѣлали мнѣ маленькую прибавочку къ жалованью.... хоть сто франковъ на свадьбу.

ОСКАРЪ.

Какъ! ты хочешь еще?...

МИНЕТТА.

Разумѣется, хочу еще!.. Или я скажу все!...

ОСКАРЪ (скоро).

Хорошо, хорошо!... пятьсотъ, шестьсотъ франковъ.... сдѣлаю прибавку.... замолчи только!... (Жульеттѣ). Я иду въ садъ. (Въ сторону). О Господи! что со мною будетъ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, кромѣ Оскара.

МИНЕТТА.

Вотъ ужъ это чудеса! Этого я никакъ не ожидала!...

ТЕРИНЬИ.

Такая перемѣна!... Это непостижимо, невѣроятно!

ЖУЛЬЕТТА.

Теперь не надобно терять времени. Ступайте къ моему мужу, и пока онъ опять не раздумалъ, смѣло просите у него руку Агнесы.

ТЕРИНЬИ.

Какъ? сію минуту?...

ЖУЛЬЕТТА.

Это необходимо. Чтобъ соперникъ вашъ, при возвращеніи своемъ, увидѣлъ, что его мѣсто уже занято.

ТЕРИНЬИ.

Но я не знаю, не могу рѣшиться.... согласится ли Г. Бониве меня выслушать?

ЖУЛЬЕТТА.

Смѣлѣе, смѣлѣе! Я ручаюсь за успѣхъ, и остальное беру на себя.... Теперь мнѣ надо подумать также и о моихъ дѣлахъ.

ТЕРИНЬИ.

Я не знаю, какъ благодарить васъ!

ЖУЛЬЕТТА.

Ступайте, ступайте!

(Териньи уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

МИНЕТТА и ЖУЛЬЕТТА (сидится направо и пишетъ).

ЖУЛЬЕТТА.

Теперь надо написать ему нѣсколько словъ. Получивъ эту безымянную записку, онъ догадается отъ кого она написана.

МИНЕТТА (стоитъ подлѣ Жульетты и нѣсколько разъ покушается начать разговоръ).

Сударыня....

ЖУЛЬЕТТА (продолжая писать).

Что тебѣ надобно?

МИНЕТТА.

Нельзя ли узнать, сударыня.... хоть немножко.... хоть чтонибудь....

ЖУЛЬЕТТА.

Невозможно! я вѣдь запретила тебѣ спрашивать.... *(Встаетъ)*. Но, послушай....

МИНЕТТА *(съ радостью)*.

Вы хотите разсказать?... Слушаю-съ!

ЖУЛЬЕТТА.

Это письмо ты отдашь потихоньку моему мужу, и какъ можно осторожно.... чтобъ не увидѣли.

МИНЕТТА *(заглядывая въ письмо, которое не запечатано)*.

Это не мудро.... Не безпокойтесь.... Я тотчасъ отдамъ, какъ вы уйдете.

ЖУЛЬЕТТА *(удерживая ее)*.

Нѣтъ, ты должна отдать при мнѣ.... но только такъ, чтобъ я не примѣтила.

МИНЕТТА.

Какъ, сударыня?... Я должна при васъ отдать ему эту записку?... Вотъ это ново!.. Если бъ вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, сказали, что тутъ написано....

ЖУЛЬЕТТА.

Тише, вотъ мой мужъ; помни наше условіе.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Жульетта *(переходитъ на лѣвую сторону)*. Оскаръ *(выходитъ изъ среднихъ дверей)*. Минетта *(стоитъ поодаль, направо)*.

Оскаръ *(сердито)*.

Это ужъ слишкомъ!... Это ни на что не похоже!...

Жульетта.

Что съ тобою, мой другъ?...

Оскаръ.

Мнѣ кажется, что сегодня всѣ сговорились просить меня о свадьбѣ Агнесы.

Жульетта.

Въ самомъ дѣлѣ? Кто же еще?

Оскаръ.

Ты никакъ не отгадаешь. Г. Териньи, нашъ нотаріусъ.... А? Что ты на это скажешь?

Жульетта.

Ничего. Это до меня не касается.... Но что жъ ты отвѣчалъ ему?

Оскаръ.

Я отвѣчалъ все то, что говорится въ такомъ случаѣ, когда не знаешь что отвѣчать.... что я очень радъ.... что я увижу.... что я буду имѣть честь написать къ нему....

МИНЕТТА *(въ полголоса)*.

Послушайте!...

Оскаръ *(съ нетерпѣніемъ)*.

Опять!... *(Минетта показываетъ ему письмо, которое держитъ въ рукахъ, въ то время, какъ Жульетта переходитъ на другую сторону)*.

Оскаръ.

Письмо! и при жепѣ!...

МИНЕТТА *(тихо)*.

Она не смотритъ!

Оскаръ *(также)*.

Все равно!... Я не возьму!...

Жульетта.

Что ты говоришь?

Оскаръ.

Я говорю.... я говорю, что я самъ не знаю, что отвѣчалъ Г. Териньи.

МИНЕТТА *(въ полголоса, подходя къ нему)*.

Послушайте, я положила его на бюро.

Кн. XXIV—4

Оскаръ (въ сторону,
дѣлая знакъ,
чтобъ она у-
шла).

Я теперь въ такомъ положеніи!...

Минетта (уходя).

Послушайте.... послушайте, сударь.
(Показывая пальцемъ). Оно тамъ!...

Оскаръ (въ сторону).

Эта сумасшедшая рѣшительно погубитъ
меня!

Минетта (проходя ми-
мо Жульет-
ты, тихо).

Хорошо ли такъ, сударыня? (Жульет-
та дѣлаетъ знакъ одобренія. Минетта
уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Оскаръ и Жульетта.

Оскаръ (потихоньку
беретъ письмо
и прячетъ его
подъ бумаги).

Слава Богу, жена ничего не выда-
ла!... О, бѣдная жена! Какъ я ее обма-
ываю!...

Жульетта (въ это вре-
мя подходитъ
къ нему и ста-
новится поза-
ди его).

Что съ тобою? Что жъ ты не пишешь?

Оскаръ (въ замѣша-
тельствѣ).

Я?... я придумываю.... Я искалъ пе-
ра ...

Жульетта (подавая пе-
ро).

Вотъ оно. (Облакивается на его
плечо). Я не мѣшаю тебѣ?

Оскаръ.

Нисколько!

Жульетта.

Я хотѣла поговорить съ тобою, мой
другъ, въ то время что ты будешь пи-
сать, объ этой дачѣ, которую ты хочешь
купить у префекта; знаешь ли кто по-
далъ мысль объ этой покупкѣ? Самъ Г.
префектъ! Да, онъ ко мнѣ любезенъ, очень
внимателенъ!...

Оскаръ.

Ужъ очень внимателенъ, я это замѣ-
тилъ, и мнѣ кажется, онъ просто за
тобою волочится.

Жульетта (смѣясь).

И вообрази, ты не ошибся! Да
только онъ хлопочетъ понапрасну.... Я
ему сказала рѣшительно, что я люблю
моего мужа, и до тѣхъ поръ буду лю-
бить, пока онъ не измѣнитъ мнѣ.

Оскаръ (въ сторону).

О Боже!

Жульетта.

Вотъ если бъ я узнала, что нибудь про
него!... О! тогда.... Но, слава Богу, мнѣ
нечего бояться. Не правда ли? Я хотѣла
только сказать, что самъ Г. Префектъ
говоритъ, что эта дача необходима для
твоего здоровья.

Оскаръ.

Онъ уже слишкомъ обо мнѣ заботится!
(Въ сторону). Она никогда не уйдетъ от-
сюда! (Продолжаетъ писать).

Жульетта.

И я совершенно съ нимъ согласна, по-
тому что съ нѣкотораго времени замѣ-
чаю, что ты такъ перемѣнился. . . . и даже
сегодня, ты что-то не въ себѣ, раз-
строены....

Оскаръ.

Дѣйствительно, я что-то чувствую се-
бя не такъ хорошо.

Жульетта.

Вотъ, видишь ли, мой другъ... На дачѣ
ты непременно поправишься. . . . Свѣжій

воздухъ... коляска... вотъ что тебѣ нужно!... Отъ этого зависитъ твое здорье... И если ты любишь меня, другъ мой!...

Оскаръ.

Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться?

Жульетта (сз нѣжно-стью).

Я не отстану отъ тебя до тѣхъ поръ, пока ты не согласишься.

Оскаръ (сз сторону).

Она точно отгадываетъ время, когда я не могу ей отказать. (Женъ) Хорошо, хорошо, я согласенъ, я куплю дачу, я все для тебя сдѣлаю.

Жульетта (скоро).

И коляску также?

Оскаръ (сз нетерпѣніемъ).

И коляску также!

Жульетта.

Ахъ, мой другъ, какъ ты добръ, какъ любезенъ!.. Сейчасъ же побѣгу рассказать всѣмъ о моей радости... начну съ нашего нотаріуса... Онъ еще здѣсь и дожидается твоего отвѣта.

Оскаръ.

А я еще не написалъ двухъ строкъ.

Жульетта.

Это я помѣшала; виновата, виновата, мой другъ... Прощай, я уйду...

Оскаръ.

Прощай, моя милая!

Жульетта.

До свиданія... Прощай, Оскаръ!

Оскаръ.

Прощай, Жульетта.

(Жульетта уходитъ направо).

ЯВЛЕНІЕ X.

Оскаръ, потомъ Симонъ.

Оскаръ (вздыхая).

Наконецъ!.. (ищетъ письмо въ бума-

гахъ) Посмотримъ, что эта злодѣйка мнѣ написала.

Симонъ (входитъ съ средня двери напѣвая).

Да здравствуетъ веселье,

Да здравствуетъ любовь!

Я сейчасъ отъ префекта, объявилъ ему и всему мѣстному начальству о моей женитьбѣ.

Оскаръ.

Боже мой, что вы надѣлали! Это невозможно! Теперь ужъ это никакъ невозможно!

Симонъ.

Что? что такое?

Оскаръ (подавая ему письмо).

Прочтите, прочтите, дядюшка, эту записку, которую я получилъ сейчасъ отъ Минетты.

Симонъ.

Какъ? Давишнюю записку?.. О Оскаръ!

Оскаръ.

Нѣтъ, чортъ возьми, это ужъ другая! И кто выдумалъ учить писать горничныхъ?..

Симонъ (читаетъ).

«О, Оскаръ! Г. Териньи, молодой нотаріусъ, за котораго Шарло пошелъ въ солдаты...»

Оскаръ.

Знаю, знаю. — Далѣе.

Симонъ (продолжаетъ).

«Г. Териньи обѣщаетъ мнѣ 3000 франковъ, если онъ женится на Агнесъ!.. Это что еще?»

Оскаръ.

Читайте, читайте дальше.

Симонъ (продолжаетъ).

«Вмѣсто того, чтобъ приказать, я прошу васъ...»

Оскаръ.

Каковъ слогъ?

Симонъ (продолжая).

«Устройте свадьбу ихъ сегодня же, если же нѣтъ... я скажу все вашей...»

Оскаръ.

Она скажетъ все!.. Понимаете ли вы это?.. Все!.. Какой стыдъ, срамъ!.. Все скажетъ женѣ моей!.. А что скажетъ жена?... О! тогда она непременно воспользуется правомъ возмездія, о которомъ сейчасъ говорила.

Симонъ.

Полно, перестань, прошу тебя!

Оскаръ.

Для моего счастья, любезный дядюшка, вамъ необходимо надобно...

Симонъ.

Отказаться отъ моего?

Оскаръ.

Сдѣлайте милость! И ужъ если вы непременно хотите жениться, развѣ вамъ мало женщинъ?.. Почему вы упрямитесь жениться на той, которую вы едва знаете и которая ничего не имѣетъ?

Симонъ.

Ничего не имѣетъ? Напротивъ, она имѣетъ 500 тысячъ франковъ.

Оскаръ.

Что вы говорите?

Симонъ.

Три недѣли тому назадъ, двоюродный ея братъ убитъ на дуэли въ Нью-Йоркѣ, и умеръ не сдѣлавъ ни какого завѣщанія.

Оскаръ.

Точно ли вы въ этомъ увѣрены?

Симонъ.

Вчера при мнѣ принесли въ Министерство объ этомъ извѣстіе... и кромѣ Агнесы нѣтъ другихъ родственниковъ и наслѣдниковъ.

Оскаръ.

Теперь понимаю ваше безкорыстіе, дядюшка, и что значитъ общее владѣніе всѣмъ движимымъ и недвижимымъ.

Симонъ.

Ты далъ мнѣ слово, и если не сдержишь

его, въ такомъ случаѣ прошу меня извинить, если я не сдержу своего, и расскажу все твоей женѣ.

Оскаръ (съ ужасомъ).

Но, дядюшка!..

Симонъ.

Рѣшайся!

Оскаръ.

Но, послушайте! Какъ могу я на это рѣшиться, какъ избавиться отъ домашняго тирана, который преслѣдуетъ меня на каждомъ шагѣ?

Симонъ.

Нѣтъ ничего легче! Самое содержаніе письма доказываетъ, что дѣло идетъ о прибавкѣ... За 3000 франковъ она теперь на противной сторонѣ; но если дать ей 4000, она будетъ на нашей, и будетъ молчать.

Оскаръ.

Вы думаете?

Симонъ.

Я берусь за это и отвѣчаю, что она согласится молчать.

Оскаръ.

Ахъ, дядюшка! милый, добрый дядюшка! Какъ благодарить васъ?.. Но мнѣ очень жаль, что я ввожу васъ въ эти издержки!..

Симонъ.

Ни мало! Это до меня не касается!.. Это ужъ на твой счетъ... И такъ какъ у меня есть твои деньги...

Оскаръ.

Но, позвольте, мнѣ кажется...

Симонъ.

Что такое?

Оскаръ.

Вѣдь вы хотите жениться?

Симонъ.

Я!.. А кто женатый напроказилъ? Ты! Кому слѣдуетъ платить? Тебѣ!

Оскаръ.

Но, послушайте!..

Симонъ.

Вотъ она!.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тъ же и Минетта.

Минетта.

Барыня приказала вамъ сказать, что Мамзель Агнеса прѣхала.

Симонъ (Оскаръ).

Агнеса прѣхала! Теперь не надо терять времени. (Минеттъ.) Спасибо, Минетточка, подойди сюда...

Минетта (подходя).

Что вамъ угодно, сударь?

Симонъ (тихо Оскаръ, разсматривая Минетту).

Я и не замѣтилъ... Она очень недурна! Плутиска! Да ты не такъ несчастливъ!...

Оскаръ (тихо).

Перестаньте, дядюшка! (искоса поглядывал на нее) Въ самомъ дѣдѣ, она очень недурна! Подойди, подойди поближе, Минетта... Дядюшка хочетъ съ тобою поговорить.

Минетта (въ сторону, становясь между ими).

Чего имъ хочется отъ меня?

Оскаръ (немного помолчавъ).

Я прочиталъ твое письмо, Минетта.

Симонъ (хладнокровно).

Онъ прочиталъ.

Минетта.

Онъ прочиталъ?

Симонъ.

И я также.

Оскаръ.

Не стану упрекать тебя!..

Минетта.

Покорно васъ благодарю, сударь!

Оскаръ (робко).

Что прошло, то прошло, Минетта.

Симонъ.

И не будемъ говорить объ этомъ.

Минетта.

Я и не говорила объ этомъ.

Оскаръ.

Однако жъ, ты мнѣ сказала: я скажу все!

Минетта.

Сказала.

Симонъ.

Но она больше этого не сдѣлаетъ... Она выходитъ замужъ за Шарло.

Минетта.

Разумѣется!

Симонъ.

И мы предлагаемъ ей...

Оскаръ.

Во-первыхъ: 600 франковъ жалованья.

Минетта.

И прекрасно!

Симонъ.

Во-вторыхъ: 4000 франковъ награжденія.

Минетта (съ удивленіемъ).

Что, мнѣ 4000 франковъ?

Симонъ.

И даже сію минуту. (Вынимаетъ бумажникъ).

Оскаръ.

Съ условіемъ, если ты будешь молчать и ничего не скажешь.

Симонъ.

Да, молчаніе, ненарушимое молчаніе!

Минетта (протягивая руку).

О! что касается до этого!.. Но нѣтъ, я не вѣрю...

Симонъ (даетъ деньги).

Вотъ они!

Оскаръ (въ полголоса).

Теперь ты будешь молчать, и ни въ какомъ случаѣ...

Симонъ.

Ни слова!

Минетта.

Клянусь! Ябуду молчать, какъ рыба.

Оскаръ (съ радостью).

Обними меня!... (отталкиваетъ ее)

Нѣтъ! Обними дядюшку!

Симонъ.

Съ радостью! (обнимаетъ ее) Тебѣ я обязанъ моею свадьбою!..

Оскаръ.

А я моимъ спокойствіемъ. Ну! какъ гора свалилась съ плечъ!.. Теперь ужъ мнѣ нечего бояться! Я опять счастливый мужъ и хозяинъ въ домѣ. Пойду къ женѣ.

Симонъ.

А я къ другому нотаріусу.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Минетта (стоитъ неподвижно посреди).

Хоть убей, ничего не понимаю!.. Но что за дѣло! (смотритъ на деньги) Сколько денегъ за то, чтобъ молчать, и молчать о томъ, чего не знаешь! О, Шарло, Шарло! Побѣгу къ нему и расскажу ему обо всемъ.

(Убѣгаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Декорация та же

ЯВЛЕНІЕ I.

Жульетта и Минетта.

Минетта.

Да, сударыня, вы совершенно справедливо предсказали мнѣ, что я разбогатею и выйду замужъ за Шарло.

Жульетта.

Я очень рада, что это исполнилось.

Минетта.

Баринъ сдѣлалъ мнѣ прибавку къ жалованью.

Жульетта.

Неужели?

Минетта.

А дядюшка, Г. Симонъ, прочитавъ письмо мое, то есть ваше, далъ мнѣ четыре тысячи франковъ, за то, чтобъ я молчала.

Жульетта.

И ты взяла эти деньги?

Минетта.

А какъ же? Какъ честная дѣвушка я не смѣла отказаться.

Жульетта (смѣясь).

И хорошо сдѣлала!... Теперь я хочу тебѣ еще дать....

Минетта.

Еще письмо?... Но, ужъ я бы больше не желала.

Жульетта.

Нѣтъ, я тебѣ дамъ новыя наставленія, какъ отвѣчать.

Минетта.

Ахъ, нѣтъ, сударыня!

Жульетта.

Я хочу только, чтобъ ты сказала....

Минетта.

Не могу! Ей Богу, не могу!

Жульетта.

Почему?

Минетта.

Потому, что теперь я не знаю, что и дѣлать!... Съ вами надобно говорить, съ ними не надобно говорить. И я ужъ рѣшилась ни во что больше не вмѣшиваться!

Жульетта.

Это очень похвально! Я никакъ не ожидала, чтобъ ты рѣшилась дѣйствовать противъ меня.

Минетта.

Ахъ, нѣтъ, сударыня, не сердитесь. Я такъ много вамъ обязана, что никогда этого не забуду. Я рассказала Шарло, какимъ образомъ получила четыре тысячи франковъ; онъ остолбенѣлъ отъ удивленія, что я такъ разбогатѣла, и хочетъ непременно выйти въ отставку и опредѣлиться служить у васъ.

Жульетта.

Въ самомъ дѣлѣ? И онъ надѣется также здѣсь разбогатѣть?

Минетта.

Я не говорила еще объ этомъ барину; а ужъ знаю, что онъ не откажетъ.

Жульетта.

Ты увѣрена въ его согласіи?

Минетта.

Какъ нельзя больше!... Но это зависитъ также и отъ васъ, сударыня.... По-

говорите барину о Шарло.... хоть словечко!

Жульетта.

Не могу! Я также какъ и ты, рѣшилась ни во что больше не вмѣшиваться.

Минетта.

Не можетъ быть, сударыня!

Жульетта.

Увѣрю тебя.

Минетта.

Вы всегда были такъ добры; согласитесь помочь опредѣлиться Шарло, а не то.... я принуждена буду....

Жульетта.

Оставить меня?

Минетта (скоро).

О, нѣтъ! сударыня, я никогда васъ не оставлю.... потому что мое усердіе, моя признательность.... но.... (Робко, потупивъ глаза.) Я скажу все!

Жульетта.

Вотъ что!... (Въ сторону.) Я поймана! (Ей.) Что жъ ты скажешь?

Минетта.

Я скажу барину, что вы научили меня сказать ему, я скажу все, все!

Жульетта (въ сторону).

Если она скажетъ это мужу, тогда все откроется, и я не успѣю ничего сдѣлать. (Минеттѣ.) Хорошо, Минетта, я соглашаюсь.... Гдѣ же твой Шарло?

Минетта.

Въ казармахъ, за полмили отсюда, я сейчасъ за нимъ сбѣгаю.

Жульетта.

Ступай и приведи его сюда. Сегодня вечеромъ вы получите мой отвѣтъ.

Минетта.

Иду сію минуту! Я напередъ была увѣрена, что вы это сдѣлаете. (Убѣгаетъ).

Жульетта (одна).

А, плутовка! Ты думаешь и со мною также поступать, какъ съ моимъ мужемъ, хочешь воевать со мною моимъ же ору-

жіемъ, но тебѣ это не удастся! Надо это кончить поскорѣе, дать хорошій урокъ мужу и лишить Минетту средствъ здѣсь хозяйничать.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЕРИНЫИ и ЖУЛЬЕТТА.

ТЕРИНЫИ.

Все кончено! Я сейчасъ былъ у вашего мужа за отвѣтомъ, котораго дожидался съ такимъ нетерпѣніемъ. Онъ былъ не одинъ, и превесело, такъ радушно разговаривалъ съ дядюшкой и съ другимъ нотариусомъ. Въ ту минуту, какъ я только хотѣлъ отворить дверь его кабинета, я услышалъ слѣдующія слова: Да, дядюшка, Агнеса будетъ принадлежать вамъ; я опять вступилъ въ мои права; я опекунъ ея, никого не боюсь и могу дѣлать, что хочу.

ЖУЛЬЕТТА.

И къ нашему несчастію, онъ сказалъ правду! Все измѣнило намъ.... (Улыбается.) исключая Агнесы, которая все еще на нашей сторонѣ.... Но Минетта, на которую я такъ надѣялась....

ТЕРИНЫИ.

Какъ? Неужели и она?

ЖУЛЬЕТТА.

Минетта передалась нашимъ непріятелямъ, и я не знаю, что начать теперь!..

ТЕРИНЫИ.

Неужели не осталось ни какого средства помѣшать этой свадьбѣ? Неужели и вы насъ оставляете? Давеча, поутру, ваша магическая, сверхъестественная воля измѣнила въ вашу пользу всѣ предположенія вашего мужа; я увѣренъ, что и теперь достаточно одного вашего слова, чтобъ все уничтожить.

ЖУЛЬЕТТА (въ задумчивости).

Конечно, довольно одного моего слова.... и это слово, если я скажу ему, заставить

мнѣ повиноваться, но только сегодня.... Это будетъ въ послѣдній разъ.... Это слово, которое въ продолженіе шести мѣсяцевъ составляло всю мою власть надъ мужемъ, уничтожится; если я скажу ему, очарованіе его исчезнетъ, и могущественный талисманъ мой потеряетъ свое дѣйствіе....

ТЕРИНЫИ.

Я не понимаю....

ЖУЛЬЕТТА.

Это моя тайна. (Слушалъ.) Но вотъ мой мужъ.

ТЕРИНЫИ.

Защитите, спасите насъ!

ЖУЛЬЕТТА.

Я сама этого желаю.... но не знаю.... удастся ли.... постараюсь.... теперь уходите; мы еще увидимся.

ТЕРИНЫИ.

На васъ вся моя надежда! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ОСКАРЬ и ЖУЛЬЕТТА.

ОСКАРЬ (въ глубинѣ театра кричитъ).

Слышать этого не хочу! Какъ смѣли это сдѣлать!... Гдѣ Минетта? Зачѣмъ ее вѣтъ, когда я спрашиваю? А? какъ смѣла она уйти безъ моего позволенія?

ЖУЛЬЕТТА (въ сторону).

Какъ онъ перемѣнился! Какъ кричить, приказываетъ.... Териньи сказалъ правду, что теперь онъ никого не боится, и попрежнему началъ всѣмъ распоряжаться.

ОСКАРЬ (весело).

Наконецъ я ожилъ! Теперь я могу дышать свободно, могу браниться сколько душѣ угодно, и для начала разругалъ всѣхъ!... Какъ давно я не имѣлъ этого удовольствія! (Увидя жену.) А! это ты, мой другъ!

Жульетта.

Да, я пришла поговорить съ тобою объ одномъ дѣлѣ.

Оскаръ.

Я догадываюсь! Вѣрно опять о дачѣ и о коляскѣ?

Жульетта.

Совсѣмъ нѣтъ! Это ужъ кончено.... Вѣдь ты согласился.

Оскаръ (въ сторону).

Да, добровольно, наступя на горло! (Садится.) Что жъ тебѣ нужно? Говори поскорѣе, мнѣ некогда, я жду дядюшку, онъ сейчасъ прійдетъ отъ нотариуса; контрактъ его ужъ готовъ, и мнѣ остается только подписать его.

Жульетта.

Такъ ты соглашаешься на эту свадьбу?

Оскаръ.

Да, надо кончить!... Онъ единственный мой родственникъ, мой дядя.... Я ему многимъ обязанъ, и по другимъ причинамъ....

Жульетта.

Какія причины?

Оскаръ.

Причины очень достаточныя, которыхъ ты не должна знать и противъ которыхъ нѣтъ возраженій.

Жульетта.

Но Агнеса любитъ Г. Териньи.

Оскаръ.

Это ничего не значить.

Жульетта.

Ничего не значить теперь, когда страсть дядюшки заглушила его разсудокъ; но потомъ онъ будетъ раскаиваться, что женился на дѣвушкѣ, которая его не любитъ и ничего не имѣетъ.

Оскаръ.

Вотъ, всѣ вы женщины таковы! Говорятъ и сами не знаютъ что!.. Напротивъ, Агнеса не такъ бѣдна, какъ вы думаете.

Жульетта.

Можетъ ли это быть?

Оскаръ.

Да, она теперь очень богата. Двоюродный ея братъ умеръ, и она законная наследница пятисотъ тысячъ франковъ.

Жульетта.

И дядюшка это зналъ?

Оскаръ.

Разумѣется!

Жульетта (въ сторону).

И такая богатая невѣста достанется старику, тогда какъ бѣдный Териньи такъ безкорыстно, такъ пламенно въ нее влюбленъ.... Нѣтъ! чего бы это мнѣ ни стоило, жертвую всѣмъ, отказываюсь отъ моей власти надъ мужемъ, чтобъ только спасти несчастныхъ любовниковъ. (Мужу.) Послушай, мой другъ....

Оскаръ.

Что такое? Я сказалъ, что мнѣ некогда; говори поскорѣе.

Жульетта.

Не знаю какъ начать.... это дѣло такое трудное.... запутанное.... я боюсь....

Оскаръ (въ сторону).

Ага! и она меня боится!

Жульетта.

Сегодня поутру я рассказывала тебѣ про одну шалость.... помнишь.... таинственный гротъ....

Оскаръ (въ сторону, поднимаясь со стула).

Ахъ, Боже мой! Опять то же!.. Теперь ужъ я боюсь за себя.

Жульетта (въ сторону).

Теперь онъ опять въ моихъ рукахъ!... (Ему.) Я говорила тебѣ, что мнѣ пришла мысль послать туда Минетту ...

Оскаръ.

И что она никого тамъ не нашла.

Жульетта.

Такъ точно! Но мнѣ кажется, что она меня обманула.... доказательствомъ этому служить то, что сегодня Минетта полу-

чила отъ своего обожателя четыре тысячи франковъ.

Оскаръ *(въ сторону)*.

О Боже! Я пропалъ!

Жульетта.

Женихъ ея, солдатъ Шарло, хотѣлъ непременно узнать откуда она получила такую огромную сумму денегъ, и бѣдная Миннетта, со страха, боясь угрозы его, все ему рассказала, и даже открыла имя своего соблазнителя.

Оскаръ.

И ты его знаешь?

Жульетта.

Нѣтъ еще, но это непременно сдѣлается гласнымъ, потому что Шарло въ бѣшенствѣ поклялся убить его, и Миннетта мнѣ сказала, что онъ непременно это исполнить, если его не разувѣрятъ.... Я не знаю, на что теперь рѣшиться. Я чувствую, что не въ состояніи успокоить этого грубаго и ревниваго солдата.... Вотъ, если бъ ты, мой другъ....

Оскаръ.

Какъ? ты хочешь, чтобъ я говорилъ съ нимъ?

Жульетта.

Ты въ состояніи убѣдить его... Вы, мужчины, всегда такъ краснорѣчивы... Я сейчасъ позову его. *(Хочетъ идти)*.

Оскаръ *(удерживая ее)*.

Жена! другъ мой! Послушай....

Жульетта.

Что тебѣ надобно?

Оскаръ *(съ замѣшательствомъ)*.

Еще одно слово!... Только одно слово!...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Симонъ.

Симонъ.

Вотъ и я, съ бумагами! Все готово, и я принесъ тебѣ ихъ подписать.

Оскаръ *(беретъ бумаги)*.

Сейчасъ, дядюшка! черезъ минуту я буду къ вашимъ услугамъ.... Но теперь мнѣ надобно поговорить съ женою....

Симонъ.

Вѣрно о хозяйствѣ? Это дѣлаетъ тебѣ честь! Я всегда уважаю хозяйственные занятія.... Но я хотѣлъ также сказать, что тамъ пришелъ какой-то солдатъ и хочетъ поговорить съ вами.

Оскаръ *(въ сторону)*.

Я пропалъ!

Симонъ.

Его привела Миннетта.

Жульетта *(мужу)*.

Это Шарло!

Симонъ.

Онъ дожидается на лѣсницѣ.

Оскаръ *(тихо Симону)*.

Удержите его.... не пускайте.... или все погибло!

Симонъ.

Почему?

Оскаръ.

Это Шарло, женихъ Миннетты! Онъ все узналъ. Теперь кончено!... Должно во всемъ признаться женѣ!

Симонъ.

Понимаю, начинается драматическая развязка!

Оскаръ.

Ради Бога, дядюшка, удержите его, чтобъ онъ не вошелъ сюда.

Симонъ.

О, не безпокойся! Это мое дѣло!

(Уходитъ).

Жульетта *(въ сторону)*.

Наконецъ мы одни!

ЯВЛЕНИЕ V.

ОСКАРЪ и ЖУЛЬЕТТА.

ОСКАРЪ *(въ сторону, на авансценѣ).*

Кончено! нѣтъ другаго средства къ спасенію... Должно возвратиться къ классицизму, то есть, къ моей женѣ.... Должно ей во всемъ признаться, потому что черезъ минуту она сама все узнаетъ. *(Обращается къ Жульеттѣ, которая хочетъ идти).* Другъ мой!

ЖУЛЬЕТТА.

Что жъ ты нейдешь?

ОСКАРЪ *(въ нерешимости).*

Сейчасъ.... я хотѣлъ прежде... поговорить съ тобою.... посоветоваться....

ЖУЛЬЕТТА.

О чемъ? о контрактѣ?... Объ этихъ бумагахъ, которыя тебѣ отдалъ дядюшка?

ОСКАРЪ.

Да, моя милая... Я хотѣлъ бы прежде узнать твое мнѣніе....

ЖУЛЬЕТТА.

Въ самомъ дѣлѣ? Стало быть, ты соглашаешься на мою просьбу?

ОСКАРЪ.

Я?... но развѣ можетъ быть иначе? Ты очень хорошо знаешь, что всѣ твои желанія были также и моими, и въ доказательство, эта дача, о которой ты меня просила поутру; я былъ такъ счастливъ, такъ радъ, что могъ для тебя это сдѣлать; я купилъ ее въ ту же минуту, даже не торговавшись.... и ежели этотъ молодой человѣкъ такъ любитъ Агнесу, и хочетъ на ней жениться....

ЖУЛЬЕТТА.

Возможно ли! Ахъ, мой другъ, какъ ты добръ! столько снисхожденія!...

ОСКАРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ, мнѣ нужно твое снисхожденіе....

ЖУЛЬЕТТА.

Что это значить? объясни скорѣе.

ОСКАРЪ.

Ахъ, ты не можешь представить, какъ это тяжело мнѣ!... Вотъ, видишь ли, моя милая.... Я женился на тебѣ по любви.... Самое время не могло уменьшить любовь мою, напротивъ....

ЖУЛЬЕТТА.

Что жъ? Тутъ нѣтъ ничего худого.

ОСКАРЪ.

Конечно нѣтъ!... Но это было причиною, что я любилъ до безумія, до излишества, и эта-то чрезмерная страсть можетъ быть и виною....

ЖУЛЬЕТТА.

Можетъ быть! Но все таки я не вижу тутъ большаго зла.

ОСКАРЪ.

Напротивъ, въ этомъ-то и заключается все зло. Мужъ, который безконечно обожаетъ свою жену, становится наконецъ смѣшонъ, особенно здѣсь, въ провинціи.

ЖУЛЬЕТТА.

Въ самомъ дѣлѣ?

ОСКАРЪ.

И боясь насмѣшекъ... изъ самолюбія.... не изъ чего другаго.... потому что.... я клянусь тебѣ, я не любилъ ее!...

ЖУЛЬЕТТА.

Какъ, сударь! Вы осмѣлились?...

ОСКАРЪ.

Это было только минутное заблужденіе, шалость, которая навсегда лишила меня спокойствія! Ты видишь этому доказательство, что я безъ всякаго принужденія, но единственно, чтобъ избавиться отъ мучительнаго безпокойства и угрызений совѣсти, рѣшился, на колыняхъ, самъ тебѣ во всемъ признаться. *(Становится на колыни).*

ЖУЛЬЕТТА *(холодно).*

Встаньте, сударь.

Оскаръ.

Какъ? Ты не сердишься, ты прощаешь меня?

Жульетта.

Да, и болѣе потому, что ваше признаніе даетъ мнѣ полное право быть съ вами также откровенною, и что теперь, безъ опасенія, я могу также въ свою очередь сказать вамъ: я также виновата!

Оскаръ (вскакивая).

Что?

Жульетта.

И никогда, безъ вашего признанія, вы не узнали бы этой роковой тайны... Никогда я не осмѣлилась бы вамъ признаться, что я также обманула васъ, и очень давно.

Оскаръ.

Какъ? что это значить?

Жульетта.

Это значить, что мы одинаково виноваты!

Оскаръ.

Нѣтъ! этого быть не можетъ!... Ты не виновата!...

Жульетта.

Напротивъ, болѣе нежели вы сами. Вы говорите, что измѣнили мнѣ не любя той особы, а я рѣшилась на это изъ любви къ тому, котораго и теперь еще люблю?

Оскаръ.

Кого же? Кто это былъ?... Претектъ?

Жульетта.

Нѣтъ, другой!

Оскаръ.

Какъ? и ты осмѣлилась?... При мнѣ!... при моихъ глазахъ; а когда это было?...

Жульетта.

Назадъ тому шесть мѣсяцевъ.

Оскаръ (въ сторону).

Въ то же время, какъ и я!

Жульетта.

Онъ писалъ ко мнѣ, и въ самыхъ

пылкихъ выраженіяхъ просилъ свиданія....

Оскаръ (въ сторону).

Также, какъ и я!

Жульетта.

Въ десять часовъ вечера....

Оскаръ.

Нѣтъ! этого быть не можетъ! Жульетта, другъ мой, ты смѣешься надо мною!

Жульетта.

Ни сколько!

Оскаръ (обнимая ее).

Какое счастье!... А Минетта?...

Жульетта.

Это была я!

Оскаръ (въ восторгѣ упадаетъ передъ ней на колѣни).

О, какой урокъ! Прости, прости меня! Клянусь, съ этой минуты ни за что не обману тебя!

Жульетта.

Этого только я и хотѣла: хорошенько проучить тебя!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Симонъ входитъ въ среднія двери, потомъ Териньи.

Симонъ.

Что это?... На колѣняхъ передъ женой!... Безразсудный! Что ты дѣлаешь? (Тихо Оскару.) Молчи, молчи, не говори ни слова!

Оскаръ.

Нѣтъ, дядюшка, теперь ужъ все кончено! Я во всемъ признался.

Симонъ.

Что ты сдѣлалъ? Вѣдь Шарло ничего не знаетъ.

Оскаръ.

За то жена моя знаетъ все.

Симонъ.

Возможно ли?

Оскаръ (*съ помолоса, показывая на Жульетту*).

О Оскаръ! я жду тебя!...

Симонъ.

Какъ! такъ это была она?

Жульетта.

Вы также были противъ меня въ заговоръ, дядюшка, но я осталась побѣдительницей. Теперь война кончена, и, какъ побѣдитель, я должна наградить моихъ союзниковъ на счетъ побѣжденныхъ. Г. Териньи, вы женитесь на Агнесъ, мой мужъ на это соглашается.

Симонъ.

Какъ, чортъ возьми?

Жульетта.

Я надѣюсь, что и вы также согласитесь на это, любезный дядюшка; они ужъ давно любить другъ друга.... Будьте такъ великодушны! Послѣ столькихъ успѣховъ и побѣдъ, что значить для насъ маленькая неудача? (*къ Териньи*.) Въ награду за всѣ военные хитрости, я обѣщала вамъ приданое, и вы получите пятьсотъ тысячъ франковъ.

Териньи.

Какъ, сударыня?

Жульетта.

Не безпокойтесь, ихъ платитъ вамъ не мужъ мой.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Минетта.

Минетта.

Вотъ и я, сударыня! Шарло также здѣсь, и дожидается внизу.

Жульетта.

Мы очень рады его видѣть, и согласны на вашу свадьбу.

Оскаръ.

Да, Минетта, мы согласны на вашу свадьбу.

Минетта.

И также согласны дать ему здѣсь мѣсто, о которомъ я васъ просила?

Жульетта.

Нѣтъ, этого мы не можемъ сдѣлать.

Оскаръ.

Да, мы рѣшили, я и жена моя, что мы не можемъ этого сдѣлать.

Минетта (*съ замѣшательствомъ*).

Не можете? Нечего дѣлать!... Въ такомъ случаѣ.... (*Тихо Оскару*.) Я скажу все!

Оскаръ (*громко*).

Говори!

Минетта (*тихо Жульеттѣ*).

Сударыня!... Я скажу все!

Жульетта.

Говори!

Минетта (*подходитъ къ Симону*).

Что жъ это значить?

Симонъ.

Это значить, что ты можешь все сказать, тебѣ позволяютъ.

Минетта (*съ удивленіемъ*).

Что жъ это такое? Мнѣ кажется, что здѣсь ужъ всѣ знаютъ, кромѣ меня!

Оскаръ.

Ну, слава Богу! Дешево отдѣлся!... Вырвался изъ западни, другой разъ ужъ не попадусь!... Рискнулъ, да и закалялся!

Симонъ.

Впередъ наука, женатый проказникъ!

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ

НѢМЕЦКАГО ДРАМАТИЧЕСКАГО ПИСАТЕЛЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

(Окончаніе).

IX.

На другой день утромъ, я лежалъ въ постель, и въ полудремотномъ состояніи старался представить себѣ сцену перваго представленія своего водевиля.

Многочисленная публика, любопытные Парижане, собравшіеся смотрѣть мой водевиль; вышедшій съ извиненіемъ Директоръ, который своею хитростью вѣнчалъ дочку лаврама, а меня и моихъ четырехъ невинныхъ сотрудниковъ обкрадывалъ; крикъ, шумъ, свистки, полиція, городовые сержанты, бунтъ, аресты... ахъ, я

не зналъ, могъ ли приписывать себѣ честь подобныхъ явленій?..

Погруженный въ мечты, я услышалъ у дверей довольно сильный стукъ, и въ ту же минуту вошелъ ко мнѣ видный мужчина, прекрасно одѣтый, съ важною миною. Онъ такъ усердно потиралъ свои огромныя, мясистыя руки, какъ будто старался извлечь изъ нихъ искры.

— Я, можетъ быть, не совѣмъ незнакомъ вамъ...

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Вы видите во мнѣ начальника хлю-
Кн. XXIV—1.

пальщиковъ, *chef des claqueurs*, и я пришелъ нарочно переговорить съ вами о предстоящемъ представленіи вашего водевиля, потому что при пробѣ каждой пьесы, я вхожу въ сношенія съ авторомъ, особенно если онъ новичекъ.

Я сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ предъ важною особою, надѣлъ халатъ, и пригласилъ гостя сѣсть со мною у камина.

— Сдѣлайте одолженіе, началъ онъ, скажите мнѣ, на сколько даровыхъ билетовъ вы можете считать, сколько должны раздать вашимъ друзьямъ? Въ такомъ случаѣ, всѣ остальные я раздамъ своимъ, чтобы наилучшимъ образомъ услужить вамъ. Я не советую продавать билеты при первомъ представленіи по цѣнѣ низшей: это много повредитъ новой пьесѣ.

Я не понималъ словъ начальника клакеровъ, и откровенно признался ему въ своемъ невѣжествѣ.

— Какъ, сударь, вскричалъ онъ въ изумленіи, вы еще не уладили этого дѣла съ дирекціею, а пьеса будетъ скоро дана? Да, они порядкомъ обманываютъ новичка! А главный секретарь, который, какъ я слышалъ, называется вашимъ другомъ, о, какой же онъ другъ! Четырехъ сотрудниковъ навязали они вамъ!.. Помните, это просто нестерпимо, *c'est embêtant*! Ну, дѣлать нечего; въ послѣдствіи вы будете осторожны. Но отъ даровыхъ билетовъ вы не должны отказываться; они непременно обязаны выдать ихъ, и притомъ безъ всякихъ вычетовъ.

Я спросилъ, что должно разумѣть подъ этимъ. Начальникъ клакеровъ объяснилъ мнѣ дѣло въ нѣсколькихъ словахъ. Дирекція выдаетъ даровые билеты, которые однако приносятъ доходъ, то есть, дирекція продаетъ билеты по цѣнѣ гораздо низшей; но такіе билеты ничего не значатъ для него, начальника клакеровъ, и для его агентовъ. «Ложь и нумерованныя мѣста, которые вамъ дастъ дирек-

ція, вы можете предоставить своимъ друзьямъ.»

Я замѣтилъ, что въ Парижѣ у меня мало друзей, и что они, конечно, съ удовольствіемъ заплатятъ за свои билеты.

Но *M. le chef des claqueurs* возразилъ очень серьезно:

— Милостивый государь! Вы такъ же мало знаете о своихъ друзьяхъ въ Парижѣ, какъ и о врагахъ. Да, ваши злѣйшіе враги — ваши сотрудники, оберъ-режиссеръ и Г. Леонъ, котораго мелодрама не пойдетъ изъ за васъ.

Я спросилъ съ изумленіемъ, откуда ему все это извѣстно.

— Отъ вашихъ же враговъ, отвѣчалъ великій человекъ. Но я не хочу раздражать васъ, и потому увольте меня отъ повторенія тѣхъ выраженій, которыми они васъ честили. Между тѣмъ репетиція вашей пьесы продолжается, и день представленія недалекъ. Послушайтесь меня! Ложь и нумерованныя мѣста оставьте за собою, я въ этомъ не препятствую; но мнѣ нужны двадцать билетовъ въ партеръ; для вѣщей дѣйствительности, я долженъ помѣстить свою фалангу въ срединѣ партера; это будутъ люди порядочные, которые захотятъ и выйти въ антрактахъ. Сборные, которыхъ я самъ проведу безъ билетовъ, не могутъ этого сдѣлать, а вы согласитесь, что отяготительно не смѣть выйти даже въ крайней нуждѣ.

«Просто ужасно! вскричалъ я съ удивленіемъ. Но какая причина такого распоряженія?»

— Сборная сволочь можетъ продать контрмарки, и я не могу за нее поручиться, потому что вовсе не знаю этихъ людей: они стоятъ у подъѣзда при началѣ спектакля. А чтобы держать эту сволочь въ рукахъ, надобно помѣстить фалангу въ срединѣ партера. Сборные хлопаютъ во всякое время такъ исправно, что возбуждаютъ оппозицію, слѣдовательно могутъ уронить пьесу. Одного хлопанья недостаточно. Надобно знать когда и гдѣ

аплодировать. Моя фаланга знаетъ, какъ поступать въ этомъ случаѣ. По сторонамъ амфитеатра я поставлю по двадцати или тридцати молодыхъ парней, пыльных, широкогорлыхъ: они будутъ шумѣть въ антрактахъ для возбужденія публики. Парижане требуютъ этого. Съ такими вспомогательными средствами, вы можете надѣяться на успѣхъ, и я отлично услужу вамъ.

Измученный, поблагодарилъ я обязательнаго начальника клакеровъ, и долженъ былъ отмѣтить число билетовъ, слѣдовавшихъ ему на первое представленіе. Я твердо рѣшился удовлетворить его требованіе, хотя бы пришлось заплатить за билеты: отъ того зависѣлъ успѣхъ моего перваго дебюта.

X.

Я уже не заботился о репетиціяхъ своего водевиля. Однажды, главный секретарь поразилъ меня вопросомъ: не хочу ли я присутствовать при главной пробѣ?

Въ десять часовъ я уже былъ на сценѣ. На меня не обратили вниманія всѣ возможные артисты, бѣгавшіе взадъ и впередъ для содѣйствія великому творенію, которое завтра должно было восхитить Парижъ. Сцена была наполнена декорациями, мебелью, группами людей занятыхъ и незанятыхъ. Порою раздавались голоса дѣйствующихъ лицъ, или повелительный басъ режисера.

Худощавый человѣкъ въ курткѣ, въ очкахъ и въ старой Персидской шапкѣ на головѣ, прилежно записывавшій что-то въ свою записную книжку, подошелъ ко мнѣ и заговорилъ тоненькимъ голосомъ, приложивъ, по военному, руку къ шапкѣ.

— Я Неронъ, театральныи костюмеръ, и по недостатку волосъ надѣваю все, что подвернется подъ руку. На генеральной репетиціи я изучаю піесу и тогда придумываю костюмы. Положитесь на меня; я приложу всевозможное стараніе, сдѣлаю больше, нежели сколько требуетъ моя

обязанность, помогу вамъ въ художественномъ отношеніи.

Г. Неронъ ушелъ. Другой человѣкъ, въ темномъ, истертомъ сюртукѣ, съ краснымъ раздутымъ лицомъ и огромными бакенбардами, приблизился ко мнѣ.

— Я Гекторъ, главный машинистъ этого театра, заговорилъ онъ сильнымъ басомъ. Хотя я и не имѣю случая отличиться въ вашей піесѣ, однако жъ вы будете довольны мною. Я такъ составляю вамъ декорации, что публика приметъ ихъ за новыя. Артисты должны помогать другъ другу, въ особенности артистъ туземный заѣзжему. Такова моя философія!

Я усердно поблагодарилъ его.

Длинный, худой, заикающійся старикъ подошелъ ко мнѣ, и спросилъ, низко кланяясь:

— Вы, сударь, Нѣмецъ!

Я отвѣчалъ утвердительно.

— О, я давно зналъ, что Нѣмцы ни въ чемъ не уступаютъ Французамъ! Не правда ли? Въдѣ въ вашей столицѣ есть театр?

Я громко вздохнулъ, вспомнивъ о своей столицѣ.

— Мнѣ все это извѣстно. Вы даете тамъ піесы извѣстнаго Monsieur Schillère и знаменитаго Monsieur Goët. Должно быть очень мило! Будьте увѣрены, вамъ окажутъ здѣсь полное содѣйствіе. Я знаю Нерона и Гектора: они такіе же артисты, какъ и я, и мы не ударимъ себя лицомъ въ грязь. Мы любимъ честь! Особенно я: съ юныхъ лѣтъ задумавъ быть артистомъ, я тогда только успокоился, когда поступилъ на театръ. И вотъ служу тридцать лѣтъ! Можете себѣ представить, какво я долженъ знать свое дѣло. На этомъ листѣ я отмѣтилъ все нужное, и если теперь чего недостаетъ, то завтра будетъ дополнено непременно. Я Милось, и на моей обязанности лежатъ всѣ аксесуарныя принадлежности. Здѣсь недалеко моя контора.

Старикъ хотѣлъ идти, но опять началъ говорить:

— Посмотрите на этого толстаго, веселаго молодца! Онъ нашъ парикмахеръ, Quene-de-Chat. Видите, онъ съ вами не заговариваетъ, и потому вы должны первыя заговорить съ нимъ. Онъ предубѣжденъ противъ всего новаго, а въ слѣдствіе этого не очень расположенъ и къ вамъ. Впрочемъ, вы все можете уладить нѣсколькими ласковыми словами.

Лишь только старикъ кончилъ, меня окружила толпа запачканныхъ мастеровыхъ, изъ которыхъ одинъ, подойдя на три шага, вручилъ мнѣ букетъ цвѣтовъ съ померанцовой вѣткою. То были машинисты, явившіеся, по обычаю, со всеобщимъ почтеніемъ.

Я не зналъ, куда дѣваться съ букетомъ. Нѣсколько танцовщицъ, сидѣвшихъ въ сторонѣ, захохотали плутовски, и между ними я замѣтилъ миловидную мамзель Дезире. Разобравъ букетъ на букетцы, я одѣлилъ ими плутовокъ. Мамзель Дезире получила померанцовую вѣтку.

Въ эту минуту ударила меня по плечу тяжелая рука, рука Г. Рококо, недовольнаго внимательностью моею къ его фавориткѣ.

— Тамъ театральнѣй книгопродавецъ, сказалъ онъ мнѣ довольно грубо; вы до сихъ поръ съ нимъ не условились.

Меня до крайности изумилъ упрекъ Г. Рокоро: какое дѣло могъ я имѣть съ театральнымъ книгопродавцемъ?

Это я сейчасъ узналъ отъ самаго книгопродавца.

— Во время антрактовъ, сказалъ онъ, я разсылаю продавать вечерніе журналы и куплеты, и потому хочу съ вами сговориться. Какую цѣну назначаете вы за куплеты вашего водевиля?

Я не зналъ, что потребовать. Въ Германіи, это составляетъ доходъ театральной дирекціи или кассира, а о сочинителѣ никто и не думаетъ.

— Будьте покойны, продолжалъ книго-

продавецъ, я предложу вамъ такое вознагражденіе, которымъ вы и ваши сотрудники останетесь довольны. Между тѣмъ, я похлопочу о печати.

Книгопродавецъ раскланялся.

Пока я разговаривалъ со всѣми этими господами, проба кончилась, и я, не слышавшій піесы, вдругъ услышалъ шумное bravo. Актеры и актрисы осыпали меня комплиментами. Изъ оркестра выползли на сцену музыканты съ желаніемъ мнѣ счастья.

— Ça fera courir tout Paris! C'est du neuf! C'est bien curieux! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Суфлеръ облобызалъ меня, и когда я въ такомъ триумфѣ приблизился къ дверямъ, машинисты, помахивая шляпами, представились мнѣ во второй разъ: за букетъ надобно было имъ бросить пять франковъ.

XI.

Лишь только свѣтъ началъ пробиваться въ мою комнату сквозь занавѣски, я вскочилъ съ постели. Густой туманъ носился надъ крышами; всѣ предметы являлись въ смутныхъ очерткахъ.

Сегодня должна быть представлена моя піеса. Полный надежды, я одѣлся въ лучшее платье и пошелъ по бульвару. На углу одной улицы я прочиталъ афишу:

Король Мышей и Щелкуша, фантастическій водевиль въ одномъ дѣйствіи.

На афишѣ имена авторовъ не были объявлены — впредь до востребованія публички.

Въ театральной конторѣ я нашелъ главнаго секретаря, режиссера, поэтовъ Блена и Мона, моихъ сотрудниковъ; они разсуждали о какомъ-то, вѣроятно, важномъ дѣлѣ, потому что не обратили на меня вниманія.

— А, воскликнулъ наконецъ мой закадычный другъ, главный секретарь, вы не

знаете, чемъ мы спорили? Будетъ ли данъ сегодня новый водевиль или нѣтъ.

Я остолебѣлъ.

— Министръ сейчасъ потребовалъ къ себѣ директора.

«Именно для водевиля?»

— Разумѣется! Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ Г. де ла Вьель Ганаша.

«Водевиль долженъ идти непременно!» замѣтилъ Бленъ.

— Что за охота заниматься министру водевилями! закричалъ Монъ.

«Піесу можно было бы отослать къ нему для прочтенія,» сказалъ смиренно главный секретарь.

— Какъ, ценсировать! воскликнули съ негодованіемъ взбѣшенные поэты.

Неподвижно смотрѣлъ я въ полъ, какъ человѣкъ, который видитъ свои надежды уничтоженными.

Между тѣмъ вбѣжалъ запыхавшійся директоръ.

ХІІ.

— Надобно вамъ знать, господа, что въ молодости мы были съ министромъ очень дружны. Мы земляки, вмѣстѣ удлили рыбу, охотились, и только государственная служба разлучила насъ. Вполнѣ увѣренный въ ласковомъ приѣмѣ, я поспѣшилъ въ домъ Его Превосходительства. Обо мнѣ тотчасъ же доложили, и хотя теперь не въ модѣ, однако жъ я назвалъ министра Вашимъ Превосходительствомъ. Это, повидимому, ему очень понравилось. Онъ сказалъ мнѣ: «Вы объявили водевиль противный нравственности. Я не могу пропустить его.»—Ваше Превосходительство, возразилъ я, извольте припомнить вамъ нашу старинную дружбу; мы съ вами изъ одного города; на родинѣ нашей много лѣсовъ и озеръ, и, войдя въ домъ, я тотчасъ замѣтилъ, что Ваше Превосходительство по прежнему продолжаете любить ихъ. Тутъ я указалъ на дворъ, гдѣ было четыре каштана и не-

большой водометъ, надѣясь задобрить министра пріятными воспоминаніями. «Все это прекрасно, отвѣчалъ министръ, равнодушно посмотрѣвъ въ окно, но водевиль не можетъ быть данъ.»—Ваше Превосходительство можете быть увѣрены, что водевиль въ полномъ смыслѣ нравственный.—«Во всякомъ случаѣ, надобно было предварительно разсмотрѣть піесу и выкинуть изъ нее неприличности, а такъ какъ теперь поздно, то водевиль не можетъ быть данъ.»—А я увѣряю Ваше Превосходительство, что онъ будетъ данъ.

— Bravo, bravo! закричали всѣ, слушавшіе рассказъ директора.

«Будьте увѣрены, отвѣчалъ министръ съ достоинствомъ, что всѣ мѣры будутъ приняты для того, чтобы водевиль былъ остановленъ.»

— И все будетъ бесполезно; Ваше Превосходительство можете взволновать публику...

«Чтобы тамъ ни было, а я даю вамъ, господинъ директоръ, честное слово, что водевиль вашъ не пойдетъ.»

—Я, съ своей стороны, даю вамъ, господинъ министръ, честное слово, что водевиль пойдетъ.

Сказавъ это, я вышелъ изъ комнаты, и теперь спрашиваю васъ, что должно предпринять въ такомъ случаѣ?

— Несправедливость! Насиліе! Нарушеніе всѣхъ правъ! кричали Французы съ негодованіемъ.

«Играемъ ли мы?» спросилъ директоръ.

— Играемъ! провозгласилъ хоръ.

Въ эту минуту, нѣсколько человѣкъ пришли осведомиться, точно ли запрещенъ новый водевиль, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, поспѣшили взять ложи, чтобы другіе не перебили этихъ мѣстъ. Вопросы и объясненія заставили насъ удалиться въ директорскій кабинетъ.

Позвали начальники клакеровъ.

— Сегодня весь партеръ въ вашемъ распоряженіи, сказалъ ему директоръ; ни

одного билета не будетъ продано; вотъ четыреста билетовъ, раздайте ихъ между своими, но прошу васъ объ одномъ: четыреста человѣкъ должны быть у театра какъ можно скорѣе, и если окажется нужнымъ, выломить двери. Сторожъ заранѣе получить приказъ отвинтить скобки и крючки, во избѣжаніе порчи и ломки. Когда ваши ворвутся въ залу, то пусть разсыпятся по всему партеру, чтобы никто послѣ нихъ не могъ получить мѣста. Если министръ вздумаетъ употребить силу, то дорого заплатится за свою шутку.

Всѣ вообще остались довольны распоряженіями директора. Только я проклиналъ втайнѣ свой водевилъ, который, будучи написанъ для Германіи, слѣдовательно въ самомъ невинномъ родѣ, подалъ поводъ къ такому сомнѣнію правительства. Долго ломалъ я себѣ голову, кто внушилъ министру подозрительныя мысли о моей пьесѣ, и долго не замѣчалъ злобой радости Леона, мелодраму котораго вытѣснилъ мой Король Мышей. Наконецъ, откровенный начальникъ клакеровъ объяснилъ мнѣ дѣло неопровержимыми намеками.

У театра собралась страшная ватага, бульварная сволочь, ни одного порядочнаго человѣка въ благопристойной одеждѣ, ни одной головы, прикрытой шляпою. Съ веселыми лицами, выражавшими наклонность къ проказамъ, потирая себѣ руки, сокращая время грубыми шутками, стояли подчиненные оберъ-клакера у театральнаго входа, издали наблюдаемые осторожною полиціею, стояли безпечно, не заботясь о томъ, что черезъ четверть часа можетъ послѣдовать сцена кровопролитная. Что привлекло ихъ? Представленіе моего Короля Мышей и Щелкушки! Какое возмездіе получили они? Даровой билетъ!...

Наконецъ, двери театра были отперты изнутри; толпа хлынула со свистомъ и хохотомъ. Между тѣмъ, полицейскій комиссаръ объявилъ намъ, что, по зрѣломъ

размысленіи, правительство допускаетъ представленіе водевиля.

А вѣдь министръ далъ честное слово! или Г. де ла Вьель Ганашъ солгалъ?...

XIII.

О первомъ представленіи моего водевиля я могу сказать только то, что отъ начала до конца оно было сопровождаемо усердными свистками. Другихъ это могло веселить, но меня крѣпко поразило. Я, никогда не имѣвшій чести видѣть своей пьесы на сценѣ, былъ освистанъ и осмѣянъ! Журналы бросятся на тебя, какъ собаки, думалъ я, и драматическое поприще навсегда тебѣ преграждено.

Размышляя такимъ образомъ, я увидѣлъ веселыя лица директоровъ, которые, казалась, желали мнѣ счастья. Г. де ла Вьель Ганашъ, не успѣвшій осуществить своихъ намѣреній на счетъ дочкиной пьесы, сказалъ: *Этотъ succès complet de scandale m'ôte sa valeur même pour la caisse.*

Послѣ пьесы потребовали объявленія именъ авторовъ. Всѣ пятеро и были провозглашены, но напрасно! При ужаснѣйшемъ шумѣ никто ничего не слышалъ. За то, на другой день, афиша возвѣщала: *«Le roi des souris et casse-noisette, bêtise par M. M. Blin, Leon, Eugène, Victor et Auguste.»*

Слово водевилъ было измѣнено на многозначительное *bêtise*, и прибавлены имена авторовъ. Мнѣ, настоящему хозяину, досталось на афишѣ послѣднее мѣсто. Возможно ли такое нарушеніе правъ гостепріимства?...

Всѣ журналы сдѣлали о водевилѣ слѣдующій единогласный отзывъ: *«C'est une horreur, mais enfin il faut la voir,»* и Парижане должны были повиноваться, то есть итти смотрѣть ужасную вещь.

При второмъ представленіи, зала была набита биткомъ; директора назъ, ничтожный рабъ, казались очень веселы.

— Развѣ предсказаніе наше не сбылось? Глупость и запрещеніе, вотъ самая

лучшая порука за успѣхъ. Водевиль переживетъ больше ста представлений.

Въ залѣ раздался страшный шумъ, перемѣшанный со свистомъ, топаньемъ и пѣснями.

Директоръ посмотрѣлъ на часы.

— Почему же не начинаютъ? спросилъ онъ. Давно пора!

Четвертый режиссеръ позвонилъ; но вскорѣ разнеслась вѣсть, что мамзель Гортензія въ обморокъ, и не можетъ играть.

Директоръ поблѣднѣлъ. Я боязливо взглянулъ на него.

— Все это штуки Г. Леона, сказалъ онъ тихонько. Гортензія его возлюбленная; она сердита, что мелодрама отложена, потому что имѣетъ въ ней хорошую роль. Сегодняшній сборъ, о которомъ она вѣрно получила свѣдѣніе, убѣждаетъ ее, что Король Мышей выдержитъ много представлений, и теперь, отъ любви, ненависти, гнѣва, она падаетъ въ обморокъ, въ истерику. Намъ остается только выдать изъ кассы контрмарки.

«Какъ, потерять такой сборъ? вскричалъ главный секретарь; ни за что! Она должна играть, хотя бы неистовая чернь притащила ее на сцену.»

— Успокойтесь, успокойтесь! сказалъ Г. де ла Вьель Ганашъ. Вамъ, Г. Леонъ: извѣстны мои намѣренія (дѣло шло о скоромъ представленіи его мелодрамы и о 7000 франковъ на обстановку); подите же въ уборную мамзель Гортензіи, и покажите намъ свою власть надъ нею. Приведите ее, и все дѣло уладится! Теперь публика въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

Въ самомъ дѣлѣ, зрители пѣли хоромъ съ акомпаниментомъ оркестра. Между тѣмъ явилась на сценѣ мамзель Гортензія, блѣдная, еще съ судорожными чертами лица. Она ничего не могла говорить, и только махнула рукою, когда ее спросили о здоровьи.

— Боже мой, сказалъ я боязливо, неужели она въ состояніи играть?

«Будьте спокойны, отвѣчалъ мнѣ главный секретарь, она сыграетъ, я это знаю.»

Завѣса взвилась; *béti*se должна была предстать предъ публикою. Но, о небо! Не весь ли адъ въ заговорѣ?...

Изидоръ, которому слѣдовало начинать, и на котораго, за хлопотами о примадонѣ, до сихъ поръ никто не обращалъ вниманія, шатался на сценѣ и бормоталъ непонятныя слова. Слуга усердно закатилъ ему порцію ободряющаго средства. Свистки, ругательства встрѣтили его и проводили со сцены. Между тѣмъ, съ другой стороны, вышла Гортензія. Ожесточенная публика продолжала свистать, актриса вообразила, что это относится къ ней, и безъ чувствъ грянула на сцену. Отсюду раздались крики изумленія.

— *Le rideau!* кричали зрители.

Завѣса упала.

Явившіеся полицейскіе комиссары, видя волненіе толпы, требовали отъ нихъ пѣсы до другаго дня и обратной выдачи денегъ. Но они проповѣдывали въ пустынь! Скорѣе волкъ отдастъ пастуху ягненка, котораго держалъ въ зубахъ, нежели Рокко и Вьель Ганашъ возвратятъ одинъ су изъ сбора, хотя бы все пошло вверхъ дномъ.

Гортензію осыпали и обливали разнообразными солями и спиртами; Изидора увели въ кофейную; театръ превратился въ аптеку.

Чрезъ нѣсколько минутъ, Изидоръ, отрезвленный страхомъ, былъ въ состояніи выйти на сцену, а Гортензія, узнавъ, что свистки относились не къ ней, могла окончить роль въ полголоса. Леонъ, успѣвшій въ это время переговорить въ залѣ съ пріятелями, увѣрилъ, что Гортензія можетъ надѣяться на справедливое ободреніе.

Завѣса взвилась во второй разъ.

Шумно встрѣтили Изидора. Одни свистѣли, другіе требовали тишины, никто не слышалъ ни слова. При появленіи Гор-

тензіи раздалися аплодисменты, о которыхъ я не имѣлъ до сихъ поръ понятія. Все это такъ подѣйствовало на слабые нервы актрисы, что она принуждена была схватиться за стулъ, и, какъ я полагалъ, непременно упасть. Но Гортензія ободрилась при мысли о своемъ достоинствѣ и безпредѣльной любви публики. Шумъ прекратился; піеса пошла своимъ чередомъ. Свистки утихли, впрочемъ, совершенно только послѣ паденія завѣсы.

На другой день, піеса опять была объявлена; потомъ давали ее въ продолже-

ніе двухъ мѣсяцевъ или шестидесяти одного дня сряду, и наконецъ, въ третій мѣсяцъ, по временамъ.

Я исправно получалъ три процента; четверо сотрудниковъ дѣлились со мною честно.

Неужели такъ бываетъ во всѣхъ Парижскихъ театрахъ? спросятъ меня читатели. Не во всѣхъ случается то, что я здѣсь рассказывалъ, но кулисы вездѣ царство интригъ, несправедливостей, обмановъ. Кто хочетъ жить спокойно, тотъ долженъ бѣгать ихъ, какъ чумы.

ПРИМАДОННА И ЖИВОПИСЕЦЪ.

Два человѣка сидѣли въ бесѣдкѣ. Выпивъ первый стаканъ Лакрима-Кристи, тотъ изъ нихъ, который былъ въ плащѣ, прервалъ молчаніе.

— И такъ, капитанъ, сказалъ онъ своему товарищу, вы были знакомы съ Зорзиною?

«Да, я былъ съ нею знакомъ,» отвѣчалъ офицеръ.

— Если не ошибаюсь, именно въ то время, когда она блистала въ Брешии?

«Въ Брешии, Падуѣ, Болоньѣ, Пармѣ, Венеціи, во всей Италіи.»

— Я не стану спрашивать, капитанъ, счастливы ли вы были въ то время; помню только, что всякій считалъ за величайшую честь, быть отличеннымъ не сравненною пѣвицею.

«Правда, и я скажу не хвастая, что она не совѣтъ равнодушно на меня смотрѣла.»

— Да и могла ли Зорзина сдѣлать лучший выборъ! Благородное лице, прекрасное состояніе, Австрійская шага, шитый мундиръ, вы все имѣли, что нравится театральнымъ царицамъ, и, кажется, во все это Зорзина была влюблена до безумія. Но, скажите, она васъ любила?

«Между нами, она только начала меня любить. Впрочемъ, зачѣмъ говорить о подобныхъ глупостяхъ: вѣдь такая исторія не можетъ интересовать васъ.»

— Напротивъ, капитанъ. По ремеслу, я вмѣшиваюсь во все, что касается до искусства и поэзіи, и, привыкнувъ, по выходѣ изъ школы, внимать пѣнію соловьевъ нашей Авзоніи, я съ удовольствіемъ собираю о нихъ всѣ свѣдѣнія, особенно о Зорзинѣ.

«Въ такомъ случаѣ, безпрекословно повинуюсь вашей фантазіи. Я расскажу вамъ о своемъ знакомствѣ съ Зорзиною.»

— Прошу васъ.

Сказавъ это, человекъ въ плащѣ во второй разъ налилъ офицеру вина. Капитанъ, покрутивъ усы, началъ рассказъ:

— Года четыре... или лѣтъ пять тому, мы стояли въ Брешии. Зорзина дѣлала здѣсь чудеса, и вся публика была отъ нее безъ ума. Послѣ трехъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ театрѣ, я влюбился въ пѣвицу.

«Какъ и всѣ.»

— Какъ всѣ офицеры, по крайней мѣрѣ. Никогда, глаза женщины не дѣйствовали съ такою силою на мое сердце. Зорзина скоро замѣтила мое безпокойство, но, казалось, ни сколько не думала о немъ. Я посылалъ письмо за письмомъ, букетъ за букетомъ: все напрасно! Примадонна уже была занята; любовникомъ ея былъ какой-то артистъ.

«Живописецъ?»

— Можетъ быть и живописецъ, который, ревнуя пѣвицу къ востороженной публикѣ, вскорѣ долженъ былъ жениться на Зорзинѣ и вырвать ее изъ міра торжествъ. Слѣдовательно, я не могъ имѣть ни малѣйшей надежды; но, разъ вечеромъ, дуэнья, остановивъ меня за шивель, съ таинственнымъ видомъ вручила мнѣ пакетъ сигарокъ, въ которомъ находилась записочка.

«Отъ Зорзины?»

— Именно.

«Счастливецъ! Что писала вамъ очаровательная женщина?»

— Тысячи любезностей, которыя оканчивались слѣдующимъ приказаніемъ: «Завтра, въ сумерки, будьте въ виллѣ Монтефиаскоме; я жду васъ.»

«Ну, что же вы?»

— Хорошо вопросъ! Я опрометью туда бросился.

«Въ виллѣ давали праздникъ. Васъ приглашали?»

— Нѣтъ, я пробрался обманомъ; но, во всякомъ случаѣ, проложилъ бы себѣ путь шпагою.

«Продолжайте.»

— Залы и сады, роскошно освѣщенные, соперничествовали блескомъ съ звѣзднымъ небомъ. Счастливая толпа тѣснилась въ комнатахъ, а уединенныя группы гуляющихъ, вѣроятно не менѣе счастливыхъ, мелькали въ тѣни садовъ. Всѣ повторяли одно имя, имя Зорзины, знаменитой пѣвицы, которая два года услаждала Брешию, и завтра должна была играть въ послѣдній разъ, въ свой бенефисъ.

«И потому собрались посмотреть на нее въ этотъ вечеръ, послушать ея пѣнія?»

— Многіе пріѣхали за двадцать миль... Представьте себѣ, въ ту минуту, когда я вошелъ, на уединенной террасѣ стояла женщина въ бѣломъ платьѣ, увѣнчанная цвѣтами; стояла неподвижно, облокотясь на мраморную балюстраду.

«Въ родѣ Джульеты, ожидающей Ромео»

— Пожалуй, въ родѣ Джульетты. Я прямо пошелъ къ ней; мой приходъ вызвалъ ее изъ міра мечтаній. «Вы капитанъ Генрихъ, сказала она мнѣ голосомъ сладостнымъ, уподоблявшимся неопредѣленному ропоту золотой афры.

— Да, я тотъ самый капитанъ, о которомъ вы говорите. Я не могъ противиться желанію васъ видѣть; я пробрался сквозь толпу; я счастливъ...

«Ахъ, вамъ хорошо, продолжала она тѣмъ же голосомъ; но я, не знаю почему, страшусь. Мнѣ кажется, я поступила неосторожно; что, если васъ застанетъ Джіуло!»

— Джіуло? воскликнулъ я; а кто этотъ Джіуло!

«Человѣкъ, которому я дала роковое обѣщаніе, великій живописецъ, но артистъ взбалмошный, нетерпѣливая любовь котораго давитъ меня будто тяжелое бремя.»

— Она сказала вамъ это?

«Сказала съ трепетомъ, и я видѣлъ, какъ большіе глаза ея закрылись. Въ это время послышались голоса, показался свѣтъ по направленію къ терасѣ. «Меня ищутъ, проговорила Зорзина; я должна

пѣть, должна показать себя публикѣ. Пожалѣй обо мнѣ, Генрихъ, и удались скорѣе.»

— Прощай, моя Семирамида, отвѣчалъ я, цѣлуя у ней руки, и въ одно мгновеніе спустился съ балюстрады. Черезъ нѣсколько минутъ, когда я былъ въ саду, я посмотрѣлъ на Зорзину еще разъ: несравненная женщина оторвала отъ вѣнка цвѣтокъ, сняла съ руки перстень, и, бросая мнѣ, сказала: возьми на память!

«Ваша исторія тѣмъ и кончается, капитанъ?»

— Почти, продолжалъ офицеръ. На другой день, вечеромъ, театръ Брешіи былъ великолепно освѣщенъ; громкія афиши, напечатанныя огромными буквами, возвѣщали *Семирамиду*, оперу-серію, въ послѣдній разъ, въ пользу сироты Зорзины. Толпа, какъ неистовое море, ударила шумными волнами въ театральныя двери. Наконецъ, онѣ отворились; рѣка людей хлынула съ шумомъ въ залу. Мгновенно были заняты всѣ мѣста; слушатели тѣснились на крыльцѣ, въ сѣняхъ, спорили, дрались, кричали. Но шумъ утихъ, словно затихшая гроза; водворилось глубокое молчаніе; спектакль начинался.

«Но вы ничего не говорите о бенефицианткѣ!»

— Позвольте, сейчасъ. По окончаніи увертюры, изумленная публика съ криками звала пѣвицу. Завѣса не шевелилась. Крики усилились: ничего! Тогда, слушатели вышли изъ себя, стали ломать кресла, грозились разбить люстры. Наконецъ, чрезъ четверть часа, поднялась завѣса, явился режиссеръ, и послѣ трехъ поклоновъ произнесъ, при всеобщемъ молчаніи:

— Господа! Напрасно старались мы отыскать сироту... Она исчезла.

Публика разошлась въ смущеніи, тихо, не повиня даже, что случилось, до такой степени всѣ были поражены. Возвращаясь домой скучнѣе обыкновеннаго, я прислушивался къ разнообразнымъ до-

гадкамъ на счетъ страннаго поступка первой Италіанской пѣвицы.

«Она боится слѣдствій своей жизни, и уѣхала въ Римъ, гдѣ намѣрена постричься.»

«Она боится супружеской жизни, и бѣжала во Францію, въ платѣ контрабандиста.»

«Наканунѣ она была равнодушна къ одному Австрійскому офицеру; любовникъ закололъ ее.»

Послѣднее замѣчаніе заставило меня поднять уши, въ родѣ лошади, которая въ первый разъ слышитъ боевую трубу; но всѣ распросы мои были тщетны: никто не сказалъ мнѣ ничего положительнаго.

— Такъ что вы ничего больше не знаете о Зорзинѣ?

«Ничего, кромѣ того, что цвѣтокъ, ею подаренный, давно превратился въ пыль, и что перстень съ ея прелестной ручки, который я ношу на груди, никогда не разлучался со мною.... Но что съ вами?... Зачѣмъ разбили вы ногою эту рюмку?...»

— Ахъ, извините, мнѣ пришла въ голову странная мысль! Тамъ, гдѣ оканчивается ваша исторія, извѣстная мнѣ слегка, начинается другая, которую я знаю лучше.

«Что вы хотите сказать? Вамъ извѣстна судьба Зорзины?»

— Извѣстна.

Теперь офицеръ, въ свою очередь, взялъ бутылку, наполнилъ благороднаго вина въ рюмки, и, выпивъ, воскликнулъ:

— Рассказывайте, я слушаю.

«Въ тотъ вечеръ, когда примадонна должна была явиться на сценѣ въ послѣдній разъ, она одѣвалась въ своемъ домѣ, въ присутствіи живописца Джуло. Зорзина скоро одѣлась, и совершенно была готова пѣть ролю Вавилонской Царицы. Никогда артистъ не видывалъ ее болѣе прекрасною. Коронна также шла къ ея челу, какъ солнце къ небу; большіе глаза блистали подъ черными рѣсницами,

будто два алмаза, оправленные въ агаты; лоснящіеся волосы описывали на блѣдныхъ щекахъ кривую линію, достойную кисти Рафаэля; на устахъ играла очаровательная улыбка; короче, все было въ ней грація и поэзія. Смотри на Зорзину, Джіуло не могъ удержаться: его начала мучить лихорадка, лихорадка ревности и вдохновенія, томительное состояніе, въ продолженіе котораго человѣкъ исчезаетъ, чтобы уступить мѣсто полубогу или демону.

— Что же сдѣлалъ Джіуло?

«Онъ сказалъ Зорзинѣ: Наконецъ, ты моя!»

— Ахъ, Джіуло, потерпи еще одинъ день.

«Одинъ день! Какъ ты тщеславна, Зорзина; ты больше думаешь о славѣ, чѣмъ о любви.»

— Что ты мнѣ говоришь, Джіуло! Подари мнѣ одинъ день, послѣдній день моей славы. Я обѣщала и сдержу свое обѣщаніе. Послѣ пышнѣйшаго представленія *Семирамиды*, я твоя.

Молодой человѣкъ не противорѣчилъ; онъ только приложилъ руку къ головѣ, будто ему представилась внезапная мысль.

Пора ѣхать, сказала прекрасная пѣвица.

Они вышли на крыльцо; у подъѣзда стояла карета. Джіуло сказалъ что-то кучеру; карета помчалась по мостовой съ быстротою птицы.

— Куда же ты везешь меня, Джіуло? вдругъ вскричала испуганная Зорзина. Вѣдь эта улица не ведетъ къ театру! Вся Брешія ждетъ меня въ театрѣ, а мы очутились въ улицѣ Подесты, возлѣ твоей мастерской.

Живописецъ ничего не отвѣчалъ; но когда карета остановилась, схватилъ эту женщину, покрытую газомъ и цвѣтами, и внесъ въ небольшую комнату.

— Ахъ, что подумаетъ Брешія? сказала пѣвица. Что подумаютъ Неаполь, Болонья,

Венеція! Ты отнимаешь у меня плоды десятилѣтнихъ трудовъ, Джіуло!

«Э, что за дѣло до всѣхъ этихъ мелочей! Три тысячи рукъ аплодировали бы тебѣ, осыпали бы тебя вѣнками; но я не спалъ бы всю ночь, меня задушила бы ревность при одной мысли, что столько людей будутъ упиваться твоимъ голосомъ, твоею наружностью, между тѣмъ какъ я довольствовался бы однимъ мечтами. Но вотъ, посмотри, на этомъ станкѣ неоконченная картина, *Мученичество Св. Цециліи*. Палачи и орудія казни потовы; недостаетъ Цециліи. Ты, Зорзина, должна быть Цециліею; я вдохну въ тебя вѣчную жизнь на этомъ полотнѣ; твои большіе черные глаза, твой вѣнокъ, все перейдетъ къ отдаленному потомству.

— Помилуй, Джіуло, ты насмѣхаешься надо мною! Тебѣ нужна Цецилія, а не актриса; тебѣ нужны страданія, вопли, а я похожа на статую сладострастія, увѣнчанную розами, убранныю драгоценными камнями.

«Прочь золото и всѣ гирлянды!»

— Но все же этого не достаточно: посмотри на царскую мантию; я жена Ассура, а не христіанская мученица.

«Прочь мантию, булавки, бриллиантовый аграфъ! Сбрось съ себя корсетъ!...»

— Въ такомъ видѣ развѣ я больше буду похожа на мученицу?

«Постой же! Палачи прійдутъ со всѣми принадлежностями пытки.... Какъ ты будешь прекрасна во время пытки!...»

— Но душа моя стремится не въ горнія, а къ театральной рампѣ, Джіуло?

«Все будетъ, какъ должно быть! Вотъ палачи; представь себѣ, что они передъ тобою, протяни къ нимъ обѣ руки, чтобы они обременили ихъ цѣпами.... Погоди, они привяжутъ тебя къ столбу.... Ты плачешь, ремень выхватываетъ куски изъ твоего алебастроваго тѣла?... Ахъ, какъ ты прекрасна въ этомъ видѣ, Зорзина!»

— Развѣ онъ привязалъ ее? спросилъ капитанъ Генрихъ.

«Не только привязалъ, но и жестоко мучилъ, самъ пожираемый непостижимымъ неистовствомъ.»

— Бѣдная женщина!

«Скажите лучше: бѣдный живописецъ! Онъ страдалъ больше ея. Онъ мучилъ Зорзину, но самъ сдѣлался слугою Римскаго префекта и кричалъ:

— Признайся, что Цесарь богъ и отрекись отъ Назарянина, или ты умрешь! Шипцы раскалены, клещи раздвигаются, ты будешь повѣшена четверованная. Слышишь, Зорзина? Четверованная!... Но я никогда не видывалъ тебя столь прекрасною! Каково же ты должна быть на крестѣ? О, ты будешь превосходна! На крестѣ, на крестѣ!

«Пощади меня, Джіуло, пощади!»

— Нѣтъ пощады! Перестань молить о пощадѣ, ты должна умереть!

Подъ вліяніемъ своего страшнаго умопомѣшательства, онъ взялъ молотокъ, гвозди, и приколотилъ пѣвицу, по рукамъ и ногамъ, къ столбу.»

Боже мой, какую ужасную исторію вы мнѣ рассказываете! вскричалъ капитанъ, у котораго на лицѣ выступилъ холодный потъ. Развѣ вы Египтянинъ древнихъ временъ, и страшными рассказами хотите уничтожить достоинство слишкомъ веселаго вина?

«Но вы сами спрашивали у меня о судьбѣ Зорзины.»

— Я точно спрашивалъ, но никогда не предполагалъ подобной драмы.

«Однако жъ я открылъ вамъ одну сторону развязки; вы должны знать и другую.»

— Нѣтъ, увольте меня; вашъ рассказъ уже произвелъ на мою душу тягостное впечатлѣніе. Я пришелъ повеселиться въ бесѣдку этой таверны, а вы подбиваете меня гробовыми повѣстями. Довольно.

«Въ такомъ случаѣ, вы не узнаете, какъ Зорзина была брошена въ море.»

— Что вы говорите?

«Окончивъ *Мученичество Св. Цециліи*,

и, безъ подписи, отославъ картину въ музей Брешии, Джіуло снялъ со столба престеленное тѣло Зорзины, положилъ его поперекъ лошади, скакалъ до тѣхъ поръ, пока не достигъ Адриатическаго Моря, и бросилъ туда трупъ.

— Кровавый гевій Шекспира никогда не изобрѣталъ подобныхъ ужасовъ. Этотъ Джіуло долженъ быть тигрь въ человѣческомъ образѣ....

«Бѣдный безумецъ!»

— Вы его пзвняете?

«Я сожалею о немъ.»

— Какая дальнѣйшая судьба этого человѣка?

«Судьба жалкая. Сначала онъ бросился во всѣ возможныя безпутства; холодный и спокойный, хотя артистъ, онъ имѣлъ столько связей съ пѣвицами, сколько не могъ имѣть ни одинъ человѣкъ его лѣтъ и состоянія, и всюду находилъ одно отчаяніе и тоску. Между этими женщинами и собою, онъ всегда думалъ видѣть тѣнь Зорзины, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была въ его комнатѣ, покрытую газомъ, убранную цвѣтами. Однако жъ вы правы, Капитанъ, пора кончить плачевную повѣсть. Выпьемъ!»

— Довольно пить! Притомъ, бутылка пуста и уже поздно. Признаюсь, живописецъ сильно заинтересовалъ меня. Гдѣ онъ теперь?

«Онъ самъ, какъ говорятъ, этого не знаетъ; но, вѣроятно, вездѣ, гдѣ есть воспоминаніе о Зорзинѣ, гдѣ сохранились послѣ ея какіе нибудь слѣды.»

— Ужасно и странно!

«Да, въ самомъ дѣлѣ, странно. Однажды Джіуло сказали: «Тотъ, котораго Семирамида предпочла вамъ въ виллѣ Монтефіасконе, получилъ отъ нее перстень, и никогда съ нимъ не разстается.» Съ тѣхъ поръ, артистъ ни на минуту не спускалъ съ глазъ человѣка, который похитилъ у него блаженство.»

Собесѣдникъ капитана произнесъ эти слова медленно и грозно. Капитанъ тотъ-

часть сорвалъ завѣсу, скрывавшую тайну, и стремительно вскочивъ со стула, закричалъ:

— Вы Джуло!... Я наконецъ узналъ васъ, убійцу Зорзины. Уже четыре года, какъ черный плащъ вашъ преслѣдуетъ меня будто мрачный призракъ. Теперь все должно кончиться! Прикажите слугителямъ подать себѣ шпагу: мы будемъ драться!

Вмѣсто отвѣта, Джуло сказалъ:

«Лучше спросимъ другую бутылку, и выпьемъ, капитанъ».

— Мало того, что вы убійца; вы хотите доказать также, что вы подлецъ! Что же? Вы не хотите драться?

«Драться? Напрасный трудъ, отвѣчалъ живописецъ. Вино, которое мы пили, отравлено!...»

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ.

Помъшанный, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Французскаго. Дѣйствіе во Франціи, въ замкѣ Графини Карадекъ, отыскивающей своего племянника, законнаго наследника замка, въ которомъ теперь у пожилой Графини гоститъ Шевалье Брисакъ, капитанъ гвардіи; служить ключницей вострушка Жоржетта, а замѣчательнѣе всего полоумный мальчикъ, Цесарь, обращающій на себя общее вниманіе. Этотъ Цесарь горюетъ по дворовой собакѣ, Драгонѣ, околѣвшей недавно, и всѣ въ замкѣ сожалеютъ о судьбѣ этой дворняжки, до такой степени, что переводчикъ разсудилъ заблаго назвать первое дѣйствіе драмы пышнымъ именемъ: *Дворняжки*. Въ замкѣ Графини назначаютъ главную квартиру кавалерійской бригадѣ, и въ Бригадномъ Генералѣ Дельмарѣ узнаютъ дядю ключницы Жор-

жетты, вступившаго въ военную службу лѣтъ за десять, и выслужившагося быстро въ Бригадные Генералы. Вамъ должно знать, что дѣйствіе происходитъ во времена Имперіи. Тутъ же, въ замкѣ, неизвѣстно по какой причинѣ, находится Дерозье, парикмахеръ, вѣроятно остановившійся проездомъ, такъ какъ его никто не знаетъ. Случайно слышитъ онъ, что полоумному Цесарю кто-то вручилъ какія-то бумаги; за послѣдніе шесть франковъ покупаетъ онъ ихъ у Цесаря, и видя, что все это фамильные документы на обладаніе замкомъ, выдаетъ себя за племянника Графини Карадекъ и законнаго наследника замка. Графиня, не похожая на обыкновенныхъ театральныхъ тетусекъ, всегда желающихъ сохранить за собою чужое имѣніе, съ радостью показываетъ мнимому племяннику своему всѣ покои

замка, и приводитъ его наконецъ въ бывший рабочий кабинетъ его, въ которомъ, одиннадцати лѣтъ отъ роду, онъ про-
стился съ отцемъ своимъ предъ отъѣз-
домъ въ Америку. При этомъ прощаніи
отецъ его заставилъ поклясться на шпа-
гѣ, что онъ, Артуръ, не измѣнитъ чести,
и затѣмъ спряталъ эту шпагу, куда — из-
вѣстно одному Артуру. «Ты долженъ
помнить это мѣсто, любезный племян-
никъ,» говоритъ ему тетка. «Какъ же,
какъ же!» отвѣчаетъ подложный Артуръ,
и старается всѣми средствами уклониться
отъ распросовъ тетушки.

Въ замкѣ, однако, неблагоприятная фи-
гура Дерозье возбуждаетъ нѣкоторое по-
дозрѣніе. Капитанъ Брисакъ, обиженный
мнимымъ Артуромъ, вызываетъ его на по-
единокъ, отъ котораго парикмахеръ ста-
рается отговориться, а Генераль Дель-
маръ вспоминаетъ, что гдѣ-то видѣлъ
этого Артура, именно въ Парижѣ, при
коронаціи Наполеона: Артуръ, или чело-
вѣкъ, похожій на него, какъ двѣ капли
воды, причесалъ его въ парикмахерской
залѣ, въ Пале-Рояль. — «Что же тутъ
удивительнаго?» говоритъ Дерозье; «ли-
шенный наслѣдства, не имѣя чѣмъ жить,
я долженъ былъ заниматься какимъ нибудь
ремесломъ, и пошелъ въ парикмахеры.»
Причина эта, отчасти успокоивающая тет-
ку, недостаточна для Генерала, который,
прелюдывая обманъ, обращается съ Де-
розье, какъ говорятъ, по-солдатски, а
тотъ все сносить терпѣливо. По какому-
то случаю, въ бывший рабочий кабинетъ
молодаго Артура входитъ полоумный Це-
сарь: видъ этой комнаты его поражаетъ,
онъ помнитъ мебель ея, Китайскихъ Ман-
дариновъ, стоящихъ на каминѣ, узнаетъ
портреты, жалѣетъ, что недостаетъ одно-
го изъ нихъ, наконецъ даже садится за
рабочій столъ и пишетъ Латинскія сло-
женія, заданныя ему когда-то. Все это ви-
дитъ Жоржетта, и для открытія истины
прибѣгаетъ къ слѣдующей хитрости: дядя
ея, Генераль, опредѣляясь на службу,

не зналъ грамоты, а при Наполеонѣ, на
службѣ, некогда было приниматься за
азбуку; поэтому, онъ до сихъ поръ вы-
учился только кое-какъ подписывать свое
имя подъ бумагами, и проситъ племянни-
цу свою читать ему депеши. Она выду-
мываетъ содержаніе депеши, и читаетъ
дядѣ приказаніе Маршала Бертье неме-
дленно схватить Артура и разстрѣлять въ
двадцать четыре часа: Артуръ заговор-
щикъ! При всей своей ненависти къ по-
мѣщику-парикмахеру, Генераль, въ нерѣ-
шительности на счетъ исполненія приго-
вора, совѣтуетъ Графинѣ ѣхать съ пле-
мянникомъ въ Парижъ и тамъ просить
помилowanія. Услышавъ это, ложный Ар-
туръ признается кто онъ, объявляетъ,
что купилъ документы у полоумнаго Це-
саря, который долженъ быть заговорщикъ
и только прикидывается полоумнымъ.
Отъ Цесаря узнаютъ, что эти докумен-
ты ему вручилъ неизвѣстный старикъ, на
смертномъ одрѣ; старикъ этотъ, сказавъ
что Цесарь законный наслѣдникъ, умеръ.
Нѣтъ сомнѣнія, Цесарь истинный Артуръ,
онъ все знаетъ, даже находить заповѣд-
ную шпагу, и — долженъ быть разстрѣ-
лянь! Обманъ Жоржетты обнаруживается
очень просто, а Цесарю, при неожиданной
радости, возвращается, вмѣстѣ съ родо-
вымъ имѣніемъ, недостающая ему по-
ловица разсудка.

Полоумнаго Цесаря играетъ Г. Макси-
мовъ, и должно признаться, что эту роль
его нельзя причислить къ числу удачныхъ.
Онъ ни сколько не походитъ на полоум-
наго, которому *трудно думать* (какъ
онъ самъ нѣсколько разъ говоритъ въ
песнѣ), а представилъ просто дурачка,
котораго не излечитъ ни какое неожп-
данное потрясеніе. Поэтому, піеса ли-
шилась характера, который желалъ при-
дать ей авторъ, и показалась утомитель-
ною по длиннотамъ, рассчитаннымъ нароч-
но для того, чтобъ артистъ, играющій
Цесаря, могъ вполне развить изображеніе

полоумнаго, мало по малу возвращающагося къ разсудительности.

Г. Мартыновъ, въ роли Дерозье, имѣлъ нѣсколько комическихъ положеній, но вообще роль не стоила большого напряженія, которое все таки не поддержало бы пьесы.

Можно упомянуть, сверхъ того, о Г. Григорьевѣ, отбѣнившемъ довольно искусно роль Бригаднаго Генерала.

Вся участь пьесы зависитъ отъ игры артиста въ роли Цесаря; Г. Максимовъ не созданъ для этихъ ролей, и участь пьесы вышла незавидная.

Женитьба, оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Н. В. Гоголя, (автора *Ревизора*).

Падворный Совѣтникъ Иванъ Кузмичъ Подколесинъ лежитъ у себя дома, въ халатѣ, на диванѣ, съ трубкою, и распришиваетъ Степана, лакея своего, былъ ли онъ у портнаго, скоро ли будетъ готовъ его фракъ, хорошо ли сукно и освѣдомлялся ли портной зачѣмъ-де барину нуженъ фракъ; затѣмъ Подколесинъ спрашиваетъ у лакея, купилъ ли онъ ваксу, и освѣдомился ли ваксочникъ о томъ, къ чему барину вакса; тѣ же вопросы на счетъ сапоговъ и сапожника, съ прибавкою небольшого разсужденія о мозоляхъ, одного изъ любимыхъ предметовъ Г-на Гоголя, автора *Ревизора*. Къ Подколесину является сваха, Фекла Ивановна, въ четвертый разъ толковать о богатой невѣстѣ, которая непременно хочетъ выйти за дворянина. Подколесинъ, вамъ должно знать, самый нерѣшительный человѣкъ въ свѣтѣ, и своею медлительностью выводитъ изъ терпѣнія даже сваху. Къ нему является пріятель его, Кочкаревъ, котораго та же сваха посватала на женѣ, составляющей его горе. Кочкаревъ выгоняетъ сваху, распросивъ у нея адресъ невѣсты, и, по логикѣ автора *Ревизора*, тутъ же принимается уговаривать своего пріятеля, Ивана Кузмича, жениться на той

же самой невѣстѣ, на которой приходила сватать сваха. Онъ заставляетъ Подколесина одѣться, и идетъ съ нимъ къ Агаѣ Тихоновнѣ, купеческой дочкѣ, лѣтъ подъ тридцать, живущей съ тетусшкою своею въ собственномъ домѣ. У Агаѣ Тихоновны застаютъ они уже троихъ другихъ жениховъ, дороднаго экзекутора Ячницю, оставнаго армейскаго офицера Хожалкина и моряка Жевакина, разумеется, представленныхъ въ самой усиленной карикатурѣ. Невѣста является съ теткою своею, всѣ садятся въ кружокъ, и кое-какъ завязывается разговоръ, посреди котораго невѣста вдругъ говоритъ: *мнѣ стыдно*, вскакиваетъ съ дивана и убѣгаетъ. Жениховъ просятъ пожаловать къ чаю. Не дождавшись назначеннаго часа, они поодиначкѣ являются прежде срока, съ предложеніемъ сердца и руки; но, по совѣту Кочкарева, Агаѣ Тихоновна прогоняетъ всѣхъ, кромѣ Подколесина, котораго Кочкаревъ всѣми средствами старается убѣдить къ браку. Дѣла уже доходятъ до того, что невѣста одѣвается въ подвѣчное платье, все улажено, и, для безопасности, Кочкаревъ спряталъ шляпу пріятеля своего, но Подколесина все таки пугаютъ брачныя узы; онъ прыгаетъ въ окно, безъ шляпы, и бросаетъ невѣсту.

Вотъ и вся комедія... вся *Женитьба*, хотѣли мы сказать потому что сцены эти, набросанныя кое-какъ, безъ достаточной завязки и развязки, невозможно назвать комедіей. Для комедіи, сверхъ того, требуется правдоподобіе, а въ *Женитьбѣ* нѣтъ ни того, ни другаго. По обыкновенію своему, Г. Гоголь выводитъ въ новомъ сочиненіи своемъ нѣсколько уродливыхъ карикатуръ, какъ въ Китайскихъ гбняхъ, показывая намъ притомъ такую природу, отъ которой невольно отвращаешься. Не сомнѣваемся, что найдутся защитники *Женитьбы* Г-на Гоголя, и даже люди, которые будутъ восхищаться истинною картиною въ его *высо-*

комъ драматическомъ созданіи; но отвратительной природы никому не прійдетъ охоты смотрѣть на сценѣ, и если она кажется привлекательною и правится приверженцамъ Г. Гоголя, то они могутъ прочесть вновь *Метвыя Души*.

Скажите, гдѣ видѣлъ Г. Гоголь чиновничій міръ, который онъ выставляетъ въ своей, такъ называемой, комедіи? Говорятъ, что это природа... Хороша огговорка, и какое высокое призваніе выбирать изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества все то, отъ чего невольно отвращаешь взоры! А нравственная польза! скажутъ восторженные поклонники Г-на Гоголя. Гдѣ же нравственная польза отъ того, что мы видимъ неестественные, следовательно и безжизненные очерки живыхъ существъ, которыхъ заставляютъ произносить слова, оскорбляющія и вкусъ, и слухъ, и возвышенное назначеніе театра? Точно, польза можетъ быть только въ томъ, что Г. Гоголь не найдетъ подражателей, которые бы по доброй волѣ называли комедій сборъ неслыханныхъ нецѣпостей и неприличныхъ выраженій, и подверглись бы заслуженному негодованію публики.... Публика доказала, что не смотря на рѣдкое появленіе у насъ оригинальныхъ піесъ, она не увлекается слѣпымъ и мнимымъ патріотизмомъ тамъ, гдѣ оригинальное Русское произведеніе не достойно принадлежать къ области Изящной Словесности. Пишите, что хотите, барды Г-на Гоголя! Возгласы ваши не измѣнятъ единодушнаго приговора, произнесеннаго цѣлою публикою, не дозволившею, по окончаніи піесы, ни одного одобрительнаго знака.

Подумалъ ли авторъ о томъ, что онъ намѣревался изобразить въ *Женитьбѣ*? Положимъ, что женскія роли: купеческая дочка (Г-жа Сосницкая), тетка ея и сваха (Г-жа Гусева), просто карикатурные очерки; но чѣмъ извинить искаженіе истины въ роляхъ мужскихъ? Неужели это

характеры? *Подколесинъ*, безъ превосходной игры Г-на Мартынова, не значилъ бы ничего, потому что по первому явленію, въ которомъ должна была бы заключаться его характеристика, никакъ не узнаешь въ немъ той неодолимой *нерв-шительности*, которая его заставляетъ *рышиться* выскочить изъ окна, только бы не жениться. — *Кочкаревъ*, искусно сыгранный Г-мъ Сосницкимъ, также самъ не знаетъ о чемъ и къ чему хлопочетъ, онъ выгоняетъ сваху, и везетъ пріятеля къ той же невѣстѣ, какъ будто отъ этого пріятель будетъ счастливѣе; онъ едва знакомъ съ невѣстою, *видѣвъ ее, кажется, у кого-то въ гостяхъ*, даже не знаетъ адреса ея, а распоряжается у нея въ домѣ, какъ старинный знакомый, совѣтовъ его слушаются безпрекословно, и на слово его рѣшаются немедленно же ѣхать подъ вѣнецъ. Помплуйте, гдѣ мы, въ Турціи, что ли? — *Яичница*, экзекуторъ, одна изъ любимыхъ карикатуръ Г. Гоголя, встречающихся въ каждомъ изъ его произведеній. Въ *Женитьбѣ* это лице оказало значительные успѣхи въ коренныхъ Русскихъ выраженіяхъ. Талантъ Г-на Гоголя совершенствуется! — *Жевакинъ*, морякъ, скажутъ намъ, списанъ съ натуры? Не знаемъ, кого думаетъ Г. Гоголь потѣшать такими копіями съ природы, но изображать такими красками морскихъ офицеровъ, отличающихся у насъ вообще образованностью, знакомыхъ съ правилами чести и общежитія, ей, ей, недостойно писателя, слышащаго правоописательнымъ и сатирическимъ. — *Хожалкинъ*, оставшой офицеръ, весьма незамѣчателенъ по роли, и обратилъ на себя вниманіе только по карикатурной фигурѣ актера.

При всемъ томъ, не можемъ не пожалѣть, что въ этомъ урождавшемъ произведеніи находятся два, три мѣста, изобличающія несомнѣнный комическій талантъ автора Ревизора! Напримѣръ, какъ хороша вся сцена разговора между невѣстою и Подколесинымъ, когда они, послѣ долгихъ

паузы, говорить о прогулкахъ, о цвѣтахъ, объ отвагѣ штукатуровъ, и т. п. Также очень хорошо сваха указываетъ дорогу къ дому невесты, хотя, на дѣлѣ, зная, что не она будетъ сватать, ни какая сваха не рассказала бы этого такъ подробно. Эти мѣста и еще нѣкоторыя другія, однако, не выкупаютъ цѣлаго, и, какъ мы уже сказали, публика произнесла свое мнѣніе, на которое нѣтъ апелляціи.

Гусарская стоянка, или Еще Подмосковные проказы, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. автора Подмосковныхъ Проказъ.

Этотъ извѣстный и памятный всѣмъ водевиль шелъ въ бенефисъ Г-на Сосницкаго (въ который были представлены и объ предыдущія піесы) въ первый разъ по возобновленію, и въ немъ въ первый разъ играла роль юнкера молодая артистка, Г-жа Мартынова, сестра нашего талантливаго комика, дебютировавшая во второй разъ лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ піесѣ *Три Султаниши*. Если нынѣшнія появленія Г-жи Мартыновой не произвели столь пріятнаго впечатлѣнія на публику, какъ первый дебютъ ея, мнувшимъ лѣтомъ, въ комедіи *Школа Жен-*

щинъ, виною тому выборъ ролей, еще слишкомъ живо напоминающихъ В. Н. Асенкову. Вездѣ, гдѣ публикѣ приходится сравнивать, и притомъ сравнивать съ тѣмъ, что уже скрыто въ могилѣ, тамъ сравненіе выйдетъ не въ пользу дебютантки. Съ дебютомъ неразлучна робость, неувѣренность, которая вредятъ общему эффекту; если дебютантка подражаетъ предшественницѣ своей — нехорошо; если дебютантка переливаетъ роль въ новую форму — опять нехорошо! Что ей прикажете дѣлать? Итти своимъ путемъ, стараться, трудиться, изучать свое искусство, и быть увѣренною, что просвѣщенная публика замѣтитъ и оцѣнитъ каждый шагъ къ усовершенствованію. Г-жа Мартынова одарена отъ природы пріятною наружностью, прекраснымъ ростомъ; она на сценѣ развязна — разумѣется, сколько можно требовать отъ дебютантки, и вступаетъ на сцену съ именемъ одного изъ любимѣйшихъ артистовъ. Подобно тому, какъ имена Каратыгиныхъ и Самойловыхъ составляютъ блистательныя созвѣздія на нашемъ драматическомъ горизонтѣ, можетъ образоваться новое созвѣздіе изъ фамиліи Мартыновыхъ.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Русланъ и Людмила, волшебная опера въ пяти дѣйствіяхъ, съ хорами и танцами; музыка соч. М. П. Глинки; содержаніе взято изъ поэмы Пушкина, съ сохраненіемъ многихъ его стиховъ; танцы Г. Титуса; декорации по рисункамъ А. Роллера.

Въ послѣдней книжкѣ нашего изданія мы успѣли подѣлиться съ читателями только первыми впечатлѣніями, произведенными на Петербургскую публику новымъ произведеніемъ М. П. Глинки, и обѣщались поговорить подробнѣе прослу-

шавъ оперу нѣсколько разъ. Давая это обѣщаніе, мы, какъ говорится, не спрося броду, да по-уши въ воду, или, попросту, не знали, что значить *прослушать Руслана и Людмилу нѣсколько разъ!* Каемся чистосердечно, что не имѣли духа вторично просидѣть въ театрѣ всю оперу, отъ начала до конца, и слышали ее отрывками, чтобы такимъ образомъ имѣть понятіе о выполненіи однихъ и тѣхъ же ролей разными пѣвцами и пѣвицами.

По обѣщанію, мы должны прежде всего поговорить о либреттѣ оперы. Для составленія словъ оперы, обыкновенно, достаточно какого-либо анекдота или преданія, къ которому придѣлаютъ вступительныя сцены, потомъ прибавятъ вставныя сцены, т. е. такія, въ которыхъ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ поетъ по аріи; далѣе, финалъ перваго дѣйствія, блистательный по сочетанію главныхъ голосовъ въ оперѣ и всѣхъ возможныхъ хоровъ, затѣмъ, второй актъ съ дуэтами и тріо; и наконецъ, небольшая развязка. Съ оперою *Русланъ и Людмила* вышло совершенно противное. Автору либретта представлялось самое обширное поле для большой волшебной оперы въ Русско-сказочномъ родѣ, какъ онъ называетъ свое либретто, и что сдѣлалъ онъ изъ богатаго національнаго сюжета? Сцены безъ послѣдовательности и безъ толку, бессмысленные стихи подлѣ звучныхъ стиховъ Пушкина, отсутствіе всякаго дѣйствія, пренебреженіе всѣми драматическими и оперными эффектами, и — все это названо оперою въ Русско-сказочномъ родѣ! Вотъ ужъ можно сказать: *un conte pour dormir debout!*

Не жалѣя ничего для великолѣпія спектаклей, Дирекція, въ послѣдніе четыре и пять лѣтъ ставившая на сцену съ удивительною роскошью балеты для Г-жи Таліони, пожелала блеснуть монтровкой и народной оперы. Для *Руслана и Людмилы* написаны девять новыхъ декорацій, изъ которыхъ безспорно лучше всѣхъ де-

корація лѣса, въ третьемъ дѣйствіи, особенно, когда первый планъ ея еще не вполне освѣщенъ и рѣзко отдѣляется отъ дали. Декорація эта Г. Роллера, и, въ художественномъ отношеніи, выше всѣхъ прочихъ. Вообще нравится его же декорація 4-го дѣйствія, представляющая волшебные сады Черномора, но въ ней мало новаго, мало фантастическаго, и къ тому же, гдѣ тутъ сады? Это строенія архитектуры Восточной съ примѣсью вкуса Возрожденія (Renaissance). О нѣкоторыхъ несообразностяхъ въ декораціяхъ мы уже упомянули въ предыдущей книжкѣ, и не станемъ повторять.

Костюмы великолѣпны, но вообще въ нихъ мало новаго. Костюмеру можно было выказать силу своего воображенія при костюмировкѣ свиты Черномора, особенно при контрастѣ положительныхъ Лезгинскихъ, полу-Персидскихъ костюмовъ съ идеальными. (Кстати о Лезгинскихъ костюмахъ: почему Г-жа Андрѣянова танцуетъ хваленый Лезгинскій танецъ въ мужскомъ костюмѣ? Женскій костюмъ придастъ бы этому танцу несравненно болѣе граціи, и расположилъ бы публику въ пользу его съ перваго представленія. Теперь, какъ говорятъ, при каждомъ представленіи требуютъ повторенія Лезгинки: въ добрый часъ! О вкусахъ спорить нельзя.)

Поговоримъ теперь о музыкѣ и пѣніи.

Мы уже сказали, что роль *Руслана* попеременно поютъ Гг. Петровъ и Артемовскій, и что при исполненіи Г-мъ Артемовскимъ, она болѣе понравилась публикѣ. Для *Руслана* болѣе всего пѣнія во второмъ дѣйствіи: тутъ у него большая арія въ пустынѣ:

О поле, поле, кто тебя

Усыпалъ мертвыми костями?

въ которой голосъ Г. Артемовскаго поражаетъ и плѣняетъ гораздо болѣе Г. Петрова, которому, однако, принадлежитъ та честь, что онъ первый выдержалъ передъ строгою публикою, наполнившею залу въ

первое представлѣніе, первый выдержалъ, говоримъ мы, испытаніе главной роли въ утомительной оперѣ. Для Г-на Артемовскаго уже былъ проложенъ путь, и онъ пѣлъ Руслана, когда публика уже знала о судьбѣ и значеніи оперы.

Партію Людмилы поютъ попеременно Г-жи Степанова и Семенова, и опять таки публика отдаетъ предпочтеніе второй, молоденькой питомицѣ Театральной Школы. На долю Людмилы приходится одинъ изъ лучшихъ нумеровъ въ оперѣ, а именно каватина 1-го дѣйствія; затѣмъ Людмила пропадаетъ до 4-го дѣйствія, гдѣ она поетъ превосходное адажіо. Наконецъ, въ концѣ оперы, она поетъ прекрасный мотивъ.

Роль Ратмира передаютъ одна другой Г-жи Петровы 1-я и 2-я, и здѣсь наконецъ артистка одерживаетъ верхъ надъ воспитанницей. Г-жа Петрова 1-я пѣла эту партію въ первый разъ при третьемъ представленіи оперы, и только тогда можно было судить о прелести ея аріи въ началѣ третьяго дѣйствія. Г-жа Петрова 1-я поетъ ее съ тѣмъ невыразимымъ чувствомъ, которымъ умѣетъ украсить каждую изъ ролей своихъ. Затѣмъ ей приходится пѣть арію въ началѣ пятаго акта; за арію слѣдовало дуэтъ Ратмира съ Финномъ, но дуэтъ этотъ нынѣ выпускается.

Финъ, Г. Леоновъ, занимаетъ важное мѣсто въ оперѣ по длинной балладѣ своей въ началѣ втораго дѣйствія. Онъ ее поетъ мастерски, и искусствомъ своимъ скрываетъ единообразіе Финскаго пѣтва, утомляющаго повтореніями, и притомъ несколько не соответствующаго словамъ баллады. Кромѣ этого, на долю Финна не приходится болѣе ничего замѣчательнаго, хотя, при голосѣ Г-на Леонова, всякій композиторъ придавалъ бы этой роли болѣе

значенія въ музыкальномъ отношеніи. Партія Финна столь незначительна, что Г. Леоновъ единственный изъ первыхъ сюжетовъ, не мѣняющійся ни съ кѣмъ своею ролью.

Засимъ слѣдуютъ второстепенныя роли. Г. Този (Фарлафъ) имѣетъ только одну значительную сцену, во второмъ дѣйствіи, и рондо, которое онъ поетъ съ комическимъ увлеченіемъ. Г-жа Лильва, Горислава, заслуживаетъ рукоплесканій за прелестную каватину, въ началѣ третьяго дѣйствія, на національный восточный напѣвъ.

На счетъ хоровъ нельзя не отозваться съ полною похвалою, кромѣ хора въ хваленной головѣ Полкана. Въ этомъ хорѣ требуется самое строгое согласіе, чтобы казалось, будто изъ головы слышится одинъ голосъ, а выходитъ разногласіе. Танцы и музыка танцевъ прелестны, разумеется кромѣ Лезгинки, отличающейся самыми рѣзкими диссонансами.

Разобравъ такимъ образомъ всѣ составныя части оперы, какой результатъ вывести намъ изъ мнѣній публики о *Русланѣ и Людмилѣ*. Прогнѣвъ тѣхъ, которые признаютъ оперу скучною и утомительною, можно выставить любителей, восхищающихся ею, а у восторженныхъ хвалителей можно спросить, почему сдѣланы въ оперѣ значительныя сокращенія и урѣзки, такъ что она теперь оканчивается часовъ въ 10 вечера? Въдѣ въ Карлѣ Смѣломъ, въ Семирамидѣ не сокращаютъ по доброй волѣ ничего, а ихъ слушаютъ съ удовольствіемъ! Въ одной Петербургской Газетѣ напечатали, что на оперу Глики не должно смотрѣть какъ на оперу, а просто какъ на музыкальное сочиненіе. Послѣ этого нечего и говорить!

ОСТАШКОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Театръ въ Осташковѣ! Это не новость, быть можетъ, скажутъ нѣкоторые. Новость, господа, рѣшительно новость, потому что театръ, о коемъ вы слышали, давно уже не существуетъ. На мѣстѣ его явился новый, и что за театръ! чудо. (*) Публика Осташковская, за небольшимъ исключеніемъ, отъ новоустроеннаго театра въ восторгѣ. «Возникшій въ короткое время, театръ нашъ есть живое подобіе столичнаго театра,» сказалъ одинъ изъ Осташковскихъ гражданъ, имѣющій нѣкоторое притязаніе на образованность. Слѣдовательно, здѣшній театръ стоитъ, чтобы сказать о немъ хотя нѣсколько словъ.

Разумѣется, труппа имѣетъ при достоинствахъ и нѣкоторые недостатки, хотя и большія, но вѣдь въ дѣлахъ рукъ человѣческихъ нѣтъ совершенства. Къ тому жъ театръ еще во младенчествѣ, слѣдовательно надобно быть снисходительнымъ къ актерамъ, и въ особенности къ актрисамъ, кои только въ первый разъ отъ роду являютъ на сцену. Но это не бѣда! Ихъ поощряютъ различными подарками, и онѣ постараются быть достойными своего назначенія. Осташковский Театръ не значителенъ величиною, въ немъ однако жъ вы найдете девять ложъ, двѣ дюжины кресель, около трехъ дюжинъ стульевъ, нѣсколько скамеекъ, партеръ и раекъ. И такъ, вы видите, господа, что здѣшній театръ по крайней мѣрѣ понаружности имѣетъ сходство съ сто-

личнымъ. Въ труппѣ, состоящей изъ шестнадцати человѣкъ, трое обращаютъ на себя особенное вниманіе здѣшней публики, это Стременаевъ, Гречниковъ и Митинъ. Они, по справедливости, заслуживаютъ нѣкотораго одобренія, а отъ снисходительной публики даже уваженія, потому что могутъ нѣсколько понять и, по возможности, выполнить свою роль.

Быть можетъ вы скажете: мало хорошаго, когда изъ цѣлой труппы только трое въ состояніи понять дѣло. «Извините за противорѣчіе, вѣдь и въ столицахъ не много Каратыгиныхъ, Мочаловыхъ,» такъ отвѣчаютъ нѣкоторые любители здѣшняго театра на подобное замѣчаніе. Да и можно ли иначе? У нихъ есть свой Каратыгинъ, только въ другомъ родѣ, положимъ хоть въ комическомъ.

Недавно давали на здѣшнемъ театрѣ: Отецъ какихъ мало, Воздушные замки, Русскій человѣкъ добро помнить, и Ссору. Двѣ послѣднія піесы обратили на себя особенное вниманіе здѣшней публики.

Стременаевъ (въ піесѣ: Русскій человѣкъ добро помнить), въ роли Светловскаго, такъ былъ натураленъ, съ такимъ искусствомъ выражалъ состояніе души человѣка, окруженнаго самыми непріятными обстоятельствами, что публика отблагодарила его громкимъ рукоплесканіемъ.

Митинъ (въ той же піесѣ), въ роли помѣщика Гура, былъ довольно похожъ на

(*) Правда, нѣкоторые актеры тѣ же, за то актрисы всѣ новыя.

того помѣщика, который изъ подъячихъ проложилъ себѣ дорогу въ помѣщики посредствомъ благопріобрѣтенныхъ имуществъ. Онъ же (въ Ссорѣ), въ роли Сутягина, такъ неподражаемо разыгрывалъ подъячаго, что заслужилъ негодование всѣхъ подъячихъ, бывшихъ въ это время въ театрѣ. Всѣ ухватки, выраженія изоблачили въ немъ человека, много лѣтъ служившаго подъ нліяніемъ взятокъ и чернилъ. Митинъ такъ вѣрно изобразилъ подъячаго, какъ будто онъ выросъ въ кругу этого *безкорыстнаго* сословія. Частыя рукоплесканія и вызовъ на сцену были ему наградою.

Гречинковъ (въ Ссорѣ) въ роли Вснышкіна, былъ бы неподражаемъ для актеровъ здѣшняго театра, если бы не было большой натяжки въ его голосѣ. Не смотря однако жъ на этотъ недостатокъ, онъ вполне изобразилъ помѣщика, бѣснующагося отъ потери любимой собаки, швырка.

Говоря о достоинствахъ, справедливость требуетъ сказать и о недостаткахъ труппы, сказать съ тою благородною цѣлью, чтобы актеры, хладнокровно выслушавъ замѣчанія и убѣдившись въ ихъ справедливости, позаботились искоренить тѣ беспорядки, которые помрачаютъ блескъ возникающаго театра. Въ противномъ случаѣ, Осташковский Театръ уронитъ драматическое искусство до крайней степени, до кукольной комедіи. Только это опасеніе заставило меня высказать тѣ недостатки, которые я видѣлъ на здѣшней сценѣ. Основываясь на патріотическомъ предразсудкѣ, что «только наше хорошо,» любители здѣшней сцены, кажется, не примѣчаютъ важности тѣхъ недостатковъ, которые, съ перваго взгляда на нихъ, производятъ непріятное впечатлѣніе въ безпристрастномъ и опытномъ, или даже нѣсколько опытномъ зрителѣ. Они съ жаромъ защищаютъ свой любимый предметъ. По нашему городу, говорятъ они, театръ и труппа превосходны!

Но позвольте спросить васъ, Гг. директоры и представители театра! Развѣ это достоинство на сценѣ, когда одинъ изъ васъ, а именно Каратыгинъ (въ піесѣ Воздушные замки), уходитъ съ барышнею въ садъ, во фракъ, а возвращается на сцену въ сюртукъ! Развѣ пріятно смотрѣть, когда онъ же играетъ на одинъ ладъ Мирошку дурака, Недоросля и Грицка! Развѣ тутъ нѣтъ недостатка, когда Петрова, (въ Ссорѣ, когда Брустеровъ привезъ ее на почтовый дворъ, гдѣ ожидалъ ихъ женихъ племянницы Брустеровой, которая никакъ не предполагала его здѣсь увидѣть) вышелъ на сцену, прехладнокровно произноситъ: онъ, не взглянувъ на жениха, который долженъ ей растолковать, зачѣмъ она пріѣхала на почтовый дворъ! А это что за явленіе: (опять въ Ссорѣ) Арешьева указываетъ на комнату, и объявляетъ Брустерову, его племянницѣ и ея жениху, что только въ ней можно скрыться отъ пріѣхавшаго Сутягина; Брустеровъ, его племянница и женихъ ея, вмѣсто указанной комнаты, скрываются просто за кулисы!

А это что за чучело! Зетюховъ (въ піесѣ: Русскій человекъ добро помнитъ), въ роли Исправника, выходитъ на сцену съ выпачканнымъ сажею лицомъ, и какъ истуканъ стоитъ закинувъ руки на спину! Когда же прійдетъ очередь ему сказать что нибудь, онъ наклоняется къ уху Свѣтловскаго и шепчетъ ему!

Но важнѣйшій недостатокъ состоитъ въ томъ, что здѣшніе актеры, почти всѣ, безпрестанно обращаютъ вниманіе на суфлера, не думая о томъ, что это производитъ въ зрителяхъ самое непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что дѣйствіе очень часто прерывается неумѣстнымъ молчаніемъ.

Представители здѣшней сцены, кажется, доселѣ не имѣютъ понятія о репликѣ; (*) послѣ этого понятно отчего неумѣстное молчаніе.

(*) Я самъ видѣлъ описанную роль безъ реплики.

Всѣ эти недостатки, весь этотъ безпорядокъ происходятъ отъ того, что у здѣшней труппы нѣтъ дирижера, или лучше, всѣ актеры здѣшняго театра дирижеры, каждый на свой ладъ!

Если бы вы, Гг. актеры Осташковского Театра, изъ своей хотя труппы избрали дирижера (хотя Гречникова), то театръ вашъ могъ бы скоро сдѣлать большой шагъ отъ кочующихъ труппъ, тѣмъ болѣе, что въ васъ есть способность и, еще болѣе, склонность къ сценическому представлению.

Въ заключеніе скажу о костюмахъ. Они

иногда бываютъ не совсѣмъ сообразны съ дѣйствующими. Вотъ одинъ изъ нихъ на Митинѣ въ роли Суягина: фракъ черного сукна, исподнее бѣлое платье запрягано въ ботфорты, хорошій жилетъ, изрядная шляпа и плащъ. Въ этомъ костюмѣ Суягинъ въ дорогѣ! Кажется, это вовсе не подорожному?! Впрочемъ, всякій молодецъ на свой образецъ.

И. Н....ъ.

Осташковъ,
1842 года Ноября 7-го дня.

ключицѣ, которая, вѣроятно, для того, чтобы прочесть афишу, смотрѣла черезъ плечо мое: «сегодня я иду въ театръ.» Но дѣвушка отвѣчала мнѣ холодно и насмѣшливо: надѣюсь, что вамъ будетъ пріятно тамъ; это опечалило меня. Однако, чтобы нѣсколько оохладить мое разгоряченное воображеніе, я отправился, въ ожиданіи спектакля, прогуливаться въ гапани. Прохладный морской воздухъ нѣсколько освѣжилъ мою голову, которая была прежде въ жару, похожемъ на жаръ, производимый горячкою; но сердце у меня снова забилося сильно, когда я возвратился въ городъ и подошелъ къ театру. Тогда было только четыре часа, а касса долженствовала открыться въ шесть. Я дождался этого открытія, не смотря на всѣ насмѣшки торговцевъ и уличныхъ мальчишекъ, и досталъ себѣ прекрасное мѣсто. Сосѣдомъ моимъ, съ правой стороны, былъ какой-то сидѣлецъ изъ мясной лавки, который распространялъ вокругъ себя весьма неблагоуханную атмосферу, и, для препровожденія времени, насвистывалъ на ключъ разныя народныя мелодіи. Съ лѣвой стороны доносился до меня запахъ джина и яблоковъ; съ этой стороны была у меня сосѣдка, которая истребляла препорядочной запасъ послѣднихъ, а передъ входомъ въ театръ, вѣроятно, истребила препорядочное количество перваго. Два трубочиста, сидѣвшіе сзади меня, были самыми почетными моими сосѣдами, а два полупьяные матроса, помѣстившіеся нѣсколько далѣе, справа—самыми непріятными. Конечно, я находился не въ очень избранномъ обществѣ, но что мнѣ было тогда за дѣло до общества? Я хотѣлъ видѣть представленіе, и желаніе мое долженствовало вскорѣ исполниться. Все прочее тревожило меня очень мало. Наконецъ завѣса поднялась. Играли Отелло. Я еще никогда въ жизни не видывалъ ничего столь прекраснаго, какъ эта пѣса, въ которой все такъ естественно. Когда актеры смѣялись, я

тоже смѣялся; когда они плакали, я заливался слезами. Однако, все шло хорошо до той сцены, когда Отелло спрашиваетъ платокъ. Возволнованный, увлеченный, я забылъ, что передо мною не дѣйствительность, а спектакль, и лишь только Отелло воскликнулъ своимъ громовымъ голосомъ, во второй разъ: «гдѣ платокъ, который я далъ тебѣ?» Я воскликнулъ, въ свою очередь: «его взяла другая дама, я самъ это видѣлъ.» Всмѣлъ затѣмъ, я замѣтилъ мой промахъ. Трагическая артистка, не смотря на всѣ свои усилія удержаться отъ смѣха, захохотала. На меня устремились взоры всѣхъ присутствовавшихъ и въ томъ числѣ суровый взглядъ стараго адмирала—адмирала, который былъ въ полной формѣ и сидѣлъ въ ложѣ. Взглядъ его будто уничтожилъ меня. Адмиралъ нахмурился еще болѣе, когда узналъ, что нарушитель спокойствія былъ гардемаринъ, и я самъ видѣлъ, какъ онъ что-то шепнулъ офицеру, который стоялъ позади его. Э! подумалъ я, да онъ сердится за то, что я не сдѣлалъ ему фронта. И вотъ я, чтобы поправиться, привсталъ, вѣжливо поклонился ему и воскликнулъ: «Имѣю честь, милордъ адмиралъ, свидѣтельствовать вамъ мое низжайшее почтеніе!» Услыхавъ это, адмиралъ гнѣвно вспрыгнулъ со стула. «Это ужъ слишкомъ! Это оскорбленіе!» сказалъ онъ такъ громко, что я могъ явственно разслышать слова его, и тогда же послалъ офицера, очевидно, арестовать меня. Или, подумалъ я, я сдѣлалъ что нибудь дурное? и какъ мнѣ теперь быть?... Въ эту минуту показалась въ галереѣ фигура офицера. Обольстительная сирена, моя сосѣдка съ лѣвой стороны, которая, какъ я узналъ послѣ, вытащила у меня изъ кармана перочный ножичекъ и серебряный футлярчикъ, эта сирена сочла нужнымъ сдѣлать диверсію въ мою пользу, безъ сомнѣнія для того, чтобы самой скрыться во время сумятицы. Лишь только офицеръ показался въ

галереѣ, сосѣдка моя закричала: «Схватка! схватка!» Въ ту же минуту, между зрителями поднялась величайшая суматоха. Адмиралъ всталъ съ своего мѣста; посланный его исчезъ. Никто не видѣлъ опасности, но каждый думалъ, что опасность близка. Повсюду была толкотня и давка; повсюду были слышны стоны, вопли и проклятія. Только одни вразумительныя слова долетѣли до моего уха: это были слова моей прекрасной покровительницы: ну, теперь скорѣе на бортъ, мой милый кадетъ, скорѣе, или они схватятъ тебя. Я немедленно послѣдовалъ этому совѣту. Какъ продрался я сквозь толпу, и самъ не знаю; но спустя нѣсколько минутъ, я лежалъ уже въ постелѣ, и дверь моей комнаты была заперта крѣпко на крѣпко....

СОТРУДНИКЪ.

Мы удивляемся плодовитости Скриба, когда, въ теченіе года, онъ напишетъ до пятнадцати піесъ. Но Вольтеръ написалъ *Заиру* въ девятнадцать дней, а Молиеръ написалъ и поставилъ на сцену одну изъ своихъ піесъ въ два дня, правда, по приказанію Людовика XIV. Извѣстно также, что пѣтъ примѣра, подобнаго изумительной дѣятельности Лопе де Веги. Монтальванъ, ученикъ и сотрудникъ великаго Испанскаго комика, работалъ съ своимъ учителемъ надъ комедіею: *Третій Монашескій Орденъ Св. Франциска*. Каждый изъ нихъ долженъ былъ написать по акту, а третій актъ раздѣлили они на двѣ половины.

Первыя два дѣйствія были написаны въ одинъ день. На другой день, Монтальванъ, желая опередить своего стараго наставника, всталъ въ два часа утра и кончилъ работу въ десять часовъ. Въ торжествѣ, бѣживъ онъ къ Лопе, и находить его въ саду подрѣзывающаго померанцовое дерево, пострадавшее отъ холода.

— Ну, закричалъ Монтальванъ, я кончилъ половину своего дѣйствія.

«И я также, отвѣчалъ Лопе хладнокровно.

— Когда же вы успѣли?

«Я всталъ въ пять часовъ, кончилъ свое дѣло, и какъ было еще рано, написалъ еще посланіе въ пятьдесятъ тристишій; потомъ позавтракалъ и отправился поливать померанцы. Признаюсь, однако, я утомился.

Лопе де Вега имѣлъ тогда около семидесяти лѣтъ отъ рода. Иначе, его не утомила бы такая бездѣлица.

НОВАЯ МЕТОДА ПѢНІЯ.

Большая часть людей ѣдятъ, чтобъ жить, другіе живутъ для того, чтобъ ѣсть; но теперь открывается еще разрядъ людей, которые ѣдятъ, чтобъ пить. Это требуетъ объясненія.

Всѣ знаютъ, что Г-жа Малибранъ выпивала, для укрѣпленія своего голоса, по одной и по двѣ рюмки малаги. Отъ этого у нее грудныя ноты выходили чище и звучнѣе. Дюпре этимъ не довольствуется. Его верхнее *do*, которое ему даю миллионъ франковъ, требуетъ сильнѣйшей, существеннѣйшей поддержки. Жидкости для него слабы. Онъ вмѣсто ихъ употребляетъ *телячьи котлеты*, которыя слѣдуетъ въ каждомъ антрактѣ.

И потому, если иногда Дюпре поетъ слабо, и ему никто не смѣетъ шикать, а въ другой разъ въ той же роли поетъ превосходно, то вся разница въ нѣсколькихъ котлетахъ. Лаблашъ, Рубини не знали этого секрета, оттого, что они ученымъ и искусствомъ возвышали свой голосъ. Теперь это гораздо легче.

Г-жа Дорю (Dorus) слѣдуетъ той же методѣ. Эта нѣжная блондинка, эта чувствительная Фламандка, кушаетъ тоже въ антрактахъ жаренаго цыпленочка, или кусокъ самой нѣжной телятины.

Спѣшимъ сообщить эту новость всему музыкальному міру. Если найдутся пѣвцы и пѣвицы, которыя недовольны своимъ голосомъ, то пусть не отчаиваются, и

вмѣсто того, чтобъ учиться сольфеджіямъ, пусть кушаютъ котлетки.

МИСТРИСЪ СИДОНСЪ И КРУЖКА ПОРТЕРА.

Въ антрактѣ одного блистательнаго представленія, Мистрисъ Сидонсъ, усталая и разгоряченная ролью Леди Макбетъ, вошла въ свою уборную и сказала парикмахеру.

«Я умираю отъ жажды; пошлите кого нибудь изъ мальчиковъ за кружкой портера; я вамъ буду очень благодарна.»

Парикмахеръ исполнилъ ея просьбу и приказалъ мальчику воротиться какъ можно скорѣе, потому что Мистрисъ Сидонсъ его ожидаетъ. Между тѣмъ піеса продолжалась и мальчикъ, прибѣжавъ, не засталъ актрисы въ уборной. Онъ спросилъ машиниста: гдѣ же Мистрисъ Сидонсъ? Тотъ хладнокровно показалъ ему на сцену, гдѣ знаменитая артистка готовилась къ сценѣ лунатисма Леди Макбетъ.

Каково же было удивленіе зрителей и актеровъ, когда увидѣли на сценѣ мальчика, который спокойно подошелъ къ Мистрисъ Сидонсъ и подалъ ей кружку портера. Положеніе актрисы было ужасно. Напрасно она подавала ему знаки, говорила трагическимъ тономъ: удались! Онъ не трогался съ мѣста и подавалъ ей несчастную кружку. Наконецъ изъ за кулисъ набросили на него веревку и потащили со сцены при громкомъ смѣхѣ публики, которая долго не могла забыть этого происшествія.

ДВА ДРУГА.

Самая искренняя дружба соединяла двухъ композиторовъ Генделя и Матисона. Болѣе десяти лѣтъ продолжалась она, и ничто повидимому не могло посорить нѣжныхъ друзей. Вдругъ, 5-го Декабря 1704 года, художническое самолюбіе не только угрожало разорвать эту связь, но и самую жизнь новыхъ Ореста и Пилада.

Въ этотъ день давали Клеопатру Ма-

тисона, и онъ самъ игралъ роль Антонія, а Гендель дирижировалъ оркестромъ, сидя за фортепіанамъ.

Отыгравши свою роль въ первыхъ двухъ актахъ, Матисонъ хотѣлъ на третій актъ занять мѣсто дирижера, по обычаю, существующему въ Италіи, гдѣ композиторы сами управляютъ оркестромъ; но Гендель не согласился уступить ему своего мѣста, почитая это обидою.

Взбѣшенный Матисонъ, тотчасъ же по окончаніи піесы, повелъ Генделя изъ театра и какъ скоро они вышли на улицу, оба обнажили шпаги и начали между собою самый упорный и отчаянный бой.

Неизвѣстно, чѣмъ бы онъ кончился: Гендель былъ слабъ и неопытенъ, а противникъ его сильнѣе и искуснѣе. Вдругъ шпага Матисона съ силою уперлась въ одну толстую стальную пуговицу, которая тогда носили огромнаго размѣра, и отъ силы удара переломилась. Это печальное происшествіе вдругъ образумило обоихъ друзей. Они остановились; гнѣвъ ихъ внезапно утихъ; оба увидѣли обоюдную свою глупость, и бросились въ объятія другъ друга.

Съ тѣхъ поръ они ужъ больше не ссорились.

ПОЩЕЧИНА СУФЛЕРУ.

Въ театральномъ мірѣ есть существо важное, необходимое, не смотря на то, что оно всю жизнь свою проводитъ въ дирѣ величиною не больше одного квадратнаго метра. Это суфлеръ. Публика не знаетъ его талантовъ, не замѣчаетъ его услугъ, за то актеры, съ перваго до послѣдняго, уважаютъ его, обходятся съ нимъ почтительно, дарятъ билеты, приглашаютъ на дружескіе обѣды. Всѣ они чувствуютъ, что онъ въ состояніи имъ повредить, что во время блистательной тирады онъ можетъ остановиться въ половинѣ эффектнаго стиха, ошибиться и

испортить успѣхъ пьесы и актера. Но и суфлеръ долженъ имѣть необыкновенный талантъ,—что очень рѣдко, такъ что лучшаго изъ нихъ оспариваютъ семь театровъ, какъ въ древности семь городовъ оспаривали Гомера. Нерѣдко трудная должность суфлера соединяетъ въ себѣ также должность режисера, или помощника, но почти всегда суфлеръ обязанъ переписывать всѣ пьесы, которыя играютъ. Г-нъ Жибонъ, суфлеръ Сень-Марсельскаго театра пользовался также этимъ преимуществомъ, котораго никто не оспаривалъ. Мѣсто его было очень выгодно, потому что директоръ зналъ прихотливый вкусъ своей публики, которая не довольствовалась восемью или десятию актами съ прологами и эпилогами, но требовала поминутно новыхъ пьесъ, и часто возобновлялъ репертуаръ. Переписка пьесъ была предоставлена Г-ну Жибону. Но если авторы и актеры уважаютъ его, ухаживаютъ за суфлеромъ, то авторъ — директоръ не находитъ этого нужнымъ. Онъ увѣренъ въ благосклонности публики, которую часто угощаетъ своими пьесами, можетъ быть дурными, но прекрасно обставленными, что привлекаетъ толпу. Директоръ Сень-Марсельскаго Театра, Г-нъ Шевалье, авторъ многихъ драмъ, игравшихъ на его театрѣ, поссорился однажды съ Г-нъ Жибонъ. Причиною ихъ ссоры было то, что авторъ — директоръ переписывалъ самъ свои творенія и лишалъ суфлера его доходовъ. Директоръ не хотѣлъ удовлетворить его требованій, споръ продолжался, вдругъ три удара въ оркестръ и ритуфель заставили его возвратиться въ свою будку. Уходя онъ далъ директору названіе самое обидное для автора, тотъ схватилъ его за воротъ и далъ пощечину. Хотя завѣса была спущена, но звукъ пощечины достигъ до зрителей; въ райкѣ закричали: *фора!* Но увертюра кончилась, и бѣдный Жибонъ не смотря на свое справедливое желаніе отмстить, принужденъ былъ скрыть свой гнѣвъ и красную

щеку въ темномъ уголку своей конурки. Онъ вышелъ оттуда съ двумя твердыми намѣреніями: взялъ отставку и подалъ жалобу, по которой Г-на Шевалье потребовали въ судъ. Бывшій суфлеръ былъ оправданъ, авторъ — директоръ присужденъ къ мѣсячному заключенію въ тюрьму и заплатить трехъ сотъ франковъ за *безчестіе*, нанесенное Г-ну Жибону.

МЕЛОЧН.

Изъ заграничныхъ извѣстій видно, что Гольтей предполагалъ начать, въ Берлинѣ (18-го Ноября), свои драматическія чтенія, въ залѣ Hotel de Russie. Для перваго чтенія, онъ избралъ *Коріолана*, Шекспира.

— Первая Памина Моцарта до сихъ поръ здравствуетъ. Она живетъ въ Вѣнѣ, гдѣ родилась въ 1774 году, и называется Анна Готлибъ. Для нее Моцартъ написалъ партію Памины, и про эту-то пѣвицу, обладавшую рѣдкимъ голосомъ, очаровательною красотою и умомъ, сказали: «На землѣ ничего не можетъ быть восхитительнѣе пѣнія прелестной женщины.»

— Лиссабонскій національный театръ обанкротился; но сто человекъ любителей пожертвовали каждый по лундору, и представленія начались опять. Для новаго открытія дана была любимая пьеса публики: *Св. Катерина и Св. Доминико*, мистерія Среднихъ Вѣковъ. Нынѣ Португалія вовсе не имѣетъ оригинальныхъ пьесъ, и живетъ или переводами, или стариною.

— Въ Бристольскомъ журналѣ помѣщено извѣстіе, будто одинъ изъ тамошнихъ мелкихъ театровъ намѣренъ поставить на сцену странную мистификацію, жертвою которой былъ купецъ Вудей. Родственница этого купца заставила его жениться на простой служанкѣ, увѣривъ, что служанка богатая наслѣдница. Миссъ

Бріерсъ предлагали значительную сумму, если она согласится представить въ натурѣ свою роль, и меньшее вознагражденіе, если рѣшится просидѣть въ ложѣ на аванъ-сценѣ.

— Изъ Берлина пишутъ: Между тѣмъ какъ здоровье Тика поправляется, снова носится слухъ, что у насъ, въ скоромъ времени, будутъ представлены трагедіи древнихъ Греческихъ классиковъ, поставленные на сцену, по желанію Е. В. Короля, Тикомъ.

— Трагическое происшествіе, случившееся въ Брюсселѣ у Г-жи К. Гейнефеттеръ, въ субботу 19-го Ноября, не перестаетъ быть предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Молодая пѣвица давала ужинъ, и въ числѣ гостей ея были Г. Комартенъ, только что пріѣхавшій изъ Парижа, и нѣкто Г. Спрей. Между этими двумя лицами произошелъ споръ, ссора, и Комартенъ поразилъ Спрея въ сердце шпагою, скрытою въ пальтѣ. Судебныя слѣдствія по этому дѣлу откроютъ болѣе подробностей. Газеты увѣряютъ, что Г. Комартенъ былъ человекъ учтивый, скромный и благонамѣренный. Изъ Брюсселя онъ пріѣзжалъ въ Парижъ, и опять отправился въ Парижъ.

Г-жа Гейнефеттеръ только что заключила контрактъ съ дирекціею Брюссельскаго Театра на пять мѣсяцевъ.

— Въ Парижѣ составилось общество подъ названіемъ: *Академія любителей вокальной музыки*, подъ управленіемъ И. Бордоньи и Пановки. Цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ соединить въ одну массу всѣхъ любителей вокальной музыки, и заставить ихъ пѣть всѣ лучшія произведенія древнихъ и новѣйшихъ композиторовъ, какъ-то: Баха, Бетговена, Ке-

рубини, Глука, Генделя, Гайдна, Жомелли, Лесюера, Марселя, Моцарта, Палестрины, Перголези, и всѣхъ живущихъ авторовъ. Чтобы быть принятымъ въ это общество, надо имѣть какой нибудь голосъ, умѣть сольфеджировать и читать партію изъ хора. Печатный планъ подробно излагаетъ всѣ правила этого общества, похожаго на Берлинскую Вокальную Академію. Имена основателей достаточно рекомендуютъ это учрежденіе.

— Спонтини путешествуетъ теперь по Італіи. Пять Римскихъ филармоническихъ обществъ готовятъ въ честь его празднества. Программа празднества состоитъ изъ разныхъ отрывковъ его сочиненій, а равно и духовной Італіанской музыки древнихъ композиторовъ: Лео, Палестрины, Аллегри, Дуранте и Кальдера.

— До сихъ поръ только въ Вѣнѣ и Берлинѣ *вальсировали* подъ мотивы знаменитаго *Stabat mater* Россини. Теперь въ Лондонѣ напечатаны *кадрилы* на темы того же сочиненія. Рѣшительно, Россини написалъ свое произведеніе, чтобъ дать пищу бальнымъ дирижерамъ и музыкальнымъ книгопродавцамъ.

— Г. Мендельсонъ обязался написать большое сочиненіе для Парижской Большой Оперы; но прежде этого онъ хочетъ сдѣлать Нѣмецкую оперу, которой либретто написалъ ему Г. Прехтлеръ.

— Мендельсонъ, во время послѣдняго своего путешествія по Швейцаріи, посѣтилъ Институтъ Слѣпыхъ, гдѣ многіе воспитанники занимались музыкальными сочиненіями. Онъ нѣсколько часовъ занялся съ ними, разсматривалъ ихъ труды, толковалъ съ ними, и наконецъ съѣлъ за фортепіано и импровизировалъ фантазію, которая заставила плакать всѣхъ его слушателей.

V. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ бенефисъ Г-на Аллана, на Михайловскомъ Театрѣ, 4-го Декабря, съ любезнѣйшимъ слушала избранная Петербургская публика четвертый актъ Роберта, въ которомъ партію Изабеллы пѣла Г-жа Корнелія Фальконъ, разулившая эту роль въ Парижѣ подъ руководствомъ самого Мейербера. Нельзя было не любоваться выразительною игрою, ея одушевленнымъ, мастерскимъ пѣніемъ! Голосъ Г-жи Фальконъ, съ нѣкотораго времени лишившійся своей свѣжести, подъ нашимъ Петербургскимъ небомъ пріобрѣтаетъ мало по малу свою прежнюю прелесть и силу; игра ея, въ этомъ четвертомъ дѣйствіи, была верхомъ совершенства, какимъ мы давно не любовались въ оперѣ.

— Московскій композиторъ А. Н. Верстовскій, пріѣхавъ нынѣ въ Петербургъ, посѣтилъ, въ Воскресенье, 13-го Декабря, Большой Театръ, гдѣ давали его оперу

Аскольдова Могила. Публика наша, узнавъ о присутствіи композитора, по единодушному влеченію, *дважды* вызвала А. Н. Верстовскаго, произведеніемъ которой наслаждается уже съ прошедшаго года.

— На здѣшнемъ Французскомъ Театрѣ дебютировала на дняхъ Г-жа Гортензія **, еще не являвшаяся ни на какой сценѣ. Для перваго дебюта, она играла очень хорошо.

— Поздній выходъ въ свѣтъ нынѣшней, послѣдней книжки Репертуара и Пантеона за 1842 годъ, позволяетъ намъ сказать нѣсколько словъ о блистательномъ бенефисѣ А. М. Каратыгиной, бывшемъ 15-го Декабря. Первая пѣса, *Честъ Мужа и Честъ Купца*, произвела сильное впечатлѣніе по необыкновенной игрѣ Г-на и Г-жи Каратыгиныхъ, и имѣла бы гораздо болѣе успѣха, если бы Г. Смирновъ придалъ своей роли болѣе чувства, жара. Г. Сосницкій также былъ очень хорошъ въ роли старика кассира. — За-

тѣмъ давали новую піесу П. Г. Ободовскаго: *Русская Боярыня XVII столѣтія*, которую читатели наши съ удовольствіемъ прочитаютъ въ первой книжкѣ нашего изданія на 1843 годъ. Уморительный водевиль: *Школьный Учитель*, переведенный съ Французскаго П. А. Каратыгинымъ, и данный въ концѣ спектакля, также будетъ напечатанъ въ первой книжкѣ Репертуара и Пантеона на 1843 годъ.

П А Р И Ж Ъ.

Въ продолженіе Ноября представлено было на Парижскихъ театрахъ три новыя комедіи, три драмы, три оперы и двадцать водевилей, всего двадцать девять новыхъ піесъ, написанныхъ сорока однимъ авторомъ. Возобновлено больше двѣнадцати піесъ.

Первый Французскій Театръ. *Le Fils de Cromwell, ou une Restauration* (Сынъ Кромвеля), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Скриба. Первоначальное дѣйствіе происходитъ въ Беркскомъ Графствѣ, въ замкѣ, гдѣ живутъ Леди Регина Террингамъ и Елена Ньюпортъ. Милыя, любезныя дамы эти разговариваютъ между собою не о любви; не сладостная мысль волнуетъ ихъ сердца; нѣтъ! онѣ толкуютъ о политикѣ. Леди Террингамъ, хорошенькая, остроглазая бронетка, леди воздушная, изящная, стоитъ въ главѣ заговора по случаю близкой смерти Кромвеля. Англія раздѣлилась на разнообразныя партіи. Лордъ Пенруддокъ, роялистъ, хочетъ быть первымъ министромъ; Эфрамъ, республиканецъ, недовольный Кромвелемъ, намѣренъ продать самого себя и двадцать два голоса, которыми располагаетъ, всякому, кто доставитъ ему пять сотъ фунтовъ стерлинговъ годового дохода.

Но въ то самое время, когда партіи волнуются, человѣкъ спокойный, тихій, беззаботный, удалился въ Беркское Графство, вмѣстѣ заговорщиковъ. Этотъ

человѣкъ, самъ Ричардъ Кромвель, который, подъ именемъ Клерка, ухаживаетъ за Еленою Ньюпортъ, мечтая только о любви и сельскихъ трудахъ. Между тѣмъ разнеслась вѣсть о смерти Оливьера Кромвеля; началась суматоха, а въ комедію ворвалась политика съ такою силою, что заняла въ ней главное мѣсто. Вы за кого? За Кромвеля, за Стюарта, за Монка? Что восторжествуетъ: республика или монархія? Подобные возгласы раздаются безпрестанно изъ хорошенькихъ устъ Леди Террингамъ; а бѣдная Елена, любящая Ричарда, принуждена уступить Генералу Ламберту, который убѣждаетъ ее забыть любовь, пагубную для Ричарда, такъ какъ Ричардъ не принадлежитъ самому себѣ, а своей партіи.

Ричардъ, убѣдившись, что Елена не любитъ его, что она намѣрена выйти за Генерала Монка, рѣшается позволить объявить себя главою государства, и съ этою цѣлію вступаетъ въ бурный кругъ партій. Здѣсь надобно замѣтить, что Леди Террингамъ не знаетъ настоящаго имени гостя, живущаго у ней въ замкѣ, и почитаетъ его роялистомъ. Скрибъ угрожалъ входы и выходы дѣйствующихъ лицъ такимъ образомъ, что объясняетъ это невѣдѣніе: оно нужно ему въ послѣдствіи. И потому неудивительно, что Леди Террингамъ даетъ убѣжище Карлу Стюарту. Претендентъ видится въ замкѣ съ Генераломъ Монкомъ, который только что поклялся Генералу Ламберту въ проверженности своей къ Кромвелю, а теперь обѣщаетъ поддерживать Стюарта. Въ эту же ночь приходитъ въ замокъ Ричардъ повѣдаться съ Еленою; но Ламбертъ, опасаясь за жизнь Кромвелева сына, посылаетъ за нимъ сильный конвой, и когда конвой является въ замкѣ, Король Карлъ открытъ. Его, однако, никто не знаетъ; онъ выдаетъ себя за брата Елены, и находитъ защитника въ особѣ Ричарда. Ричардъ Кромвель отправляется въ Лондонъ съ Карломъ Стюартомъ. Скрибъ много разсчи-

тывалъ на эффектъ столь страннаго положенія.

По прїѣздѣ въ Лондонъ, оба претендента живутъ вмѣстѣ въ тавернѣ, пьютъ чай, говорятъ о политикѣ, а между тѣмъ волненіе партій усиливается, противники готовы схватиться за ножи. Что теперь будетъ? Инкогнито Стюарта обнаружено, измѣна Монка открыта, продажность Эфраима извѣстна. Ричардъ, робкій, нерѣшительный, хочетъ помпировать измѣнниковъ, но Ламбертъ противится этому. Новое событіе поражаетъ сына Кромвеля. Составился заговоръ подъ руководствомъ Монка. Столь важное извѣстіе приноситъ Елена, которая всегда любила Ричарда. Теперь Ричардъ уже не колеблется: онъ подписываетъ свое отреченіе на выгодныхъ условіяхъ для друзей, и отправляется съ Еленою вкушать блаженство сельской жизни.

Грубѣйшіе историческіе промахи наполняютъ новую комедію Скриба. Всякому, сколько нибудь знакомому съ исторіею Англіи извѣстно, что Ричардъ вовсе не участвовалъ въ возведеніи на престолъ Стюартовъ, что онъ не отрекался добровольно, но былъ изгнанъ Парламентомъ. Простительны были бы подобныя несообразности въ такомъ случаѣ, если бы онъ искупались занимательностью пьесы; но комедія усыпила публику, которая проснулась потомъ для того, чтобы осмистать новое произведеніе своего прежняго любимца. Нѣтъ ничего оригинальнаго, истиннаго; все тѣ же парадоксы, которыми отличаются комедіи Скриба, тѣ же шутки, тѣ же натянутые эффекты. Интересы нѣтъ ни какого. Ричардъ Кромвель изображенъ сельскимъ героемъ; его безстрастіе, нерѣшительность выводятъ зрителя изъ терпѣнія; Елена, образецъ нѣжности и самоотверженія, скучная, плаксивая, напоминаетъ собою всѣхъ женщинъ современныхъ драмъ; роль Леди Террингамъ суха, потому что Леди занимается политикою

для препровожденія времени, и въ душѣ своей не имѣетъ ни малѣйшей страсти.

Театръ Разнообразія. Halifax (Галифаксъ), водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, Александра Дюма. Хотя пьеса и названа водевилемъ, однако она имѣетъ полное право на титулъ комедіи, не смотря на то, что оркестръ аккомпанируетъ выходамъ, хорамъ, что сцены прерываются ригурнелемъ. Галифаксъ повѣса, игрокъ, дуэлистъ. Онъ пользуется довѣренностью Лорда Донбара, который, поручивъ ему отыскать потерянную дочь, снабжаетъ значительною суммою. Однажды вечеромъ, Галифаксъ приходитъ въ какую-то таверну, и приглашаетъ попить и поиграть Лорда Додлея. Во время игры, Лордъ замѣчаетъ своему товарищу, что онъ плутуетъ. Галифаксъ отвѣчаетъ на это пощечиною, послѣ чего, разумѣется, должна послѣдовать дуэль. Изъ пистолетовъ заряженъ только одинъ, и этотъ-то пистолетъ достается повѣсѣ Галифаксу; но Галифаксъ продаетъ пулю, которою заряженъ его пистолетъ, Лорду Додлею за двѣсти фунтовъ стерлинговъ. Между тѣмъ, Лордъ имѣетъ намѣреніе оскорбить молодую путешественницу, которая одна прїѣхала въ Таверну. Галифаксъ является ея спасителемъ. Дѣвица убѣгаетъ; спаситель ея останавливаетъ Лорда Додлея. Слѣдствія новаго поединка неизвѣстны, потому что завѣса падаетъ, и тѣмъ кончается дѣйствіе.

Теперь надобно перенестись въ Шотландію. Здѣсь живутъ двѣ премилыя дѣвочки, Анна и Джени. Анна любитъ одного молодаго человѣка и любима взаимно; Джени обожаетъ незнакомца, который, можетъ быть, ее не любитъ; но ее преслѣдуетъ старый Лордъ Донбаръ, и чтобы склонить непреклонную, хочетъ выдать ее за своего повѣреннаго, Галифакса, надѣясь также, что повѣса мужъ согласится на всѣ условія. Не тутъ-то было! Галифаксъ съ презрѣніемъ отвергаетъ предложеніе стараго сластолюбца. «Ну,

такъ я тебя повѣшу, говоритъ Лордъ Донбаръ; я имѣю въ рукахъ доказательства, что ты убилъ Лорда Доддея!..» Нечего дѣлать! Галифаксъ изъявляетъ согласіе въ томъ предположеніи, что Дженни откажется отъ него. Что же? Дженни въ восторгѣ; Галифаксъ тотъ самый незнакомецъ, котораго она любитъ.

Послѣ свадьбы, Галифаксъ видитъ себя въ затруднительномъ положеніи; онъ влюбленъ въ жену, мучится ревностію, а Лордъ Донбаръ, чтобы избавиться отъ несноснаго мужа, приказываетъ ему слѣдовать за собою въ Лондонъ. Несчастный мужъ находитъ дурака, который соглашается, вмѣсто его, ѣхать въ Лондонъ; но Лордъ Донбаръ, взбѣшенный такою шуткою, является со стражею. Галифаксу угрожаетъ неминуемая казнь. По счастью, находитъ онъ спасеніе въ ожерельѣ, потерянномъ дѣвицею, которая была спасена имъ въ тавернѣ. Лордъ Донбаръ узнаетъ по этому ожерелью, что Галифаксъ спасъ его дочь, Анну!

Умный, забавный водевилъ Александра Дюма, обильный прекрасными сценами, имѣлъ полный успѣхъ.

Театръ Водевилья. *L'Hôtel Rambouillet* (Отель Рамбулье), водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Г-жи Ансело. Избравъ отель Рамбулье сюжетомъ своего водевиля, умная сочинительница хотѣла начертать пріятную картину того изящнаго общества семнадцатаго столѣтія, которое собиралось бесѣдовать о языкѣ, литературѣ и искусствахъ. При поднятіи завѣсы, въ роскошномъ будуарѣ сидятъ три прелестныя женщины: Герцогиня де Кроп, милая, остроумная Марія Рабютень и Маркиза Рамбулье. Въ глубинѣ театра стоитъ злой насмѣшникъ Тальманъ де Рео. Дамы совѣтуются между собою, какъ бы собрать въ отели умныхъ и, если можно, знаменитыхъ людей Франціи; но этотъ проектъ, прежде сильно занимавшій хо-

зайку дома, теперь не интересуется ее: Маркиза разсѣяна, погружена въ нныя мысли. Дѣло въ томъ, что она влюблена въ молодого человѣка, который, будучи раненъ на поединкѣ, жилъ у ней въ домѣ двѣ недѣли, и котораго она не можетъ забыть. Вскорѣ, бѣдная Маркиза узнаетъ, что этотъ молодой человѣкъ есть блистательный Маркизъ Севинье, гроза честныхъ женщинъ, гуляка, погрязшій въ долгахъ, и въ ту же минуту принимаетъ рѣшительное намѣреніе совершенно посвятить себя обществу, которое должно собираться въ ея домѣ. Маркизъ, съ своей стороны, чтобы не выпустить изъ рукъ такой побѣды, хочетъ осмѣять собранія въ Рамбулье, и съ этою цѣлію вводитъ въ гостиную Маркизы знаменитую Скудерпи: онъ надѣется, что Маркиза перестанетъ принимать къ себѣ гостей, и будетъ заниматься только имъ однимъ. Можетъ быть Севинье и успѣлъ бы въ своихъ замыслахъ, если бы Тальманъ не побилъ съ нимъ объ закладъ въ тысячу пистолей, что всѣ старанія его соблазнить Маркизу останутся безуспѣшны. И вотъ Тальманъ рассказываетъ торжественно, никого, впрочемъ, не называя, исторію о раненомъ молодомъ человѣкѣ, котораго приняла къ себѣ въ домъ одна дама, и описываетъ его самыми отвратительными красками. Разсказъ Тальмана произвелъ неожиданное дѣйствіе: Маркизъ Рамбулье подозреваетъ въ героинѣ происшествія свою жену, а Мальи, кузень Герцогини Кроп, приписываетъ событіе кузинѣ. Бѣдному Севинье предстоятъ двѣ дуэли; Маркиза трепещетъ за мужа, за самую себя, Герцогиня за кузенья, а Марія Рабютень за Севинье, котораго любить, и за котораго ее хотѣли выдать. По счастью, все улаживается, какъ нельзя лучше: Маркиза женитъ Севинье на Маріи; литература торжествуетъ надъ страстію; и отель Рамбулье окончательно вступаетъ въ кругъ своего назначенія.

Піеса Г-жи Ансело, веденная съ умомъ

и знаніемъ сцены, написана цвѣтистымъ, быть можетъ, нѣсколько изысканнымъ слогомъ; но, во всякомъ случаѣ, она достойна того пера, которое подарило сцену многимъ прекрасными произведеніями.

Италянскій Театръ. *Линда изъ Шамуни*. Сюжетъ оперы—старинная легенда, изъ которой многіе драматическіе авторы занимали сцены и выдавали ихъ за свои произведенія. Молоденькая Савоярдка приходитъ въ Парижъ, гдѣ ее обольщаетъ офицеръ; она сходитъ съ ума отъ одной мысли, что онъ ей измѣнилъ, но любовь его скоро возвращаетъ ей рассудокъ, однимъ словомъ, это *la Grâce de Dieu*, представленная у насъ недавно подъ заглавіемъ: *Материнское благословленіе*.

Нѣтъ ничего проще и занимательнѣе этого происшествія для оперы. Въ ней есть Савоярдскія пѣсни, баркароллы, баллады, хоры, ариетты и иѣжныя каватинны, вообще много трогательныхъ мѣстъ, которыя занимаютъ и восхищаютъ зрителя во все продолженіе пьесы. Донидзетти употребилъ все свое стараніе, чтобъ музыка была пріятна, легка, и успѣлъ въ этомъ. Молитва въ интродукціи сдѣлала бы большой эффектъ, если бъ вокальныя партіи были лучше расположены, или бы имѣли больше полноты. Ариетта: *O luce qu'estanita*, баллада, *la stretta (ut majeur)*, пѣтая двумя бассами и *forte* въ финалѣ, замѣчательны въ первомъ дѣйствіи. Во второмъ: дуэтъ Линды и Пьеро тронулъ зрителей своимъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Въ третьемъ много аплодировали послѣднимъ тактамъ дуэта Виконта съ судьей, а также *кантиленъ* и *квинтету* безъ акомпанимента оркестра.

Персіани, Тамбурини и Лаблашъ превосходно спѣли и сыграли свои роли, особенно Маріо въ роли Сирваля. Молодая дебютантка Брамбилля сначала очень оробѣла, но во второмъ актѣ пѣла съ болѣею увѣренностью; надѣмся, что въ послѣдствіи она еще усовершенствуется. Грудныя ноты у ней полны и чисты,

верхнія немного глухи, но это можно приписать скорѣе робости, нераздѣльной съ первымъ дебютомъ, чѣмъ неопытности. Надѣмся, что въ будущемъ представленіи Г-жа Брамбилля опровергнетъ и это легкое обвиненіе.

Второй Французскій Театръ. *Venceslas* (Вещеславъ.) Трагедію эту неиграли болѣе столѣтъ; она написана предшественникомъ Корнеля. Если бы Ротру жилъ послѣ Корнеля, то можно бы было сказать, что онъ подражалъ, такъ похожи ихъ таланты, мысли и даже стиль. Если бы Корнель не существовалъ, Ротру былъ бы во Франціи основателемъ трагедіи, потому что въ его драматическихъ произведеніяхъ видѣнъ истинный и блистательный талантъ, однако лучшія его трагедіи *Cosroès* и *Venceslas* явились послѣ Сиды и Гораціевъ.

Ротру родился въ 1610 году, и написавъ нѣсколько замѣчательныхъ трагедій, умеръ сорока лѣтъ. Если бы онъ жилъ долѣе, то былъ бы, можетъ быть, соперникомъ Корнеля, если бы только Корнель могъ имѣть соперниковъ. Ротру былъ чедовѣкъ прекраснаго характера, поэтъ, чистой нравственности и простодушный.

Трагедія *Venceslas* привлекла въ театръ избранную публику, потому что послѣ Корнеля эта самая замѣчательная пьеса, по своимъ звучнымъ стихамъ и прекраснымъ выраженіямъ.

Исполненіе ея было удовлетворительно. Всѣ, любящіе литературу и искусство, съ наслажденіемъ будутъ смотрѣть *Venceslas*.

Театръ Водевилля. *M. Fouinard* (Г. Фуинарь.) На этомъ театрѣ продолжаютъ возобновлять водевили, которые привлекаютъ многочисленную публику. *Fouinard* былъ принятъ какъ новая пьеса, не смотря на то, что уже двѣнадцать лѣтъ какъ онъ написанъ. Куплеты, острые слова, живые разговоры не устарѣли и сохранили свою свѣжесть и привлекательность. Роль Фуинара съ честью занималъ Арналь. Этотъ превосходный актеръ все болѣе и болѣе достигаетъ совершенства. Самая пьеса очень

занимательна. Она основана на комическомъ происшествіи, изобилующемъ неожиданными и смѣшными положеніями. Зрители большею частію не читали прежде этого веселаго водевиля. Вотъ его содержаніе: *Fouinard* празднуетъ именины своей отсутствующей жены, и приглашаетъ множество гостей, въ числѣ которыхъ находится молоденькая модистка. Она выдаетъ себя за мечтательную Англичанку и старается прельстить чувствительнаго Фуинара. Во время праздника пріѣзжаетъ его жена, и найдя мужа въ такомъ пріятномъ обществѣ, не хочетъ мѣшать ему; напротивъ, она въ сосѣдней комнатѣ устроиваетъ точно такой же праздникъ. Можно предвидѣть себѣ развязку. Въ роли Арналя есть прекрасныя комическія сцены. Хороша также роль поддѣльной Англичанки и привратника, котораго играетъ Аманъ. Вообще пьеса имѣла полный успѣхъ.

Театръ du Gymnase. *La belle Amélie* водевиль. Дѣйствіе происходитъ на морѣ, на купеческомъ галютѣ, который называется прекрасною *Амалиею*, и въ капитанской каютѣ, которая изукрашена, какъ будуаръ свѣтской женщины.

Капитанъ корабля, очень умный, ученый и даже вѣжливый человѣкъ, любитъ всѣмъ сердцемъ дѣвушку, которую онъ никогда не видалъ, которая называется *Амалиею*, и на которой онъ долженъ жениться по пріѣздѣ своемъ въ Смирну. Это его послѣдній вояжъ.

Вмѣстѣ съ нимъ ѣдутъ пассажирами какой-то Парижскій *лезъ* съ молодою дѣвушкою. Авторъ оправдалъ какъ могъ это печальное путешествіе. Всякій читатель тотчасъ догадается, что эта дѣвушка-вожерка та самая *Амалия*, которую любитъ капитанъ и которой имя онъ далъ своему галюту.

Авторъ очень удачно выпутывается изъ этой интриги, которая тѣмъ кончается, что молодаго денди высаживаютъ на

берегъ въ Ницѣ, а капитанъ беретъ *Амалию* въ свое владѣніе.

Очень много интереса, драматическихъ красотъ, чувства и даже слезъ въ этой пьесѣ.

Театръ Разнообразія. *Ma Maitresse et ma femme*, водевиль очень милый, веселый, пріивый, немножко въ родѣ Польде-Кока, но за то смѣшной и занимательный. Всѣ были чрезвычайно имъ довольны.

Г. и Г-жа Иснаръ пріѣзжаютъ на дачу въ концѣ Декабря. Зачѣмъ въ такую пору? Г-жа Иснаръ страдаетъ нервами. Далѣе мы увидимъ причину этой болѣзни. Г. Иснаръ встрѣчаетъ у себя на дачѣ какую-то Клариссу, которая была первою страстію его студенческихъ лѣтъ. Теперь она сдѣлалась женою Тибодо, управителя дачи. Этотъ мужъ и глупъ и ревнивъ, какъ обыкновенно у всѣхъ театральныхъ героинь. Такимъ образомъ, первая любовница Г. Иснара очутилась у него въ услуженіи. Кажется бы и хорошо! Но увы! покуда онъ принимается за прежнее волокитство, какой-то молодой человѣкъ бродитъ около его замка. Лѣсничіе схватываютъ его и приводятъ. Онъ выдаетъ себя за сосѣда, и Г. Иснаръ приглашаетъ его погостить у себя, и представляетъ его своей женѣ.

Едва успѣлъ онъ сдѣлать эту неосторожность, какъ уже догадывается въ чемъ дѣло. Г. Ферьеръ давно уже преслѣдуетъ его жену, и это-то самое составляло ея нервныя припадки. Г. Иснаръ тотчасъ же составляетъ планъ. Посредствомъ Тибодо, которому все суфлируетъ Кларисса, онъ сообщаетъ Г-жѣ Иснаръ всѣ возможныя клеветы на счетъ Г. Ферьера, и этимъ способомъ вылечиваетъ ея рождающуюся страсть.

Этотъ новый рецептъ отъ самой опасной болѣзни былъ принятъ публикою съ удовольствіемъ. Пьеса имѣла полный успѣхъ. При вызовѣ авторовъ оказалось, что это Гг. Дюмануаръ и Деннери.

Театръ *des Délassements comiques*. L'Impératrice et la jeune fille, драма въ трехъ дѣйствіяхъ.

Г. Жирардо и Графъ Шарней сидятъ подъ стражею въ Фенестрельской цитадели. Оба замѣшаны были въ заговорахъ противъ Наполеона, и лишились своей свободы. Дочь Жирардо, Пичіола, любитъ въ тайнѣ Графа Шарнея, и рѣшается на все, чтобъ спасти отца и любовника. Она выпросила себѣ позволеніе раздѣлить заключеніе отца, но однажды, обманувъ бдительность стражи, уходитъ изъ крѣпости, рѣшаясь пробраться къ Императрицѣ Іозефинѣ, чтобъ умолять ее о ходатайствѣ за обоихъ заключенныхъ.

Во второмъ актѣ, Пичіола, преслѣдуемая солдатами, скрывается въ трактиръ, котораго хозяйка оказывается сестрою Фенестрельскаго тюремщика. Пичіолу узнаютъ, хотѣтъ везти обратно, но она еще разъ успѣваетъ спастись и бѣжать.

Въ третьемъ актѣ, она уже въ Александріи, гдѣ тогда были Наполеонъ и Іозефина. Она успѣваетъ проникнуть къ Императрицѣ, которая рѣшаетъ просить своего супруга за виновныхъ. Наполеонъ отказывается. Вдругъ открывается невинность обоихъ; она торжествуетъ, отецъ ея свободенъ, а Графъ Шарней дѣлается ея мужемъ.

Въ пьесѣ есть еще эпизодическое лицо, Англичанинъ, Лордъ Крифортъ, котораго забавныя ситѳаціи развлекаютъ и смѣшатъ зрителя.

Авторъ пьесы — Г. Симоненъ.

Театръ Драматическихъ Шалостей. *La Caisse d'Epargne* (Сберегательная Касса), драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Шарля Денойе. Покойная мать графа Густава де Сенанжа приняла, вмѣсто дочери, сиротку, одаренную, какъ водится, всѣми душевными и тѣлесными совершенствами. Молодой графъ хотѣтъ непременно жениться на этой сироткѣ, которую зовутъ Люціею, но тетка его, старая Маркиза съ

аристократическими предразсудками, выгоняетъ бѣдную дѣвушку. Люція отправляется въ Парижъ, надѣясь поддерживать свое существованіе списываніемъ портретовъ. Туда же слѣдуютъ за нею садовница замка Гилле, съ дочкою своею Терезою, а за Терезою слѣдуетъ влюбленный Патюрель, честный ремесленникъ. Графъ Густавъ также ѣдетъ въ Парижъ, въ сопровожденіи стараго наставника своего Гурло. По пріѣздѣ въ столицу, всѣ расходятся въ разныя стороны, для разныхъ занятій. Люція скромно живетъ своими живописными произведеніями; Густавъ бросается въ вихрь шумныхъ, разорительныхъ удовольствій, а швейка Тереза, питающая тайную любовь къ Густаву, отвергаетъ Патюреля, въ надеждѣ быть графинею, потому что графъ не совсѣмъ къ ней равнодушенъ. Но Тереза, при всей предосудительности своихъ поступковъ, имѣетъ добрыя намѣренія; она совершенно разоряетъ Густава, скупаетъ всѣ его помѣстья единственно для того, чтобы женить повѣсу на Люціи, и тогда возвратитъ ему промотанное имѣніе. Такъ и случилось. Сама Тереза выходитъ за Патюреля, который приноситъ ей въ приданое книжечку Сберегательной Кассы съ накопленнымъ капиталомъ. Авторъ этой пьесы, пишущій для всѣхъ бульварныхъ театровъ, былъ вызванъ при общихъ рукоплесканіяхъ.

Театръ Пале-Рояльскій. *Mathilde* (Матильда), пародія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ шуточныхъ стихахъ, соч. Габріеля и Мишеля Масона. Вотъ здѣсь совсѣмъ другое дѣло: нѣтъ изящнаго разговора, нѣтъ атласныхъ и бархатныхъ платьевъ; здѣсь говорятъ шуточнымъ языкомъ, дурачатся, являются въ невообразимыхъ костюмахъ. Герои, которые заставляютъ трепетать посѣтителей Сенъ-Мартенскаго Театра, здѣсь производятъ неистовый хохотъ. Кто же эти герои? Рошгюнь (*Rochegune*), извозчикъ; Гонтранъ, продавецъ контрмарокъ; ужасный Люгарто, фабрикантъ ваксы; Ма-

тильда пуассардка; Урсула продаетъ орфи. Какъ не хохотать, когда герои пародии таскаютъ другъ друга за волосы, подбиваютъ другъ друга кулаками, пинками.

Театръ Пантеона. *Пьедесталъ*. «Но ты не раскисаешься, сказалъ я Густаву, что пошелъ со мной въ Пантеонъ!»

«Нисколько! отвѣчалъ мой пріятель, если бы Пантеонъ былъ вдвое дальше, я бы и тогда не отказался. Какой чудесный театр! Какія удивительныя пьесы! А всего лучше, какія заманчивыя названія: *Пятны, бабочки, феи, улицы Сен-Жакъ, Маргарита!*»

«Но ты ничего не говоришь объ сегодншней пьесѣ *Пьерона*?»

«Она очень остроумна и превосходно разыграна. Дирекція употребляетъ всевозможныя старанія понравиться публикѣ обстановкою пьесъ, и вполнѣ достигла своего желанія. Всѣ плакали въ драмѣ Г-на Симоненъ, который взялъ сюжетъ изъ повѣсти Жюль-Жанена; всѣ сожалѣли о несчастіяхъ прекрасной *Летиции*; но повѣрь мнѣ, что *Пьедесталъ* сдѣлаетъ еще большее впечатленіе, и долго будетъ привлекать публику въ Пантеонъ, благодаря прекрасной игрѣ артистовъ.» Словоохотливый Густавъ хотѣлъ продолжать свою рѣчь и осыпать упреками ту половину Французской публики, которая не посѣщаетъ Пантеона, но мы были уже у дверей театра, и забыли всѣ неудобствія длинной дороги, слушая прекрасный водевилъ Г-на Пьерона.

— На Парижскомъ театрѣ *Opéra-Comique* ставятъ нѣсколько новыхъ оперъ, а именно: *Les deux bergers* (два пастуха) соч. Планара, музыка Г. Буланже; *On ne s'avise pas de tout* (Всего не придумаешь); *L'eau qui dort* (Стойчая вода), и наконецъ трехактную оперу Скриба и Обера, подъ названіемъ: *La part du diable* (Чортова доля).

— Г-жа Жоржъ заключила съ директоромъ Одеона условіе, по которому она

обязывается играть на этомъ театрѣ, съ 1-го будущаго Января. Г-жа Жоржъ сыграетъ тамъ всѣ роли трагическаго репертуара, доставившаго ей столь блестящую извѣстность; сверхъ того, она будетъ играть въ *Lucrèce Borgia* и *Marie Tudor*, Виктора Гюго, въ которыхъ она создала главные роли. Впрочемъ, артистка эта уже играла въ Одеонѣ, и представленія, въ которыхъ участвовала она, были чрезвычайно блестящи.

ЛОНДОНЪ

Г. Кембель рѣшительно оставилъ дирекцію Ковентгарденскаго Театра, и такимъ образомъ существованіе труппы подверглось опасности. Она хотѣла снова образоваться подъ управленіемъ Г. Бунна, но требованія хозяевъ залы театра (по 900 франковъ за вечеръ) превзошли всѣ ихъ финансовыя расчеты, и дѣйствія труппы остановились. Бенедиктъ и Бертлей дѣлали новыя попытки, и, кажется, надѣются согласить хозяевъ взять по 500 франковъ за представленіе, по крайней мѣрѣ до Рождества. По этой причинѣ *Семирамида* и *Мазаниелло* не были играны; одна *Буря* Шекспира играна была цѣлую недѣлю. Одно только обстоятельство показалось удивительнымъ Бертлею и всей труппѣ. Въ кассѣ не нашли ни шиллинга, тогда какъ театръ былъ полонъ въ продолженіе всей недѣли.

— Между Г-жею Вестрисъ и директоромъ Дрюриленскаго Театра произошла сильная размолвка, по случаю назначенія этой артисткѣ второстепенной роли. Размолвка эта сдѣлалась причиною, что на Дрюриленскомъ Театрѣ не могли давать, въ послѣднее время, одной, весьма любимой публикою пьесы, и что вмѣсто ея наскоро разучили *King Arthur*, Драйдена.

— Къ театру City ангажирована, на неопредѣленное время, талантливая, девятнадцатилѣтняя дѣвушка Алиса Лоу. Вотъ что говоритъ о ней одна Англійская газета: «Дирекція приобрѣла для

сцены Г-жу Алису Лоу, эту жертву преслѣдованія, которую обвиняли въ томъ, что будто она похитила у одного лорда множество драгоценныхъ вещей. Она была судима, на прошедшей недѣлѣ, въ центральномъ уголовномъ судѣ; но присяжные вполне оправдали ее. Театръ былъ половъ въ день дебюта Г-жи Лоу, и въ ложахъ находилось много знатныхъ дамъ, которыя съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидали появленія жертвы. Когда началась увертюра изъ пьесы: *My Neighbours Wife*, повсюду раздались восклицанія: «Алису Лоу! Алису Лоу!» Г-жа Лоу появилась наконецъ передъ публикою, которая приняла ее съ величайшею благосклонностью и потомъ вызвала разъ десять. Дебютантка сыграла роль свою превосходно, и, по окончаніи пьесы, снова появилась на сценѣ, чтобы сказать публикѣ благодарственное привѣтствіе; по силы измѣнили Г-жѣ Лоу: ей сдѣлалось дурно и завѣса опустилась. При новыхъ вызовахъ со стороны публики, вышелъ на сцену директоръ театра съ просьбою извинить Г-жу Лоу, что она, все еще чувствуя себя дурно, не можетъ благодарить зрителей за столь живое участіе.

— Въ Геймаркетскій Театръ привлекаетъ публику, въ великомъ множествѣ, Г-жа Фицвилліамъ, недавно возвратившаяся изъ Соединенныхъ Штатовъ. Г-жа Фицвилліамъ имѣетъ огромный успѣхъ въ пьесѣ: *The Bell of the Hôtel, or American Sketches*, гдѣ она играетъ нѣсколько ролей и превосходно пародируетъ Г-жу Рашель. На Адельфійскомъ Театрѣ имѣла блестящій успѣхъ пародія, подъ названіемъ: *Alma*. Она особенно отличается великолѣпіемъ своей обстановки. Англійскія газеты отзываются съ большою похвалою о новой драмѣ Г. Рейда: *Sunshine and Shade*, которая была играна на Олимпійскомъ Театрѣ.

— Извѣстно, что, въ Сентябрѣ нынѣшняго года, владѣтель Теймутскаго Замка въ Шотландіи составилъ труппу изъ Шот-

ландскихъ національныхъ танцовщиковъ и пѣвцовъ, для увеселенія Е. В. Королевы Англійской и ея супруга, во время пребыванія ихъ въ упомянутомъ замкѣ. Труппа эта заслужила столь большое одобреніе со стороны августѣйшей четы и ея свиты, что извѣстный театральнй антрепренеръ Жюльенъ нарочно отправился недавно въ Шотландію и ангажировалъ для себя всю эту труппу. Шотландскіе артисты дадутъ нѣсколько представленій въ Лондонѣ, потомъ въ Парижѣ, а послѣ того предпримуть путешествіе по Германіи.

— Въ Лондонѣ будетъ открытъ, нынѣшнею зимою, въ Оксфордъ-стритѣ, новый, великолѣпно убранный театр. Для открытія его, дадутъ оперу съ Англійскимъ либретто.

ГЕРМАНИИ.

Въ Вѣнѣ была представлена, въ первый разъ: *Das System*, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Г-жи ф. Вейсентурнъ. Здѣсь дѣло вотъ въ чемъ: Одна молодая дѣвушка, по имени Гермина, увѣривъ себя, что та, которая выйдетъ замужъ за вдовца, не бываетъ никогда счастлива (потому что, по ея мнѣнію, вторая жена всегда проигрываетъ отъ сравненія съ первою), рѣшилась ни за что въ мірѣ не выходить за человѣка овдовѣвшаго. Это-то Г-жа ф. Вейсентурнъ и называетъ *системою*. Конечно это не совсѣмъ *система*, но, какъ бы то ни было, въ пьесѣ Г-жи ф. Вейсентурнъ происходитъ далѣе вотъ что: За Гермину сватаются два жениха: какой-то Графъ Вильдау, у котораго на умѣ только лошади да заклады, и Баронъ Зондернъ, человѣкъ порядочный и, въ добавокъ, съ чувствомъ. Гермина выбрала бы одного изъ нихъ не колеблясь: она выбрала бы барона, но, на бѣду, баронъ этотъ — вдовецъ. Послѣ этого, какъ же прикажете Гермину измѣнить своей рѣшимости, или, какъ говоритъ Г-жа ф. Вейсентурнъ, своей *системѣ*? Между тѣмъ есть слухи, что баронъ былъ не-

счастливы съ своею первою женою, благодаря ея причудамъ и капризамъ. Дядя Гермины совѣтуетъ барону разсказать этой дѣвушкѣ, что первый бракъ его былъ несчастливъ. Догадливый дядюшка очень основательно надѣется, что разсказъ объ этомъ излечитъ Гермину отъ ея боязни, т. е. отъ ея системы; но баронъ, не смотря на всю любовь свою къ Герминѣ, не рѣшается оскорбить памяти покойницы. Чтобы избѣгнуть этого, онъ даже готовъ отказаться отъ руки Гермины. Эти слова его подслушиваетъ Гермина; они убѣждаютъ ее, что человекъ, подобный барону, можетъ первую жену уважать, а вторую любить, и Гермина, разумѣется, рѣшается выйти за вдовца.

Сверхъ того, въ последнее время, были представлены въ Вѣнѣ, въ первый разъ: *Sie schreibt an sich selbst*, комедія въ одномъ дѣйствіи, перев. съ Французскаго К. Гольтеемъ; *Die Papiere des Teufels, oder der Zufall*, сценическая шутка въ трехъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, Г. Нестроя; шутка эта имѣла большой успѣхъ; и *Künstlers Erdenwallen*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Г. Ф. Фосса.

— Во Франкфуртѣ была представлена, въ первый разъ, и имѣла большой успѣхъ, новая пѣса Гуцкова: *Ein weisses Blatt*.

— Аделанда Марксъ, изъ Кельна, изучившая драматическое пѣніе въ Парижѣ, подъ руководствомъ Г-жи Даморо и Гг. Бордоньи и Бандерали, дебютировала недавно на Стутгартскомъ Королевскомъ театрѣ въ роляхъ Графини, въ *Водовозѣ*, Королевы Маргериты, въ *Гугенотахъ*, Доны Анны, въ *Донъ Жуанѣ*, и Рашелл, въ *Жидовкѣ*. Всѣ роли исполнены были съ блестящимъ успѣхомъ. Пѣвица ангажирована на два года.

— Опера Лахнера *Катарина Корнаро*, данная на Франкфуртскомъ Театрѣ, не вполне удовлетворила общимъ ожиданіямъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ собралось теперь много знаменитыхъ арти-

стовъ: Тальбергъ, Листъ, Берліозъ, Бацинини, Эрнстъ и, наконецъ, Кауфманъ, котораго, впрочемъ, нельзя причислить къ артистамъ: это владѣлецъ акустическихъ инструментовъ, бывшихъ и у насъ въ Петербургѣ. Листъ назначенъ капельмейстеромъ Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго, и три мѣсяца въ году долженъ жить въ Веймарѣ для управленія придворными концертами.

— Изъ Берлина пишутъ, что тамошняя публика ожидала появленія на Италіанскомъ Театрѣ первой и единственной ученицы, образованной знаменитою Шоберлехнеръ. Восемнадцатилѣтняя Полина Деларошъ, родившаяся въ Нанси, во Франціи, обладаетъ звучнымъ, пріятнымъ и обширнымъ сопрано. Она уже пѣла съ большимъ успѣхомъ, въ придворномъ концертѣ, арію Мейербера и дуэтъ съ своею наставницею.

— Нынѣшняя Италіанская труппа въ Берлинѣ имѣетъ новую примадонну, синіору Зою, которая соперничествуетъ съ синіорою Ассандри, звѣздою прошедшей зимы. Съ безпримѣрнымъ энтузіасмомъ принимаютъ любители обѣихъ пѣвицъ: въ Нормѣ, обѣ синіоры были вызваны въ продолженіи самаго дѣйствія, чего прежде никогда не случалось. Ко дню рожденія Короля готовили новую оперу Дондзети, а потомъ намѣревались играть Моцартова Донъ-Жуана.

— Драматическая Берлинская труппа давала Рюп-Блаза, драму Виктора Гюго, въ переводѣ Дрекслера-Манфреда. Нѣмецкіе журналы говорятъ, что пѣса Гюго больше реторическая, нежели драматическая; удивляются, до какой крайности можетъ дойти Французскій ультраромантизмъ. Не смотря на отличную игру артистовъ, Рюп-Блазъ выдержалъ только два представленія.

— Новый режиссеръ Киндлеръ, служившій до сихъ поръ при Вѣнскомъ Придворномъ Театрѣ, поставилъ новую оригинальную комедію Фридриха Адама:

«Принцъ и Аптекарь», или «Послѣдній Стюартъ». Пьеса имѣла большой успѣхъ. Многочисленная публика вызвала автора и всѣхъ артистовъ.

— Вартель, бывший артистъ Королевской Музыкальной Академіи, находится теперь съ женою въ Вѣнѣ. Самъ Вартель восхищаетъ публику мелодіями Шуберта и нѣкоторыми Французскими романсами Гризара, Монпу, Мореля, а супруга его игрою на фортепیانѣ, для котораго написана много замѣчательныхъ сочиненій. Жители Вѣны убѣдили артистовъ остаться у нихъ на зиму, хотя Вартель и намѣревался ѣхать въ Стокгольмъ и Петербургъ.

ИТАЛІЯ.

Въ Миланѣ, на театрѣ Scala, будетъ, въ скоромъ времени, дана новая опера Императори, подъ названіемъ: *Bianca di Belmonte*. Карнавалъный сезонъ откроется на Scala новою оперою Федерико Риччи, которую онъ пишетъ именно для этого театра. Въ этой пьесѣ будутъ участвовать Г-жа Поджи-Фреццоллини, Гг. Гуаско и де Бассини.

— Открытый недавно новый театръ въ Ливорно названъ Россиніевскимъ. Дава-

ли Моисея, при блистательномъ обществѣ.

— 29-го Октября, Г-жа Таліони танцевала на большомъ театрѣ въ Болоніи, въ балетъ: *Озеро Волшебницъ*. О восхищеніи, которое произвела она тамъ, разумѣется, и говорить нечего.

ГРЕЦІЯ.

Аѳинскій театръ, закрытый уже десять мѣсяцовъ, будетъ открытъ въ теченіе Декабря. Главныя статьи новаго преобразования этого театра слѣдующія: 1. Театръ города Аѳинъ долженъ быть національнымъ; 2. изъ суммъ, опредѣляемыхъ на расходы общепользныя, будетъ онъ получать ежегодное вспоможеніе, смотря по надобности; 3. трагедія, комедія, опера и балетъ имѣютъ мѣсто на сценѣ; 4. ежегодно, если представится возможность, должны быть даваемы нѣкоторыя изъ образцовыхъ произведеній древней Греціи, вполне сохранившіяся; 5. дирекцію театра составить шесть членовъ, по назначенію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Полагаютъ открыть Аѳинскій національный театръ Софокловою *Антигоною*, съ музыкою Мендельсона-Бартольди.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПЕРВАЯ КНИЖКА.

- I. Драматическія произведенія. Отецъ и дочь, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Передѣланная съ Италіанскаго П. Г. Ободовскимъ.
- II. Матеріалы для Исторіи Театра, и Словесности. Обзоръ Русской Драматической Словесности. Вступленіе. (Статья Князя А. А. Шаховскаго.) — Біографическій очеркъ знаменитаго въ свое время музыканта, Фердинанда Дица. (Н. М.) — Танцовщица, историческій анекдотъ — Лекарь въ Провансѣ. — Очерки театральныя правовъ. Отрывки изъ философическихъ записокъ суфлера, Фоки Савельича Пѣтушкова. (Ө. Булгарина.)
- III. Театральная Хроника. Обзоръ дѣятельности Русскихъ Театровъ въ 1841 году.
- IV. Смѣсь. Біографія пѣвицы Г-жи Даморо-Чинти. — Столѣтній юбилей Оперы, въ Берлинѣ. — Строгость пуб-

лики въ прошломъ столѣтіи. — Замѣчанія на статью: И. А. Дмитревскій, помѣщенную въ Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ. — Некрологія: Г. Теолопъ Г-жа Девіень. Паули.

- V. Драматическій телеграфъ. Разныя театральныя извѣстія, толки и слухи.

ВТОРАЯ КНИЖКА.

- I. Драматическія произведенія. Елена Глинская, драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Н. Полеваго.
- II. Матеріалы для Исторіи Театра, и Словесности. Обзоръ Русской Драматической Словесности. Эпоха 1-я. Трагедія. (Статья Князя А. А. Шаховскаго.) — Любовь актрисъ. — Грошечные театры въ Лондонѣ. (Изъ записокъ путешественника. — Молиеръ и его ключница.)
- III. Театральная Хроника. Александринскій Театръ. — Обзоръ дѣятельности. Кн. XXIV—1.

ности Парижских театровъ въ теченіе 1841 г.

- IV. Смѣсь. Куплеты, изъ водевилей: Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи, и Зятюшка, Л. Т. Ленскаго. — Новый теноръ. — Вопли Парижскихъ журналовъ на отъѣздъ артистовъ въ Россію. — Оле-Буль и Англичанинъ. — Парижская актриса и фигурантка. — Музыкальный пудель. — Листъ. — Гендель. — Фанни Эльслеръ. — Анекдоты: Таліони. Плохой актеръ. Фальшивый оркестръ. Кондукторъ желѣзной дороги. Два пѣвца. — Некрологъ: А. М. Щепкина. Бирчъ. Доменико Менотти.

- V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

ТРЕТЬЯ КНИЖКА.

- I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Цѣпь, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Е. Скриба. Пер. съ Французскаго.

- II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Обзоръ Русской Драматической Словесности. Эпоха 1-я. Трагедія (окончаніе), Князя А. А. Шаховскаго. — Взглядъ Русскаго на Лондонскіе театры. Выдержка изъ путевого журнала, соч. П. А. Корсакова. — Тальма на дачѣ.

- III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. Симонъ-Сиротинка, вод. Римскій боецъ (гладиаторъ), тр. Павелъ Павловичъ съ супругою, ком. Эдипъ въ Афинахъ, траг. Дебютъ Г. Васильева. Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод. — Большой Театръ. Герта, повелительница Эльфридъ, бал. — Михайловскій Театръ. а) Русскій спектакль: Мизантропъ, ком. Артистъ, вод. б) Французскіе спектакли: Une Chaîne, com. Le Jettador, com. mêlée de chant. с) Нѣмецкіе спектакли:

Erste Liebele und Erste Liebe, Estsp. Der Maurer und der Schloffer, kom. Op. — Московскіе Театры. Новости на тамошней Русской и Французской сценахъ. — Дѣятельность Варлавскихъ Театровъ, въ 1841 году. — Статистика Берлинскихъ Театровъ, въ 1841 году.

- IV. Смѣсь. Вѣрное средство обезоружить критику. — Бюстъ Скриба. — Даровой входъ. — Г-жа Каролина Бауеръ. — Пѣвица Финкъ-Лоръ. — В. Кунстъ. — Некрологъ: Александръ Дюваль, Александръ Космаръ.

- V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

- VI. Афиша. Спектакли Петербургскіе и Московскіе въ Январѣ.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИЖКА.

- I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Приключеніе на Искусственныхъ Минеральныхъ Водахъ, или Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ (Boquet père et fils), комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная изъ Французскаго П. А. Каратыпинымъ.

- II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Испанскій Театръ. — Біографія Евгеніи Ивановны Колосовой. Н. М. — Репетиція на Парижскихъ Театрахъ. — Первая драма молодого автора. Статья Александра Дюма. — Богемскій Театръ.

- III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Петербургскіе Театры въ теченіе первой половины Февраля 1842. — Московскіе Театры Бенефисы Гр. Ленскаго и Мочалова. — Парижскіе Театры: Les Philantropes. L'Avocat de sa cause. Les trois fils. Le Duc d'Orlonne. Le Peintre d'animaux. Eugénie la lingère.

- IV. Смѣсь. Постановка на сцену комедіи Цѣпь. — Защита Кунста, въ Гер-

маніи. — Прощаніе Фанни Эльслеръ. — Пронсшествіе на Парижскомъ Театрѣ. — Переводы Испанскихъ драмъ. — Замѣшательство въ Лондонскомъ Театрѣ. — Картеръ въ Брюсселѣ. — Домъ Моцарта. — Оле-Буль. — Орденъ Дубоваго Вѣнка. — Кантата Графини Россн. — Серве въ Варшавѣ. — Ч. Конъ. — Театръ Торлонинъ въ Римѣ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

ПЯТАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Семейныя дѣла, или Съ больной головы на здоровую, водеvilъ въ одномъ дѣйствіи. — Пикникъ въ Токсовѣ, или Петербургскія удовольствія, шутка-водеvilъ въ двухъ картинахъ, П. А. Каратыгина.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Біографія актера Яковлева. (Р. Зотова.) — Театральныя воспоминанія. (Князя А. А. Шаховскаго.) — Смерть двухъ великихъ музыкантовъ. — Актриса у Бедуиновъ. — Бѣглый взглядъ на Исторію Италіянскаго Театра въ Парижѣ. — Артисты Италіянской Оперы въ Парижѣ: Лаблашъ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. — Михайловскій Театръ (Спектакли Французскій и Нѣмецкій). — Московскій Театръ.

IV. Смѣсь. Костромскій Театръ. — Финаль. — Придворный спектакль. — Флейты Фридриха Великаго. — Италіянскіе Театры. — Музыка, пѣніе и пляска Яванцевъ. — Перечень мнѣній критики о Stabat Россіи. — Леопардъ за кулисами. — Арабъ и Парижскія актрисы. — Мейерберъ. — Комическая опера Перголезе. — Музыкальная шутка. — Кредиторъ Таль-

мы. — Некрологъ: С. Кобервейнъ; Кригеръ; Г-жа Эстиваль; В. Рейхель; А. Деббелинъ; Девидажъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

VI. Афиша. Пет. спектакли въ Февралѣ.

ШЕСТАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Свадьба при Лудовикѣ XV, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Александра Дюма. Переводъ съ Французскаго В. Строева.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Біографія Озерова. (Р. Зотова.) — Два порученія. (А. Гр.) — Успѣхъ Комической Оперы. — Артисты Италіянской Оперы въ Парижѣ: Джулія Гриси.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Михайловскій Театръ. Louis XIV et la Marquise de Montespan, комедія; Les pénitens blancs, водеvilъ; Un vaudeville, ou Comme on fait un proverbe, водеvilъ. Бенефисъ Г-жи Дегранжъ.

V. Смѣсь. Рязанскій Театръ. — Театръ въ Нарвѣ. — Пѣвица Галле. — Еще о Дювалѣ. — Прихоть Англичанина. — Листъ въ Берлинѣ. — Последній бенефисъ Г-жи Вейсентурнъ. — Позавидуемъ Вѣнѣ! — Мелочи. — Некрологъ: Кенъе; Д. К. Моррисъ; Лебель.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

СЕДЬМАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Барская смѣсь и Анютинныя глазки. Водеvilъ въ одномъ дѣйствіи. Передѣлакъ Д. Левскимъ.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Обращикъ Французскаго провинціального театра (изъ путевыхъ записокъ Русскаго), П. Корсакова. — Двѣ примадонны, повѣсть

- Р. Зотова. — Бланджии. (Статья Арсенія Гуссе.) — Артисты Италіанской Оперы въ Парижѣ: Тамбурины.
- III. Театральная и Музыкальная Хроника. Концерты первыхъ двухъ недѣль Петербургской музыкальной поры: Живыя картины; Гроссъ; Ораторія Петръ Великій; Г-жи Даморочини и К. Фальконъ; В. и А. Мауреры; Бласъ; Дмитріевъ; Концертъ въ пользу Инвалидовъ; Кнехтъ. — Саатовскій Театръ.
- IV. Смѣсь. Легкій способъ устройства домашняго театра (съ чертежемъ). — Оберъ. — Старинное постановленіе о театрѣ. — Актеръ Менжо. — Дюгазонъ въ Бордо. — Венгерскіе статисты. — Скрипка Виотти и цвѣты. — Приключеніе съ Далайракомъ. — Пышность театральныхъ костюмовъ въ Италіи. — Медвѣдь въ Эсмеральдѣ. — Некрологъ: Роже; Керубини; Аванасьевъ; Д. М. Козловскій; Гоппе; А. Пальмерини; вдова Моцарта; I. Г. Кюнстеръ; Л. Сави; Мартиненъ.
- V. Драматическій Телеграфъ. Разныя извѣстія, толки и слухи.
- ВОСЬМАЯ КНИЖКА.
- I. Драматическія произведенія. Первое волокитство Ришелье. (Les premières armes de Richelieu), комедія съ куплетами въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Баюра и Дюмануара. Переводъ съ Французскаго.
- II. Матеріалы для Исторіи Театра, и Словесности. Отмѣтки изъ памятной книжки музыканта. — Двѣ примадонны, повѣсть Р. Зотова. (Окончаніе.) — Артисты и артистки Парижской Оперы: Г-жа Дорюсъ-Гра.
- III. Театральная Хроника. Концерты послѣднихъ трехъ недѣль Петербургской музыкальной поры: Живыя картины: Ораторія Грауна; Бласъ; Бемъ; Арто; Гилью; Студентскій концертъ и Г. Шубертъ. — Листъ.
- IV. Смѣсь. Палата Перовъ и Парижскіе Театры. — Танцоры и танцовщицы въ Италіи. — Авторъ, журналистъ и любовница. — Французскій балетъ въ Лондонѣ за восемьдесятъ лѣтъ. — Французская комедія за девяносто лѣтъ. — Эльдorado артистовъ. — Мелочи: завѣщаніе Керубини; авторскіе проценты; новый дипломъ Консерваторіи; Молиеровская декорация; Нѣмецкіе оригиналы; новый музыкальный институтъ; кончина Г-жи Говардъ.
- V. Драматическій Телеграфъ. Разныя извѣстія, толки и слухи.
- ДЕВЯТАЯ КНИЖКА.
- I. Драматическія произведенія. Карлъ XII подъ Полтавой, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Р. Зотова.
- II. Матеріалы для Исторіи Театра, и Словесности. Берлинскіе театры. (Письмо изъ Берлина издателя Репертуара и Пантеона, П. Песоцкаго, въ редакцію.) — Пѣвецъ XVII столѣтія. — Завтракъ Молиера. (Статья Поль Мюссе.) В. З. — Артисты Италіанской Оперы въ Парижѣ: Полина Гарсія.
- III. Смѣсь. Ревность Россини. — Неожиданное рѣшеніе. — Бальзакъ и Кипола. — Каламбурная поэзія. — Вѣрное предсказаніе. — Куплетъ кстати. — Музыкальная спекуляція. — Всѣ разыгрываютъ комедію! — Общество драматическихъ писателей — Закладъ. — Китайская драма. Мелочи: Дюма; Мейерберъ; Stabat mater, Россини; Амфитеатръ въ Манчестерѣ; симфонія Мендельсона; кончина Баземана; Калпвода и Доцауэръ.
- IV. Драматическій Телеграфъ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

ДЕСЯТАЯ КНИЖКА:

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Павелъ Павловичъ съ супругою, комедія въ одномъ дѣйствіи, П. А. Каратыгина. Сюжетъ заимствованъ изъ старинной комедіи. — Фортункинъ, или Мужъ съ мѣста, другой на мѣсто, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго Д. Ленскимъ.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Рубецъ. Приключеніе пѣвицы и ея дочери. — Драматическіе и оперные артисты и артистки въ Германіи. Бѣглый взглядъ на нынѣшнее состояніе драматическаго искусства въ Германіи, и краткіе біографическіе очерки артистовъ и артистокъ, по алфавитному порядку. Отъ буквы А. до Л.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. — Г. Громовъ. Г-жа Линская. Святославъ, драма. Бенефисъ Г. Григорьева 1-го: Помѣшанный, драма Г. А. Бурмицкаго; Похожденіе Петра Степановича сына Столбикова, ком.-вод., соч. Гг. Оедорова, Григорьева 1-го и Перепельскаго; Барская спѣсъ и Аютины глазки, водевилъ Д. Ленскаго. — Михайловскій Театръ. Japhet, ou la Recherche d'un règne, комедія Скриба; Les mémoires du diable, фантастическая піеса, соч. Э. Араго и П. Вермона. Бенефисъ Г. Верне.

III. Смѣсь. Черты изъ жизни артистовъ. — Судьба и великій артистъ. — Нѣмецкая Опера въ Парижѣ. — Фортепiano Г-жи Каталани. — Два анекдота. — Сынъ Эдуарда. — Мелочи: А. Дюма; Галсви; рукописи Керубини; пеня за обиду въ журналѣ; Россиніевскій Театръ въ Ливорнѣ; новая книга Э. Девріента; содержаніе ар-

тистовъ встарину. Некрологъ: Адольфина Даршштедтъ; Б. Вилемъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

ОДИННАДЦАТАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Записки Демона (les Mémoires du diable), ком.-вод. въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Э. Араго и П. Вермона. Переводъ съ Французскаго.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Черты изъ жизни Бетговена. — Драматическіе и оперные артисты и артистки въ Германіи. Краткіе біографическіе очерки актеровъ и актрисъ, по алфавитному порядку. Отъ Л. до Э. — Театры въ Венеціи.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. Бенефисъ Г-жи Дюрь (спектакль 11-го Мая): Христина, Королева Шведская, драма въ пяти дѣйств., перев. съ Нѣмецкаго П. Г. Ободовскаго; Настенька, провинціальныя сцены, соч. Н. Коровкина; Фонарь, водевилъ въ одномъ дѣйствіи. — Бенефисъ Г. Каратыгина 2-го (спектакль 19-го Мая): Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, драма въ пяти дѣйств., съ прологомъ, въ стихахъ, соч. П. Г. Ободовскаго; Брюзга, водевилъ въ одномъ дѣйств., передѣланный съ Франц. П. А. Каратыгинимъ; Три звѣздочки, вод. въ одномъ дѣйств., перев. съ Франц. имъ же. — Бенефисъ Г. Максимова (спектакль 25-го Мая): Неровный бракъ, драма-вод. въ одномъ дѣйств.; Обойщикъ, драма въ трехъ дѣйств. (первый дебютъ Г-жи Аполлонской-Максимовой); Супружеское счастье, вод. въ одномъ дѣйств.; Фортункинъ, вод. въ одномъ дѣйств., перед. съ Франц. Д. Ленскимъ. — Московскій Театръ. Одинъ изъ двухъ, или Шпа-

га моего отца, ком.-вод. въ одномъ дѣйств., перев. съ Франц. П. И С.; Сава Савичъ, вод. въ одномъ дѣйств., соч. Н. А. Коровкина; Отцовское проклятіе, драма въ двухъ дѣйств., перев. съ Франц. К. В.; Настенька, провинціальныя сцены въ трехъ картинахъ, соч. Н. А. Коровкина; Дивертиссементъ. (Бенефисъ Г. Усачева, спектакль 15-го Мая). — Дебюты Гг. Нѣмчинова и Лаврова. — Театръ въ Осташковѣ (I. Зим...).

IV. Смѣсь. Странности и причуды нѣкоторыхъ знаменитыхъ композиторовъ. — Рубини. — Последнія минуты Бетговена. — Комедія у дикихъ. — Безпорядокъ и гений. — Два извѣстія о Таліони. — Гамбургскій Театръ. — Подвижной театръ. — Мелочи. — Некрологъ: Жанъ Эллевиу.

V. Драматическій Телеграфъ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

VI. Афиша за Апрель и Май.

ДВѢНАДЦАТАЯ КНИЖКА.

I. Драматическія произведенія. Чудакъ покойникъ, или Таинственный ящикъ (Les Merluchons), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ Французскаго П. А. Каратыгинымъ. — Брюзга, или Максимъ Петровичъ Недоволинъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ Французскаго П. А. Каратыгинымъ.

II. Матеріалы для Исторіи Театра, и Словесность. Біографія актрисы Сандуновой. Р. З. — Тайная неважность. Быль. — Начало Театра въ Харьковѣ.

III. Театральная Хроника. Михайловскій Театръ. Une Vocation, ком.; La tante mal gardée, вод. Бенефисъ Г. Александра. — Московскій Театръ. Елена Глинская, драматическое пред-

ставленіе въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. А. Полеваго; Красное покрывало, драма въ трехъ картинахъ, соч. К. А. Бахтурина; Вдова и тюрьма, вод. въ одномъ дѣйствіи, перев. съ Франц. А. Ж.; Супружеское счастье, вод. въ одномъ дѣйствіи, перев. съ Франц. (Бенефисъ Г. Орлова, 28-го Мая.) Г. и Г-жа Леоновы. Г. Шамбери и Г-жа Майеръ. — Харьковскій Театръ. (Н. М. Семеновскій.)

IV. Смѣсь. Первая опера Листа. — Нѣсколько словъ о пѣніи въ Италіи — Балетъ въ Вѣнѣ. — Бѣдствіе въ театрѣ, въ Шлейцѣ. — Верховая лошадь и танцовщица. — Фальшивыя ноты. — Импровизированный жилетъ. — Хореграфическія подвазки. Мелочи: Скрибъ женится; Агуадо и Дюпре; признаніе Галеви; Д. Дондзетти, Полковникъ Турецкой службы; игра природы; приключеніе на Франкфуртскомъ Театрѣ; записки Гольтея; вспоможенія Гамбургу; призъ композиціи; сынъ актрисы Анаисъ (Mlle Anaïs); памятникъ Керубини; Тальбергъ. — Некрологъ: Жюль Верн; Гелей; К. Клеръ.

V. Драматическій Телеграфъ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

ТРИНАДЦАТАЯ КНИЖКА.

I. Драматическія произведенія. Испанцы въ Даніи, комедія въ трехъ суткахъ, соч. Клары Хазуль; переводъ съ Французскаго.

II. Матеріалы для Исторіи Театра, и Словесность. Флорита, повѣсть Г-жи Шарль Ребо (I, II и III). Анекдотическія воспоминанія объ Эллевиу. Артисты Италіанской Оперы въ Парижѣ: Рубини.

III. Театральная Хроника. Александринскій Театръ: Школа женщинъ, комедія Мольера, перев. Н. П. Хмѣль-

ническаго; Критика на школу женщинъ, комедія Мольера, перев. Н. П.; Капитанъ второго ранга и жена первой статьи, водевиль, передѣл. съ Франц. Н. П.; Дѣдушка Назаръ Андреевичъ, водевиль, передѣл. съ Франц. П. С. Ѳелоровымъ. (Бенефисъ Г-на Мартынова). Проѣздъ черезъ Орель М. С. Щепкина. В. Н.

IV. Смѣсь. Отзывъ о Листѣ въ 1822 году. — Наполеонъ и Сидъ. — Богатый сюжетъ для Скрибовской пьесы. — Оригинальный учитель музыки. — Продѣлка бенефицианта. — Альсидъ Тусе. — Находчивость режисера. Мелочи: Юбилей Вейзе; пожаръ въ Дармштадтскомъ Театрѣ; либрето Скриба для Мидельсона; банкротъ Ковентгарденскаго Театра; — Некрологъ: I. Курицигеръ; А. К. Берне; Фридерика Крикебергъ, урожд. Кохъ.

V. Драматическій Телеграфъ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

VI. Афиша за Юнь.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КНИЖКА.

I. Драматическія произведенія. Настенька, провинціальныя сцены въ трехъ картинахъ, съ куплетами. Соч. Н. А. Коровкина. Одна за другую, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Проспера Мюатевена. Переводъ съ Французскаго.

II. Матеріалы для Исторіи Театра, и Словесности. Флорита, повѣсть Г-жи Шарль Ребо (IV. и V). Ныѣшнее положеніе драматическихъ писателей, въ Англіи. Артисты и артистки Италіанской Оперы, въ Парижѣ: Персіани.

III. Театральная Хроника. Александринскій Театръ. Еще о Школѣ Женщинъ, Мольера. — Ифигенія въ Авлидѣ, Расина. — Дебюты Г-жъ Мартыновой и Самойловой 3-й. Большой

Театръ. Дебюты Гг. Артемовскаго и Михайлова.

IV. Смѣсь. Разсказъ артиста. — Древнія Греческія трагедіи и комедіи, въ Берлинѣ и Вѣнѣ. — Stabat Mater, въ Вѣнѣ. — Процессъ Бальзака. — Общество драматическихъ артистовъ. — Мелочи: Обертъ и Консерваторія; Листъ въ Парижѣ; Рашель; Фанни Эльслеръ; статуя Гретри; Мейербергъ; Донидзетти и т. п. — Визитная карточка Репертуара и Пантеона, отсылаемая Литературной Газетѣ.

V. Драматическій Телеграфъ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

ПЯТНАДЦАТАЯ КНИЖКА.

I. Драматическія произведенія. Противодіс. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи; переводъ съ Французскаго.

II. Матеріалы для Исторіи Театра, и Словесности. Повѣсть Г-жи Шарль Ребо. (Окончаніе). Театръ Принца (del prince). Отрывокъ изъ Путешествія въ Испанію, въ 1841 году. (Статья Роже де Бовуара). Пикаръ.

III. Театральная Хроника. Александринскій Театръ. Учитель, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. В. З. — Мать Испанка, драматическое представленіе въ трехъ отдѣленіяхъ, соч. Н. А. Полеваго. — Выборы, или за споромъ дѣло стало, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Г. Н. П. (Бенефисъ Г-жи Сосницкой). Севастопольскій Театръ. (В. Ко-те-ча). Игра П. С. Мочалова, въ Кіевѣ. (Н. Короновскій).

IV. Смѣсь. Банкротство Нѣмецкой Оперы въ Парижѣ. — Непримѣчательная Англіійской публички. — Почеркъ директора театра. — Оперный сезонъ въ Вѣнѣ. — Нѣчто о Книгѣ. — Необыкновенно

венная разсѣянность. — Средство до-
стать себя костюмъ. — Далеиракъ и
Александръ Дюваль. — Мелочи: По-
жаръ въ Берлинской Оперѣ; Сигара
Фанни Эльслеръ; Просьба Француз-
скихъ музыкантовъ; Тальбергъ, Г-жа
Даморо и Арто; и проч. и проч. —
Некрологъ: Ф. Ястъ; Францискъ стар-
шій и Т. Гаслянгеръ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Раз-
ныя извѣстія, толки и слухи.

VI. Афиша. Петербургскіе спектакли въ
Іюль.

ШЕСТНАДЦАТАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.
Контрабанда, комедія въ четырехъ
дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Раупа-
ха. Переводъ съ Нѣмецкаго Николая
Линдфорса.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА,
и СЛОВЕСНОСТЬ. Пикарь (Оконча-
ніе). — Парижскіе театральные пра-
вы: Мать актрисы.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Театръ въ
Тамбовѣ. (И. Селиванова). — Кіевскій
Театръ. (П. Р.)

IV. СМѢСЬ. Ложа Герцога Орлеанскаго
въ Парижской Большой Оперѣ. — Ли-
тературныя и музыкальныя извѣстія
изъ Харькова. — Памятникъ Мегю-
лю. — Лирическая дѣятельность въ
Италіи. — Театръ есть ли школа пра-
вовъ? — Новое торжество Фанни Эль-
слеръ. — Дуэль за Тамбурины.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Раз-
ныя извѣстія, толки и слухи.

СЕМНАДЦАТАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.
Вернеръ, или Сердце и Свѣтъ, драма
въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Карла Гун-
кова. Переводъ съ Нѣмецкаго Н.
П. М.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА,
и СЛОВЕСНОСТЬ. Миланская Кон-

серваторія. Статья Фетиса. — Дой-
енъ, или Артистъ по любви къ иску-
ству. — Дюсиъ.

III. Новыя черты изъ жизни Молиера. —
Отчего рѣдки образцовыя драматиче-
скія произведенія? — Танцевальныя
компаніи Фанни Эльслеръ. — По-
двигъ благотворительности Фанни Эль-
слеръ. — Два Гамлета. — Станный
спектакль. — Импровизація. — Хлад-
нокровный поклонникъ Шиллера. —
Нѣсколько подробностей о Дюпре. —
Наиболѣе замѣчательныя нынѣ пѣвцы
и пѣвицы на Италіанскихъ театрахъ. —
Зима и весна въ театрѣ. — Разныя
извѣстія. — Некрологъ: Г. Ф. Трейтш-
ке; Графъ Гавицъ; Клеменцъ Брен-
тано; Лебрень.

IV. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Раз-
ныя извѣстія, толки и слухи.

V. Афиша. Петербургскіе спектакли въ
Августъ.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.
Три Звѣздочки, или Урокъ въ люб-
ви и въ Астрономіи, комедія-воде-
виль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ
съ Французскаго П. А. Каратыгина. —
Барабанщикъ. Водевиль въ одномъ
дѣйствіи; передѣланный съ Француз-
скаго П. И. Руссо.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА,
и СЛОВЕСНОСТЬ. Циркъ и Театръ въ
Малагѣ. Статья Теофила Готье. —
Кресчендо и Деминуэндо. Театраль-
ная повѣсть (I. и II).

III. СМѢСЬ. Россини и Бетговенъ. — Су-
машествіе актера Монроза. — Ужинъ
Дебюро. — Возвращеніе рыболова. —
Импровизованный актеръ. — Глукъ
и Новерръ. — Совѣтъ дуэньи. — Ме-
лочи: вальсы; улица Керубини. —
Некрологъ: Гужибюсъ; Г-жа Элленъ.

IV. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Раз-
ныя извѣстія, толки слухи.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ КНИЖКА.

- I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Стаканъ яоды, или Причины и дѣйствія, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Евгенія Скриба. Переводъ съ Французскаго Н. Кампанникова.
- II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Очеркъ артистической жизни. I. Женитьба. — Крещендо и Деминуендо. Театральная повѣсть (III).
- III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. Первый день брака черезъ тридцать лѣтъ послѣ свадьбы, или Лучше поздно, чѣмъ никогда, комедія въ одномъ дѣйствіи, пер. съ Франц. Д. Ленскимъ (Спектакль 4-го Сентября). — Жены наши пропали, или Майоръ Bon-vivant, водевиль въ одномъ дѣйствіи; Великій актеръ, или Любовь дебютантки, драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, соч. П. Каменскаго; сцены изъ поэмы: Мертвыя души; Комедія о войнѣ Федосьи Сидоровны съ Китайцами, Сибирская сказка въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Н. А. Полеваго. (Бенефисъ Г-на Режиссера Куликова, 9-го Сентября). — Тетушка и добродѣтель! Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго; Король Эпціо, историческая драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, въ стихахъ, соч. Раупаха, передѣланная съ Нѣмецкаго В. З.; Наука и женщина, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Г.***; Солдаты и пастухъ, комическая опера въ одномъ дѣйствіи; новая музыка Г-на Ушакова. (Бенефисъ Г-на Толченова 1-го, 21-го Сентября).
- IV. Театръ на выставкѣ въ Академіи Художествъ. — Открытіе монумента Моцарту. — Гробъ трагика. — Нуженъ

ли въ Парижѣ третій лирическій театръ? — Новые рассказы о Фанни Эльслеръ. — Благодарность за роль въ четыре стиха. — Статуйки танцовщицъ. — Некрологъ: Бальо, Тюрнагель.

- V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.
- VI. Афиша. Петербургскіе спектакли въ Сентябрѣ.

ДВАДЦАТАЯ КНИЖКА.

- I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Вотъ такъ пилюли! Чтò въ ротъ, то спасибо! Волшебство въ трехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ, съ куплетами, хорами, танцами и превращеніями. Передѣлано съ Французскаго Д. Ленскимъ.
- II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ. Очерки артистической жизни. II. Мечты. — Крещендо и Деминуендо. Театральная повѣсть. (Окончаніе). Р. Зотова.
- III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. Дебюты Г-жи Самойловой 3-й. Кто пзъ насъ, или Тайна, купленная необыкновенною цѣной, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, перев. съ Французскаго; Первая и послѣдняя любовь Карла XII, драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, пер. съ Нѣмецкаго П. Г. Ободовскаго; Пастушка Нипета, или западня, водевиль въ одномъ дѣйствіи, пер. съ Фр. — Первый дебютъ, или Зритель по неволѣ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, пер. съ Франц. (Бенефисъ Г-жи Самойловой 2-й). — Харьковскій Театръ. Щира Любовь, драма Г-на Основьяненко. И. М. Семеновскаго). — Кіевскій Театръ (Н. Розенталя).
- IV. Смѣсь. Сильфида и Агличанинъ. — Роковой спектакль. — Робертъ Діаволъ подъ дождемъ. — Театральные I Кн. XXIV—2.

свистки. — Маркизь Дебютантъ. — Мелочи: Приговоръ Фанни Эльслеръ; Коммиссія о третьемъ Лирическомъ Театрѣ въ Парижѣ; Даровое представленіе; Таліони въ Вѣнѣ; несчастіе съ Моріани; Концертъ Листа въ Кельнѣ; Тальбергъ въ Вѣнѣ; бюстъ Мариво. — Некрологъ: Дарбовиль; Сунделинъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Мужъ, жена и знатный другъ, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго П. И. Григорьевымъ. Музыка составлена имъ же. — Жены наши пропали! или Маіоръ Bon vivant, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, П. И. Григорьева.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, и Словесность. Очерки артистической жизни. III. Успѣхъ. (II. III.) — Знакомство двухъ артистовъ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. Материнское благословеніе, или Бѣдность и честь, драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ куплетами, передѣланная съ Французскаго Г. Перепельскимъ; Сцена изъ Дмитрія Донскаго; Одна за другую, комедія въ одномъ дѣйствіи; Противоядіе, водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Бенефисъ Г-на Шемаева).

IV. Смѣсь. Письма Гуцкова о Парижѣ. — Те Deum, написанный въ тюрьмѣ. — Комическая опера въ Египтѣ. — Фонтанъ Молиера, въ Парижѣ. — Драматическія произведенія Пиксерекура. — Каролина Бауеръ. — Прежде и теперь. — Мелочи: Инструментальная музыка въ Римскихъ церквахъ; новыя историческія піесы

въ Берлинѣ; новыя театральныя газеты. — Некрологъ: Профессоръ Вейзе; Эдмундъ Ларивьеръ; Ксаверъ Майеръ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

VI. Афиша. Петербургскіе спектакли въ Октябрѣ.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Король Энціо, историческая драма въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти отдѣленіяхъ, передѣланная съ Нѣмецкаго Владиміромъ Зотовымъ.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, и Словесность. Воспоминанія Французской актрисы о Петербургѣ и Москвѣ. — Сильвіо Пелико. — Драматическія сочиненія и переводы Н. А. Полеваго. — Очерки артистической жизни: IV. Критика и V. На фортепіанѣ будетъ играть господинъ ***. — Женщины, писавшія для Французскаго Театра.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. Людмила, драма въ трехъ дѣйствіяхъ; Женатый проказникъ, или Рискнулъ, да и закаялся, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; Кольцо маркизы, или Ночь въ хлопотахъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи. (Бенефисъ Г-жи Шелиховой 1-й.)

IV. Смѣсь. Первое представленіе Севильскаго цирюльника. — Идея, проданная за пятьсотъ франковъ. — Театръ въ Спрѣ. — Оригинальный театр. — Пятидесятилѣтній юбилей актрисы Шрекъ. — Раздражительность артистовъ. — Некрологъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Тетушка и добродѣтель! водевиль въ

одномъ дѣйствиі, передѣланный съ Французскаго В. З. — Интересный случай, или Художникъ и завѣщаніе, водевиль въ одномъ дѣйствиі и двухъ картинахъ, П. И. Григорьева.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, и Словесность. Воспоминанія Французской актрисы о Петербургѣ и Москвѣ. (Окончаніе.) — Удивительныя похождения Нѣмецкаго драматическаго писателя, въ Парижѣ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. Вся бѣда, что плохо объяснились, комедія. — Интересный случай, водевиль. — Два вора, опера. — Желѣзная Маска, драма. — Круговая порука, водевиль. — Большой Театръ. Фаворитка, опера Донидзетти. — Русланъ и Людмила, большая опера въ пяти дѣйствияхъ, музыка М. И. Глинки. — О Холмскомъ Благородномъ Театрѣ. (Ст. Сов. А. Войны-Куринскаго.)

IV. Смѣсь. Сцены за завѣсою. — Молитвенникъ музыканта. — Актриса Дюшенуа. — Самолюбіе артиста. — Дебюты въ провинціи. — Французскіе актеры въ Лондонѣ. — Короли Ивето. — Мелочи: механический пѣвецъ; новая консерваторія; новое печатаніе нотъ; внукъ и честь дѣда; Гуцковъ; опера въ Аѳинахъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

VI. Афиша за Ноябрь.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ КНИЖКА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ. Женатый проказникъ, или Рискнуль, да и закалялся, комедія въ трехъ дѣйствияхъ, соч. Скриба и Дюверье. Переводъ съ Французскаго Н. Б.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА и Словесность. Удивительныя похождения Нѣмецкаго драматическаго писателя въ Парижѣ. (Окончаніе.) — Примадонна и Живописецъ, повѣсть.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА. Александринскій Театръ. Помѣшанный, драва въ трехъ дѣйствияхъ, перед. съ Французскаго. — Женитьба, оригинальная комедія въ двухъ дѣйствияхъ, соч. Н. В. Гоголя. — Гусарская стоянка, вод. (Бенефисъ Г-на Сосницкаго). — Большой Театръ. Русланъ и Людмила, большая опера въ пяти дѣйствияхъ, музыка М. И. Глинки. — Осташковский Театръ. (И. Н....ва).

IV. Смѣсь. Гардемарины въ театрѣ (изъ записокъ Англійскаго морскаго офицера). — Сотрудники. — Новая метода пѣнія. — Мистрисъ Сидонсъ и кружка портера. — Два друга. — Пощечина суфлеру. — Мелочи: Гольтей; первая Пампна; Лиссабонскій Театръ; мистификація на театрѣ; Тикъ и древнія трагедіи; приключеніе съ К. Гейнефеттеръ въ Брюсселѣ; новая Академія любителей вокальной музыки, въ Парижѣ; Спонтини; вальсы и кадрили изъ Stabat Mater Россини; Мендельсонъ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ. Разныя извѣстія, толки и слухи.

Редакція Репертуара и Пантеона считаетъ долгомъ увѣдомить Гг. подписчиковъ, что обѣщанныя приложенія за сей 1842 годъ, будутъ исправно имъ выданы, немедленно по полученіи оныхъ изъ-за границы. Приложенія эти будутъ состоять изъ трехъ портретовъ и одной карикатуры, сдѣланныхъ въ Парижѣ.

6986. 7943.

